

ББК 81
О 82

Серия
Теория и история языкознания

*Центр гуманитарных научно-информационных
исследований*

Отдел языкознания

Редакционная коллегия:

Ф.М.Березин — д-р филол. наук (отв. редактор), *А.М.Кузнецов* — д-р филол. наук, *Е.О.Опарина* — канд. филол. наук, *С.А.Ромашко* — канд. филол. наук

Отечественные лингвисты XX века (Т — Я): Сб. статей // О82 РАН ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Редкол.: Березин Ф.М. (отв. ред.) и др. — М., 2003. — Ч. 3 (Т — Я). — 193 с. (Сер.: Теория и история языкознания).

ISBN 5-248-00162-5

В предлагаемой вниманию читателя третьей части сборника (Т — Я) анализируются работы выдающихся русских языковедов послереволюционного периода, внесших огромный вклад в разработку проблем структурного членения языка, его функционирования и внешних связей, проблем знаковости языка и положения языка среди других знаковых систем. В третьей части сборника будут рассмотрены теоретические концепции отечественных языковедов, начиная от Н.И.Толстого и кончая В.Н.Ярцевой. Издание предназначено для лингвистов, интересующихся историей отечественного языкознания.

ББК 81

ISBN 5-248-00162-5

©ИНИОН РАН, 2003

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А.Д.ДУЛИЧЕНКО. Никита Ильич Толстой</i>	5
<i>И.Г.ДОБРОДОМОВ. Олег Николаевич Трубачев</i>	39
<i>И.Г.ДОБРОДОМОВ. Дмитрий Николаевич Ушаков</i>	62
Ф.М.БЕРЕЗИН. Федот Петрович Филин	76
<i>В.М.АЛПАТОВ. Александр Алексеевич Холодович</i>	95
<i>А.Д.ШМЕЛЕВ. Дмитрий Николаевич Шмелев</i>	106
<i>В.А.ПИЩАЛЬНИКОВА, В.В.ПОТАПОВ. Лев Владимирович Щерба</i>	123
<i>В.М.АЛПАТОВ. Николай Феофанович Яковлев</i>	149
<i>А.А.ЛЕОНТЬЕВ. Лев Петрович Якубинский</i>	158
<i>А.М.КУЗНЕЦОВ. Виктория Николаевна Ярцева</i>	175

А.Д.Дуличенко

НИКИТА ИЛЬИЧ ТОЛСТОЙ

Выдающийся русский ученый советского и постсоветского времени Никита Ильич Толстой (15. IV.1923 – 27.VI.1996) был последним в XX в. филологом классического типа: в области славянского языкознания и славистики вообще он обладал энциклопедическими познаниями. Он был блестящим языковедом, хотя его научные интересы далеко выходили за рамки лингвистики. Он внес неоценимый вклад в отечественную палеославистику, славянскую лингвистическую географию, лексикологию и семасиологию, фразеологию; создавая фундаментальные труды по истории отдельных славянских языков, он разработал основы славянской историко-типологической социолингвистики и комплексной науки – славянской этнолингвистики, в которой впервые широко и плодотворно были объединены языки и традиционная культура славянских народов (фольклор, обряды, обычаи, мифология). Никита Ильич на протяжении всей своей жизни успешно занимался также историей славистики, особенно (этно)лингвистическим ее направлением.

Он родился не в России, где искони жили его предки, в том числе знаменитый прадед, классик русской литературы Лев Николаевич Толстой (1828–1910). От одного из сыновей великого писателя, Ильи, родился сын Илья и от Ильи Ильича – сын Никита Ильич. Случилось это в Югославии, в небольшом сербском городке Вршац, где проживала тогда в условиях послереволюционной эмиграции семья Толстых. Мать Никиты Ильича, Ольга Михайловна, была образованной женщиной, которая, как и отец, серьезно повлияла на жизненный выбор сына. С самого детства Никита Ильич «купался» в море двух языковых стихий – дома в русской, а на улице – в сербской. В 1941 г. он окончил 1 русско-

сербскую мужскую гимназию в Белграде, однако продолжить учиться ему не пришлось: началась Вторая мировая война. Как и определенная часть патриотически настроенной русской эмиграции, он включился в партизанское движение в Югославии, а в 1944 г. добровольно вступил в ряды Красной (Советской) Армии, сражаясь против фашистов на территориях стран средней Европы. Никита Ильич имел ряд высоких наград — за взятие Вены, Будапешта, за победу над Германией. После окончания войны семья Никиты Ильича принимает решение о возвращении на Родину. В 1945—1950 гг. на филологическом факультете Московского университета Никита Ильич изучает болгарский язык, а затем здесь же поступает в аспирантуру к проф. С.Б. Бернштейну. В 1954 г. он успешно защищает кандидатскую диссертацию на тему «Краткие и полные прилагательные в старославянском языке». С 1952 по 1956 г. Никита Ильич преподает сербскохорватский язык в Институте международных отношений (Москва). С 1954 г. его деятельность связана с АН СССР, с Институтом славяноведения, где он работает сначала младшим научным сотрудником, с 1962 г. — старшим, а с 1977 г. становится руководителем группы этнолингвистики и славянских древностей (с 1979 г. стала называться группой этнолингвистики и фольклора); с 1981 по 1992 г. он заведует здесь сектором этнолингвистики и фольклора. В течение многих лет Никита Ильич является членом Ученого совета института. С 1968 г. он начал регулярно читать лекции по славистике в Московском университете, пройдя путь от простого преподавателя до профессора (с 1976 г.). Яркая индивидуальность, глубокая увлеченность фундаментальными проблемами языкознания были замечены акад. В.В. Виноградовым, который уже в 1954 г. пригласил Никиту Ильича в журнал «Вопросы языкознания» на должность ответственного секретаря (проработал здесь до 1971 г.). С 1955 по 1958 г. Никита Ильич — секретарь Международного «комитета славистов (МКС), затем становится его членом, с 1986 г. — председателем Советского комитета славистов (с 1992 г. — Российского), в 1987—1996 гг. — вице-президентом МКС. С 1965 по 1987 т. Никита Ильич был на должности заместителя главного редактора журнала «Советское славяноведение».

В 1972 г. Никита Ильич успешно защитил в Санкт-Петербургском (тогда Ленинградском) университете докторскую диссертацию «Опыт семантического анализа славянской географической терминологии». С 1974 по 1996 г. он был членом Экспертного совета Высшей аттестационной комиссии (ВАК) по языкознанию (с 1978 г. — по

филологии и искусствоведению), в 1977–1996 гг. — член (с 1983 г. — заместитель председателя) Комиссии по истории филологической науки при Российской АН (РАН), в 1989–1990 гг. — председатель Совета Международного фонда славянской письменности и культуры, член Музейного совета при Президиуме РАН (с 1989 г.), в 1990–1996 гг. — председатель редколлегии Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого, в 1992–1996 гг. — председатель Научного совета по фольклору при РАН, в 1994–1996 гг. — председатель Совета Российского гуманитарного научного фонда и член Совета по научно-технической политике при президенте России. Добавим также, что Никита Ильич в течение многих лет являлся членом Научного совета по диалектологии и истории языка и Научного совета «Теория советского языкознания», функционировавшего при АН СССР; в рамках МКС как его член участвовал в работе Международной комиссии по истории славистики и Международной комиссии по лексикологии и лексикографии. Никита Ильич принимал деятельное участие в работе ряда научных периодических и продолжающихся изданий: в 1983–1996 гг. он член редколлегии журнала «Русская речь», в 1985–1991 гг. — член редколлегии научной серии Тартуского университета «*Slavica Tartuensia*», с 1987 г. он заместитель главного редактора, а в 1993–1996 гг. — главный редактор журнала «Вопросы языкознания»; в 1993 г. Никита Ильич возобновляет издававшийся в 1890–1917 гг. старый русский журнал «Живая старина» (его главный редактор в 1993–1996 гг.).

Его путь на академические высоты был стремителен: в 1984 г. он избран членом-корреспондентом АН СССР, а в 1987 г. Никита Ильич становится действительным членом этой академии; с 1985 г. и до самой кончины он был членом бюро Отделения литературы и языка АН СССР (затем — РАН), а в 1992–1996 гг. являлся членом Президиума РАН. Еще раньше, чем его возвели в действительные члены отечественной АН, Никита Ильич был избран иностранным членом Австрийской АН в Вене (1979) и Македонской академии наук и искусств в Скопье (1979); затем последовало избрание его иностранным членом Сербской академии наук и искусств в Белграде (1985), Югославянской (ныне Хорватской) академии наук и искусств в Загребе (1986), Словенской академии наук и искусств в Любляне (1987), доктором *honoris causa* Люблинского университета им. М. Кюри-Склодовской (Польша, 1991), иностранным членом Польской академии наук и искусств (Краков, 1991), Белорусской АН в Минске (1995) и, наконец, действительным членом Европейской акаде-

мии наук и искусств в Зальцбурге (Австрия, 1996). Никита Ильич являлся также почетным членом Славистического общества Сербии (с 1989 г.), научного общества «Матица Сербская» в Новом Саде (с 1991 г.). Он участвовал почти во всех международных съездах славистов, начиная с 4-го (Москва, 1958), затем на 6-ом (Прага, 1968), 7-ом (Варшава, 1973), 8-ом (Загреб, 1978), 9-ом (Киев, 1983), 10-ом (София, 1988), 11-ом (Братислава, 1993). В 1994–1996 г. Никита Ильич был профессором Православного университета им. Иоанна Богослова (Москва), а в 1996 г. он награжден орденом Русской православной церкви Святого благоверного князя Даниила Московского II степени; несколько раньше, в 1994 г., за научные заслуги ему присуждена возрожденная в России Демидовская премия; в 1996 г. Сорбоннский университет в Париже награждал Никиту Ильича медалью.

После тяжелой болезни 27 июня 1996 г. Никита Ильич Толстой скончался; погребен в семейном некрополе (в ограде Никольской церкви) в деревне Кочаки недалеко от Ясной Поляны (Тульская область).

Научная деятельность Никиты Ильича охватывает практически всю вторую половину XX в. Еще до того, как стали появляться его первые печатные труды по славистике, он занимался переводами художественной литературы с сербскохорватского (О. Давичо) и болгарского языков (И. Вазов, Е. Пелин, позднее — Л. Каравелов), написал для второго издания «Большой советской энциклопедии» (БСЭ), а затем для третьего издания «Малой советской энциклопедии» (МСЭ) массу статей по различным славянским языкам (кашубский, македонский, сербскохорватский, словенский и др.), о выдающихся деятелях славянской науки и культуры (В.С. Караджич, В. (Е.) Копитар, Б. Нушич, С. Младенов, Ф. Прешерн и др.).

Научные занятия Никиты Ильича с самого начала проходили в русле двух классических для славистики направлений — славянской диалектологии и палеославистики (или славянских древностей). В первое направление он включился уже будучи студентом, а затем и аспирантом при кафедре славянской филологии Московского университета: в 1949–1952 гг. он участник экспедиции по изучению болгарских говоров в Бессарабии и Приазовье, с 1956 по 1959 г. он совершает ежегодные поездки в Болгарию для сбора материалов для «Болгарского диалектологического атласа», а в 1961 г. оказывается в Ташкенте, где среди македонских беженцев из Греции изучает переселенческие эгейско-македонские говоры. В дальнейшем полевая работа станет для Никиты Ильича одной

из важнейших сторон его научной деятельности (см. ниже). В палеославику он вошел своей кандидатской диссертацией по кратким и полным прилагательным в старославянском языке, которую с успехом защитил в 1954 г. Если диалектология стала надежной базой созданных им и получивших широкое международное признание методов лингвогеографического анализа лексики и привела в конечном счете к разработке принципов интердисциплинарной науки — славянской этнолингвистики, то палеославику подвела его к истории и типологии славянских литературных языков, что позволило заложить основы славянской историко-типологической социоллингвистики.

Фундаментальность подхода к языковому материалу в соединении с тонким языковым чутьем и широта лингвистических взглядов проявились у Никиты Ильича уже при написании кандидатской диссертации. Опираясь на материал канонических текстов Зографского, Маринского, Ассеманиева евангелий и Саввиной книги, Никита Ильич детальным образом выявил значения кратких и полных прилагательных старославянского языка, установил основные принципы их корреляции и определил специфику синтаксической связи этих форм с существительными. Оказалось, что «краткие и полные формы прилагательных в атрибутивной функции выражают отношения определенности и неопределенности <...>. Корреляция полных и кратких форм в старославянском языке не шла по линии атрибутивности и предикативности или 'энергичности' и 'неэнергичности' признака предмета. Активным членом корреляции была полная, определенная форма прилагательного < ... >»; «Семантика прилагательного < ... > играла огромную, подчас решающую роль при употреблении исключительно полной формы. К таким прилагательным относились темпоральные, локативные и некоторые другие группы прилагательных» (Толстой, 1956: 42, 43). В дальнейшем Никита Ильич проверит свои заключения на материале живых славянских языков и прежде всего сербскохорватского, в котором адъективная специфика, характерная для старославянского языка, сохранилась лучше всего. Кроме того, позднее он также свяжет эту проблематику с вопросом о члене-артикле и об указательных местоимениях в славянских языках — в выступлениях на различных научных конференциях.

Методологически важным для палеославики является феномен старославянского языка. Никита Ильич уже в 50-е годы обратил внимание на противоречивость толкования понятия «старославянский язык», отметил недостаточную изученность его истории как литератур-

но-письменного языка и как международного языка славянских народов; ощутил он и пробелы в исследовании вопроса о значении этого языка в формировании и развитии многих славянских литературных языков. Именно поэтому он уже в 60-е годы поставил вопрос о необходимости «создания научной грамматики старославянского языка, отвечающей современным требованиям палеославистики», т.е. об академической грамматике древнего литературного языка славянства. Для этого необходимо было тщательное изучение всего корпуса памятников, особенно среднего и позднего периодов, т.е. времени так называемого церковнославянского языка. «Н.И. Толстой постепенно формулирует гипотезу о старославянском языке как об особо обработанной наддиалектной модели, которая создана на основе южнославянских говоров с опорой на греческий язык как образец. Тем самым подчеркивается исконно интернациональный и интерславянский характер этого языка. Кирилло-мефодиевская традиция в истории славянской письменности представляется Н.И. Толстым как стремление к нормализации и сохранению древнеславянского языка как орудия межславянской культуры. Старославянский язык определил формальную, в значительной мере лексическую и стилистическую сторону древнеславянского литературного языка на протяжении почти всей его истории. Стабильность основных элементов модели старославянского языка обусловлена устойчивостью литературы (прежде всего сакральной), которую этот язык обслуживал» (Мокиенко, 1998: 69).

Никита Ильич много писал об изводах (геср. редакциях) старославянского (геср. церковнославянского) языка, которые стали формироваться приблизительно с XII в. — древнерусском, древнеболгарском, древнесербском, древнехорватском глаголическом, древнемакедонском; к этому числу он присоединяет еще редко учитываемые древнегалицко-русский (геср. древнегалицко-волинский), древнесевернорусский, старобоснийский, славяно-влахо-молдавский и некоторые другие изводы. Проникновение в специфику этих изводов подвело Никиту Ильича к мысли о том, что первый литературно-письменный язык славянства — старославянско-церковно-славянский — был по существу, несмотря на локальные его окраски, единым литературным языком греко-славянского мира — *Pax Slavia Orthodoxa* на протяжении IX–XI, XII–XVIII вв. Именно вскрытие этого «противоречия» между, с одной стороны, существованием старославянско-церковнославянского языка в виде этнических изводов, с другой стороны, сохранением его внутреннего

единства привело Никиту Ильича к мысли о том, что оно, это «противоречие», как раз и составляет специфичность литературно-письменного языка славянства, для которого он предложил лингвоним «древнеславянский (литературный) язык». Чем же поддерживалось единство локально функционировавшего литературного языка? По Толстому, прежде всего его надэтнической и сакральной по содержанию древнеславянской литературой, главные образцы которой составляли переводы с греческого языка, а позднее и оригинальные тексты. Никита Ильич дает хронологические границы этой литературы — X–XVIII вв. «< ... > древнеславянская литература, как и древнеславянский литературный (книжный) язык, которым эта литература пользовалась, — пишет он, — была надэтнической, наднациональной литературой, подобно европейской средневековой латыни, имевшей свою богатую литературную традицию, восходящую еще к античным временам. У западных славян и южных славян католического вероисповедания (хорватов и словенцев) была распространена средневековая латинская литература, и в их среде было немало писателей-латинистов, т.е. представителей этой литературы» (Толстой, 2002: 84). В работе «Древняя славянская письменность и становление этнического самосознания у славян» (1982) Никита Ильич выводит, что к XIII–XIV вв. в *Rex Slavia Orthodoxa* устанавливается гомогенное — церковнославянско-русское, церковнославянско-сербское, церковнославянско-болгарское и т.д. — двуязычие, в то время как в *Rex Slavia Latina* господствует гетерогенное — латино-чешское, латино-польское, латино-хорватское и т.д. — двуязычие.

В славянском языкознании особый интерес вызвала разработанная Никитой Ильичом в начале 60-х годов периодизация истории древнеславянского литературного языка: первый период — раннего древнеславянского литературного языка, т.е. собственно старославянского, «золотой век» древнеславянской книжности (IX–X, частично XI вв.), второй — среднего, церковнославянского (XII–XVI вв.), третий — период позднего древнеславянского литературного языка (XVII–XVIII вв.). Критериями этой периодизации для Никиты Ильича послужили как внешние, так и внутренние факторы — учет историко-культурных особенностей функционирования древнеславянского литературного языка как международного языка культуры у славян, особенности нормализации и централизации его норм, имевшие специфическое содержание и направление в разные периоды, — ранний кирилло-мефодиевский, затем в эпоху тырновской и ресавской школ в Болгарии и так называемого вто-

рого южнославянского влияния на Руси в XIV–XV вв. и, наконец, в эпоху виленской, киевской и московской школ.

Позднее Никита Ильич предложил периодизацию истории древнеславянского (церковнославянского) языка на Руси: первый период (IX–XIII вв.) — появление на Руси письменности (так называемое первое южнославянское влияние), важнейшие памятники, как, например, Остромирово евангелие (1057), Архангельское евангелие (конец XI в.), Изборник Святослава (1073 и 1076 г.) и др.; второй (XIV–XV вв.) характеризуется как эпоха второго южнославянского влияния, когда со славянского Юга из-за натиска турок на Балканы многие книжники переправились на Русь, где продолжили традицию церковнославянской письменности; третий период (XVI–XVII вв.) отличается тем, что, с одной стороны, русская (великорусская) книжность стала испытывать влияние юго-западной Руси и малорусской (украинской) и белорусской книжных традиций, с другой стороны, сама великорусская книжность оказывала теперь воздействие на южных славян (Острожская библия 1581 г. как образец и норма); в четвертый период (XVIII в.) наблюдается «вытеснение этого языка из ряда книжных жанров в связи с перестройкой всей жанровой системы русского языка и общим стремлением синтезировать церковнославянскую и русскую языковую стихии. Характерной чертой этого периода является создание упрощенного варианта русского церковнославянского языка, на котором писал ряд своих сочинений Феофан Прокопович»; в это же время был кодифицирован церковнославянский текст Библии — так наз. Елизаветинская библия 1751 г., принятая Русской православной церковью и используемая до наших дней; пятый период (XIX–XX вв.) «отличается полным отделением церковнославянского языка от светского и ограничением его функций как чисто церковного, сакрального языка»; до сих пор на нем продолжают создаваться и новые тексты в связи, например, с канонизацией святых и др. (Толстой, 2002: 82–83).

В отечественной палеославистике Никита Ильич первым комплексно подошел к сложнейшей проблеме взаимоотношения локальных типов древнеславянского литературного языка, бытовавшего на славянском Юге и Востоке. Им установлено, что с периода Реформации (XVI в.) и в XVII в., когда начинают формироваться литературные языки различных славянских народов, древнеславянский литературный язык, несмотря на ряд проведенных на Востоке опытов по расширению его функциональных границ в светской сфере и в светских жанрах литературы,

переживает кризис, хотя и продолжает употребляться в церковной и некоторых других сферах. Более того, «в разные периоды его [древнеславянского литературного языка] развития язык доминирующего центра становился наиболее авторитетным и почти обязательным во всем греко-славянском мире, т.е. во всех локальных ареалах. Так было в эпоху второго южнославянского влияния, так было при обратном воздействии на южных славян в XVII и XVIII вв. Таким образом, в конечном итоге не было локально замкнутого, независимого и параллельного развития древнеславянского языка в отдельных странах или локальных ареалах, а шел процесс развития, при котором соотношения между отдельными изводами устанавливались по принципу сообщающихся сосудов, с обнаружением стремления к общему уровню» (Толстой, 1963: 271). В период, предшествующий формированию национальных литературных языков в Сербии, Болгарии и России, древнеславянский литературный язык оставался в то же время источником и своеобразной моделью, на основе которой создавались «славяносербский», «славяноболгарский» и «славянорусский» литературно-письменные языки. В работе «Роль древнеславянского литературного языка в истории русского, сербского и болгарского литературных языков в XVII–XVIII вв.» (1962) Никита Ильич убедительно показывает это, опираясь на языковой материал XVIII в. и используя прекрасную возможность сопоставления параллельных текстов, т.е. текстов одних и тех же произведений, появившихся на этих «славяно-национальных» языках. «Единый текст, — пишет он в другой работе, — подобно единой матрице или температурной таблице больного, позволяет следить за историей развития («историей болезни») литературного языка, что особенно важно для исследования периода до окончательного установления национального литературного языка» (Толстой, 1990а: 480). Рассматривая локальные типы, Никита Ильич выявляет два основных способа нормализации древнеславянского литературного языка: более ранний — текстовый, называемый также «исправлением книжным» (восприятие лексической и грамматической нормы через текст и следование этому), и новый для православных славян — грамматический, который заключался в создании нормативных грамматик и следовании их предписаниям. Исследования такого плана убеждают нас в том, что Никитой Ильичом заложены основы будущего грандиозного по масштабам синтезированного труда, заключающегося в систематическом и планомерном исследовании судеб древнеславянского литературного языка от его возникновения и до времени растворения в соответствующих

славянских национальных литературных языках, т.е. от IX–X до XVII–XVIII вв. Отметим, что отечественная и международная палеославистика и наука о литературных языках, в частности, еще не знали работ такого масштаба.

Исследование указанной проблематики Никита Ильич успешно проводил также, основываясь на анализе «Старинных представлений о народно-языковой базе древнеславянского литературного языка (XVI–XVII вв.)» (Толстой, 1976: 177–204) в сочинениях ряда восточно-, южно- и западнославянских книжников, специально обращая внимание на весьма показательный материал — форму и функционирование лингвонимов «словенский язык», «русский язык» и т.д. в различных славянских культурных центрах, что проливает свет на саму историю древнеславянского литературного языка, судьбу его локальных типов и их роль в истории формирования отдельных литературных языков славянских народов. Обращение именно к такому специфическому материалу не случайно — оно дань русской палеославиристической традиции, начатой в конце XIX в. В. Ягичем, его колоссальным по объему трудом — сборником текстов и комментариев к ним под общим названием «Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке» (Исследования по русскому языку, СПб., 1895, т. 1).

Одним из фундаментальных достижений истории и общей теории литературного языка была разработка идеи конкуренции норм и литературно-языковых вариантов, выдвинутой и развитой Никитой Ильичом. Изучение внутренней и внешней языковой конкуренции позволяет раскрыть глубинный уровень литературно-языковых процессов в период становления единого общенационального литературного языка, как это было, например, у сербов в конце XVIII — начале XIX в., когда конкурировали три типа, или варианта, языка: архаичный славяносербский (представленный жанрами оды, лирики, драмы — у Павла Юлинца, Григория Тарлаича, А. Везилича и др.), новаторский «народно-сербский», или «простое сербское нар гје» (переводы и оригинальные драматические, исторические и прочие тексты Эммануила Янковича, Н. Лазаревича, Йована Мушкатиновича и др.) и церковнославянско-русский (церковно-поучительные и другие сочинения Йована Раича, К. Живковича и др.). Тщательное и всестороннее исследование вопросов позднего древнеславянского литературного языка вполне логично подводит Никиту Ильича к проблематике донациональной истории литературных языков восточно- и южнославянских народов. Особенно значителен

его вклад в изучение литературного языка и литературно-языковой ситуации у сербов в конце XVIII — начале XIX в. Выдающимся трудом в этом плане является имеющая монографический характер работа «Литературный язык у сербов в конце XVIII — начале XIX вв.» (1978—1979). Старую сербскую книжность Никита Ильич делит на 14 видов (resp. жанров) и создает общую схему в виде так называемой «лестницы жанров»: чем ниже по ступенькам, тем все более увеличивается доля и объем светских жанров. Вот эта «лестница»: конфессионально-литургическая литература, конфессионально-гимнографическая, агиографическая, панегирическая, конфессионально-учительная литература и патристика, конфессионально-юридическая, апокрифическая, историческая, повествовательная, паломническая, натуралистическая и философско-филологическая, светско-юридическая, деловая письменность и письменность бытовая. Никита Ильич устанавливает, что со всеми этими жанрами текстов связан определенный тип языка, степень строгости и устойчивости литературно-языковой нормы. В 1935 г. славист Б.О. Унбегаун предложил периодизацию истории литературного сербского языка XVIII в.; Никита Ильич, отталкиваясь от нее, строит собственную периодизацию, которая основывается на лингвистических и социолингвистических, исторических и историко-культурных критериях. Так, до 1740 г. у сербов бытовал древнеславянский литературный язык сербского извода (язык Ерофея Рачанинского, Гавриила С. Венцловича), с 1740 по 1760 г. — «славяносербский» и на русской основе, под которым понимается древнеславянский язык позднего русского типа, русский «высокий» литературный и историографический слог XVIII в. (Христофор Жефарович, Симеон Симонович, тексты делового, церковного и гражданского языка и т.д.), с 1760 по 1780 г. — укрепление позиций «славяносербского» языка (язык букварей, грамматических и прочих сочинений, язык переводов Павла Юлинца, произведений Захария Орфелина), с 1780 по 1800 г. — переходный период от «славяно-сербского» к литературному языку на народной основе, когда наблюдалась острая «конкуренция опытов нормирования и кодифицирования литературного языка» и литературно-языковое соотношение зависело прежде всего от жанра текста (язык учено-теологической и житийной литературы, административно-юридических, публицистических, естественно-научных и прочих текстов, язык Досифея Обрадовича, Иована Раича и др.); наконец, первая четверть XIX в. (до 1825 г.), для которой характерно преимущественное употребление языка, близкого к народному, либо «сред-

него» языка, также тяготеющего к живой речи (язык Видаковича, Иоакима Вуича, Лукиана Мушицкого, Гавриила Ковачевича, ранний период деятельности Вука С. Караджича). Логическим завершением этой сложной литературно-языковой истории явилась знаменитая реформа В.С. Караджича.

Полноту картины литературно-языковых процессов в южнославянском (сербскохорватском) ареале дают работы Никиты Ильича, специально посвященные западной части славянства — *Pax Slavia Latina*. В частности, ученый выявляет для древнехорватского литературного языка (XII—XIV вв.) наличие романо(латино)-славянского и в меньшей степени греко-славянского симбиоза, при котором славянский компонент был представлен в виде так называемого глаголизма, т.е. древнеславянского литературного языка, оформленного глаголицей и использовавшегося в богослужении главным образом в Далмации и на островах Адриатического моря; отмечает процесс «охорвачивания» древнеславянских текстов и начало конкуренции языковых норм в различных текстах этого времени. Период XVI—XVIII вв. для указанного (и несколько шире) региона отличается большой сложностью и противоречивостью. Главным признаком здесь является литературно-языковый регионализм. В работе «Становление хорватской литературы и литературный регионализм в XVI—XVIII вв.» (1987) Никита Ильич выделяет и детально описывает чакавскую неглаголическую литературу (и литературный язык), дубровницкую штокавскую, боснийскую штокавскую, славонскую штокавскую, кайкавскую, градишанскую чакавскую и носящие надрегиональный характер латинскую, глаголическую и протестантскую литературы, не оставляя в стороне и попытки чакавско-штокавского, чакавско-кайкавского и иного литературно-языкового симбиоза.

В связи с вопросами донациональной истории славянских литературных языков важно отметить также раннюю работу Никиты Ильича «Об образовании восточнославянских национальных литературных языков» (Толстой, 1959: 64—67), в которой, вслед за академиком В.В.Виноградовым, выделяется два литературно-языковых типа — книжно-славянский, в основе общий для восточных (и южных) славян, и народно-литературный. Отказываясь от прямолинейного понимания диалектной базы литературного языка (в частности, русского), Никита Ильич развивает идею о междиалектном койне как основе, на которой формируется национальный литературный язык. Следует отметить также его доклад на всесоюзной конференции по славянским литературным

языкам в донациональный период «Славянские региональные литературные языки и их функции в современный и донациональный период» (1969), в котором даются параметры, характеризующие современные региональные литературные языки, или литературные микроязыки, а ситуация с донациональными региональными вариантами литературного языка определена как период энергичной конкуренции за право стать основой общенационального литературного языка. Специально рождению нового литературного языка в 80–90-е годы XX в. — западнополесского, или русинско-полесского, посвящена отдельная работа Никиты Ильича (Толстой, 1990б: 265–272), в которой впервые дается характеристика этого литературно-языкового эксперимента, предпринятого усилиями Миколы Шеляговича и его единомышленников в Белоруссии на базе переходных белорусско-украинских говоров. До того появление малых литературных языков было характерно для мира *Slavia Latina*. Никита Ильич не исключал возможности того, что западнополесский литературный микроязык — «начало такого процесса у восточных славян». Ситуация 90-х годов показала, что его прогноз был верен: стали появляться (либо возрождаться) эксперименты по созданию региональных литературных языков в Закарпатской Украине, в Восточной Словакии, в Польше и Венгрии (ныне развивающиеся на разных говорных основах варианты *lingua ruthenica*).

Никите Ильичу Толстому принадлежит ряд интересных работ по истории других славянских литературных языков — кроме сербскохорватского, также словенского, болгарского (Толстой, 1981: 122–134). Опираясь на типологические признаки-критерии, выдвинутые еще в 1965 г. в работе «О последней попытке применения 'общеславянской азбуки' к словенскому литературному языку», Никита Ильич детально просматривает историческое развитие указанных трех языков в их отношении к традиции (например, к церковнославянскому языку), к диалектной базе (осуществляется ли опора на одну или же несколько диалектных зон), к областным литературным языкам, или микроязыкам (т.е. наблюдается ли сосуществование с ними или же неприятие подобных феноменов), к разным культурно-языковым центрам, к городскому койне (наличие его или отсутствие, роль устно-поэтического койне и т.п.). Его «деминутивно» названная работа «Страничка из истории македонского литературного языка» (1965) была оценена как «значительное достижение советской македонистики» (см.: Литературен збор, Скопје, 1965, № 6, с. 24). Никита Ильич впервые публикует и детально анализи-

рует переводы «Любушиного суда» из «Крале-дворской рукописи», сделанные на македонский язык в XIX в. К. Дмитриевым-Петковичем и Р.К. Жинзифовым и представляющие собой «один из ранних опытов создания македонского литературно-поэтического языка» на основе центральных македонских говоров.

Историко-типологическая социолингвистика, планомерно разрабатывавшаяся Никитой Ильичом Толстым на материале всей Славии и с привлечением широкого европейского контекста, сделалась одним из приоритетных направлений в отечественной науке о языке и в славистике, в частности. Стало возможным систематически изучать языковые ситуации в различные периоды в разных регионах Славии. Показательным в этом плане является исследование Никитой Ильичом специфики составляющих языковой ситуации в западных частях восточного (Украина, Белоруссия), части западного (Польша, Чехия) и части южного (Босния) славянства в XVII в. Для всех славянских народов, проживавших в выше упомянутых частях Славии, «XVII век был веком поиска и опытов создания новых форм литературного языка, новых форм и жанров, новых возможностей развития языка и литературы». Продуктивным оказался и подход Никиты Ильича к изучению стилистического развития литературного языка. Так, он установил, что для русского литературного языка стилистическая характеристика лексики связана прежде всего с хронологическим аспектом, т.е. архаичность/неархаичность, а для сербскохорватского — с локальным.

Крупнейшим достижением считается разработанная Никитой Ильичом типологическая классификация славянских литературных языков, которая отталкивается от классификации хорватского лингвиста Д. Брозовича (Брозович, 1967: 3–33), однако значительно от нее отличается. Это итог большой и длительной работы с материалом многовековой истории всех славянских литературных языков. 19 признаков распределены в четыре группы: первая включает синхронные признаки — наличие/отсутствие диалектной базы и ее близость/отдаленность от литературного языка, от фольклорного койне, наличие/отсутствие разговорно-обиходной разновидности, территориальных вариантов, просторечия, малых литературных языков (микроязыков) и стабильность/нестабильность нормы; вторая состоит из диахронических признаков — сохранение традиции/разрыв с нею, прерывность/непрерывность развития, неизменность диалектной базы/смена ее, давнее/недавнее возникновение традиции литературного языка; тре-

тью составляют признаки историко-культурного плана — гомогенное/гетерогенное двуязычие (и многоязычие) или диглоссия, функционально-парадигматическая связь с древнеславянским литературным языком/отсутствие таковой, наличие/отсутствие культурно-языкового центра; в четвертой группе — признаки этнокультурно-филологического типа — обусловленность языковой ситуации и системы литературных жанров, структуры фольклорного койне и самого фольклора, соотношенность литературно-языковой ситуации с народной культурой и со структурой социума и этноса. Опираясь на эту систему признаков, можно результативнее изучать как славянский, так и неславянский литературно-языковый мир. Одним из выходов «толстовской» историко-типологической социолингвистики является создание новой дисциплины — «истории славянских литературных языков», в которой, по мнению Никиты Ильича, следует собственно историю литературного языка отличать от истории языковой ситуации, непременно рассматривать литературно-языковые концепции (концепции литературного языка в тот или иной период) и акцентировать внимание на историко-культурном аспекте, помогающем наиболее полно определять и прогнозировать пути развития литературного языка. Весь комплекс проблем, связанных с историко-типологической социолингвистикой Толстого, представлен в его фундаментальной монографии «История и структура славянских литературных языков» (1988).

В славянском языкознании давно стали общепризнанными достижения Никиты Ильича в изучении диалектной лексики и семантики. Как мы уже отмечали, за поездками в конце 40-х — начале 50-х годов в болгарские села Бессарабии последовали экспедиции по изучению юго-восточных говоров Болгарии и говоров беженцев из Эгейской Македонии в Ташкенте; с 1962 г. и до Чернобыльской катастрофы 1986 г. объектом полевых разысканий Никиты Ильича явился один из наиболее архаичных в языковом и этнокультурном плане регионов современной Славии — белорусско-украинское Полесье. В «толстовских» полесских экспедициях принимали участие большое число специалистов и студентов из разных славистических центров Белоруссии, Украины, России и др. Создана целая научная школа, основное внимание которой направлено на этнолингвистическое изучение Полесья, а через него — и всей Славии. В разработке программ и методик исследования, в руководстве экспедициями неизменным соратником Никиты Ильича всегда была его супруга Светлана Михайловна Толстая.

Не будет преувеличением сказать, что к началу 60-х годов диалектная семасиология оставалась наиболее слабым звеном диалектологии. Блестящая лингвистическая эрудиция и большой опыт работы с полевым материалом помогли Никите Ильичу Толстому сдвинуть ее с мертвой точки. Никита Ильич создает целостную теорию семантического микрополя, а на VI Международном съезде славистов в Праге очерчивает круг основных проблем такой языковедческой дисциплины, как сравнительная славянская семасиология. Еще до поездки в Полесье Никита Ильич обосновывает принципы выявления и моделирования лексической системы и ее проецирование (вместе с семантическими дифференциальными признаками) на карту. В его ставшей классической работе «Из опытов типологического исследования славянского словарного состава» (1963–1966) подчеркивается первостепенная значимость архаичного диалектного континуума при реконструкции лексики и семантической структуры праязыка и разрабатывается методика такой реконструкции с учетом и опорой на словообразовательные связи. Дальнейшее всестороннее развитие эти идеи получили в монографии «Славянская географическая терминология: семасиологические этюды» (1969) и в его докторской диссертации «Опыт семантического анализа славянской географической терминологии» (1972), объем которой превышает 900 машинописных страниц. Слово понимается автором как единство лексем и семемы. Раскрытие механизма изменения значения во времени и пространстве проводится в рамках семантического микрополя, объем и границы которого определяются на основе амплитуды колебания опорной лексемы, т.е. на основе набора разных семем, связанных с одной и той же лексемой. Весьма существенным оказывается понимание семемы как иерархии сем, которые могут выступать в качестве основных или сопутствующих или меняться местами в хронологической перспективе, что влечет за собой такие внутренние явления, как десемантизация, семантизация и трансемантизация. Так, Никита Ильич устанавливает, что, например, слово **gaj* развило во всех славянских языках 41 значение. «Если взять за исходное наиболее распространенное в славянском мире значение **gaj* 'лиственная роща', — пишет он в докторской диссертации, — то становится ясным, что значение 'лиственный лес' возникло в результате десемантизации признака 'отдельности', значение 'небольшой лес среди поля, отдельный лес' в результате того же отпадения признака 'лиственность', значение 'лес' в результате исчезновения двух признаков 'отдельность' и 'лиственность', значение 'отдельное дерево' — при отпа-

дении признака 'множество', значение 'густой, большой лес' в итоге семантизации, появления признака 'величины' и 'густоты' и т.д. и т.п.». Чем больше значений-рефлексов известно в славянском мире, полагает Никита Ильич, тем с большей достоверностью и подробностью можно восстановить процесс семантической эволюции от его начала до конечного состояния, тем более убедительна реконструкция слова-этимона. Тщательный анализ славянской географической лексики позволил Никите Ильичу высказать мысль о том, что этот пласт слов близок к праславянскому не только по составу и по форме, но и по семантике. Географическая лексика — это своеобразный «язык Земли», который дает больше преимуществ, чем какой-либо другой материал, в деле поиска древнейших (изначальных) мест обитания славян (и не только их). Лингвистические исследования Никиты Ильича в этом отношении подкрепляют позиции тех славистов (археологов, этнографов, историков, лингвистов), которые рассматривают Припятское Полесье как исходную зону распространения славянских племен на дальнейшие территории. Одновременно лингвогеографический анализ местной лексики позволил Никите Ильичу высказать ряд свежих идей относительно проблемы классификации славянских диалектов. Никита Ильич считал целесообразным выявление на современной славянской территории прежде всего «архаических» и «неархаических» зон, установление лексических и прочих изоглосс, рисующих весьма сложную, а зачастую и нечеткую и даже противоречивую картину диалектного членения первоначальной Славии, что подтверждается и этимологическими исследованиями акад. О.Н. Трубачева 70-х — начала 80-х годов.

Изолексам Никита Ильич посвятил серию этюдов под общим названием «О [...] изолексах» — болгаро-македонско-русских (1975), южнославянско-русских (1976), болгаро-русских (1977, 1995), македонско-русских (опубл. в 1998 г.), а также о белорусско-украинских, белорусско-русских, балто-(восточно)славянских и др. При вычленении границ славянских диалектов непременным условием считается не сравнение отдельных фактов отдельных языков, а сопоставление материала целых (диалектных, локальных) зон, что значительно приблизит нас к разгадке процессов праславянской диалектной дифференциации и поможет определить характер и движение позднейших славянских миграционных волн.

В 80-е годы Никита Ильич разрабатывает принципы «семантического регистра» по отношению к ономастической лексике. Понятие «се-

мантического регистра» призвано разграничить синхронный и диахронный подходы в семантике, в частности, при решении вопроса о семантических переносах и напластованиях в словах, объединенных общностью какого-либо признака. Так, базовый регистр названий деревьев в славянских языках насчитывает несколько десятков единиц. На его основе формируется ботанический регистр, т.е. «древесные» названия трав (больше всего названий от *береза*, меньше — от *сосна* и т.д.), а также грибов (*березник*, *подберезовик* и т.д.); далее следуют: гидронимический (181 название от *береза*, 165 — от *ольха* и т.д.), топонимический (в южнорусской зоне, например, 220 названий мест, связанных с *дуб*, 159 — с *береза* и др.) и, наконец, зоонимический (преимущественно клички коров) регистры. Подход с позиций «семантического регистра» позволяет результативнее устанавливать принципы номинации в ономастике, видеть связи мотивирующих признаков с неонимической лексикой и т.д. Самое важное при таком подходе — не сумма фактов, а их соотношение в разных планах.

Никита Ильич Толстой в совершенстве владел правилами весьма редкого в наше время жанра — лингвистического микроочерка, или этюда. Объектом микроочерка обычно является одно или несколько слов, связанных или же противопоставленных семантически и этимологически и рассматриваемых в лингвогеографическом аспекте. Первая серия таких микроочерков появилась еще в 60-е годы (с 1962 г.) под названием «Из географии славянских слов» и посвящена словам: *дождь*, *саламандра*, *хорохориться*, *класть*, *правый — левый*, *сажа — чад*, *пот — зной* и др. Десять лет спустя появилась еще одна серия этюдов «Из блокнота диалектолога» — о редких фонетико-грамматических и лексико-семантических явлениях в болгарских диалектах.

Никита Ильич Толстой умеет высказать и обосновать принципиально новый взгляд на, казалось бы, отстоявшееся явление или мнение. В этом отношении показательны его работы об артикле-члене в славянских языках и диалектах, где на основе типологического подхода предлагается схема-шкала, отражающая основные функции определенного артикля, а также выявляется воздействие сформировавшейся в некоторых языках и диалектах артиклевой системы на систему указательных местоимений, с которой она генетически связана; об обнаруженной им непоследовательности первой палатализации заднеязычных согласных в славянских языках в виде хорв.-серб. *кек* 'нечто острое, колющее', зап.-великорус. *кек* 'шлеп, трах' и отсюда — *кекнуться*' удариться, упасть' (в

том числе и во владимирских говорах) и т.д., в виде праслав. **geg-*, **ger-*, **kev-*; о ненегативной функции «не» в русском языке (так называемое ироническое, табуистическое и усилительное «не») и др. В докладе «О реконструкции праславянской фразеологии» на VII Международном съезде славистов в Варшаве (1973) Никита Ильич блестяще показал отличия в условиях реконструкции лексемы и фразеологизма, выявил основные критерии возведения фразеологизма к праславянскому времени и тем самым стимулировал внимание фразеологов к вопросам реконструкции праязыкового состояния устойчивых словесных комплексов. Вот как, например, Никита Ильич формулирует отличие условий реконструкции слова и фразеологизма в плане архаичности их семантики: «Если для достоверности семантической реконструкции слова существенно, чтобы в славянских (и индоевропейских) языках слово было зафиксировано в одинаковом и близком значении, что дает возможность избежать грубой приблизительности (инвентаризации) смысла, то во фразеологизме абсолютная незыблемость семантики и отсутствие семантических инноваций говорит скорее в пользу его новизны, недавнего возникновения, опять-таки, возможно, путем заимствования и калькирования, чем в пользу его древности и праславянской принадлежности» (Толстой, 1973: 277). Позже Никита Ильич предпримет весьма успешную попытку рассмотрения фразеологизмов для целей этнографии, так как в них сохраняются «отпечатки и осколки старого быта, обрядов и верований», и выскажет мысль о необходимости создания фразеологического словаря вербальных клише или «народной полуфразеологии» (благопожелания, проклятия, запреты и т.д.) (Толстой, 1988: 15–25).

Если в 60-е годы усилия Никиты Ильича Толстого, его сотрудников и учеников сводились, в связи с полесскими экспедициями, к созданию в конечном счете Атласа говоров Полесья и большого областного полесского словаря, то в 70-е годы круг задач значительно расширяется за счет специального внимания не только к лингвистическому аспекту полевого материала, но и к его этнографическим и фольклорным характеристикам. Никита Ильич (на этом этапе в тесном сотрудничестве с С.М.Толстой) подходит вплотную к необходимости создания новой междисциплинарной науки — славянской этнолингвистики. Достижения в этой области по достоинству оценены специалистами: «Метод этнолингвистики [Толстого] в основе своей столь же убедителен и продуктивен, как достижения школы *Wörter und Sachen*, но в данном случае изучение слова поставлено в связь не с вещами, а с более сложными и дели-

катными феноменами — мифом, обрядом, ритуалом. Объем полевых работ, сложность обработки материала, а вместе с тем увлекательность получаемых таким путем результатов привели к необходимости открытия в Институте славяноведения [РАН] отдела этнолингвистики и фольклора. Сегодня это направление имеет наибольшее число приверженцев среди русских диалектологов. При неполной сохранности русских диалектов из-за их взаимодействия с литературным языком лишь историческая реконструкция позволяет давать правильную оценку наблюдаемым явлениям, но такая реконструкция является душой этнолингвистики» (Алексеев, 1997—1999: 228).

В XIX в. диалектология зарождалась и развивалась в недрах этнографии; на рубеже двух веков наблюдается ее обособление; в настоящее время «она начала вновь испытывать острую нужду в союзе или даже в единении с этнографией», поскольку не всегда исследователь в состоянии установить, результатом внутри-, внешне- или внелингвистических факторов является то или иное изменение в языке (Толстой, 1974: 16—33). Первым в послевоенной славистике острую нужду такого союза ощутил Никита Ильич Толстой. Комплексный подход сразу же обнаружил свои преимущества, позволив успешно проводить реконструкцию элементов духовной культуры славян в древности. Особенно плодотворно это было проверено на обрядовом и мифологическом материале. При рассмотрении славянских обрядов лингвистический аспект сводится к изучению обрядовой лексики, которая носит обычно номинационный и метафорический характер; этнографический аспект подразумевает выделение «инвентаря» обрядовых актов, их сравнительно-типологический анализ, после чего следует картографирование актов обряда, их лексических обозначений, предметов и т.д. Все это весьма существенно и направлено на перспективу решения извечной славистической проблемы этногенеза славян в целом и отдельных славянских этнических групп в частности. В докладе на VIII Международном съезде славистов в Загребе Никита Ильич и Светлана Михайловна Толстые детализируют, углубляют и раздвигают горизонты комплексного подхода к реконструкции древней славянской культуры, подчеркивая первостепенную важность для этих целей диалектного материала; обряд рассматривается как текст с определенной синтагматической последовательностью и комбинацией символов, в котором следует выявить формальные и структурно значимые элементы далекого прошлого; существенным при этом оказывается использование методов внешней реконструкции; ареальный же аспект

имеет в большинстве своем определяющее и диагностирующее значение. Совместно с С.М.Толстой Никита Ильич разрабатывает методiku применения лингвистических понятий в описании духовной культуры славянства. Впоследствии Никита Ильич приходит к идее «грамматики» славянских обрядов. Обряд включает в себя три кода — реальный (предметный), акциональный (действенный) и вербальный (словесный); проводится выявление и синхронно-типологическое классифицирование вариантов обряда в связи с их географическим распространением, устанавливается обрядовая парадигматика (список и иерархия символов) и синтагматика (правила сочетания символов). Генетическое родство, определяемое на основе учета сходства элементов обряда, позволяет реконструировать древнейший вид обряда, т.е. его истоки. Этот подход иллюстрируется обрядом битья веткой, сопровождаемого междометными выкриками (вербальные символы обряда), предметным синонимом (ветка вербы, березы и т.д.) и самим действием (акциональный код).

Лингвистический подход к явлениям неязыкового порядка оказывается настолько продуктивным, что Никита Ильич Толстой идет дальше — он проецирует понятия, термины и методы, апробированные в языкознании, на культуру в целом и обнаруживает изоморфизм структур языка и культуры в функциональном и внутрииерархическом (системно-стратиграфическом) плане. Так, оказывается, что культура образованных слоев («книжная», элитарная) соответствует литературному языку, промежуточная, так называемая «третья культура», (городская) соответствует просторечию, народная — наречиям и говорам и традиционно-профессиональная — аргю. В качестве различительных признаков этих коррелирующих явлений выступают, по мнению Никиты Ильича, нормированность/ненормированность, наддиалектность/диалектность, открытость/закрытость (сферы, системы), стабильность/нестабильность. В культуре, как и в языке, обнаруживаются факты стиля, жанра, синонимии, омонимии, полисемии. Носители могут принадлежать к двум и более культурам одновременно, что соответствует в языковой сфере двуязычию и многоязычию. Перспективно также изучение культур, выходящих за рамки одного этносоциума, например, культурного союза, соответствующего языковому союзу, и т.д. В соответствии с этим Никита Ильич предлагал новый взгляд на диалект, который следует рассматривать не только как лингвистическую территориальную единицу, но одновременно и как этнографическую, и культурологическую, а выделение его должно происходить с учетом не только выявленных изоглосс, но и

изопрагм (единицы и признаки материальной культуры) и изодокс (единицы и признаки духовной культуры). Никита Ильич выдвигает в этой связи задачу построения новой комплексной дисциплины — культурологической географии (или культурно-языковой диалектологии), призванной рассматривать в ареальном аспекте распространение признаков культуры в связи с языком: «Подобно тому, как славянская диалектология в современных условиях не может обойтись без лингвистической географии, этнолингвистика, фольклористика и этнография нуждаются в активном развитии такой автономной дисциплины, как культурологическая география» (Толстой, 1990: 7).

Аналогичные принципы используются в связи с изучением вопросов славянской мифологии, которая, по убеждению Никиты Ильича, должна вновь стать самостоятельной дисциплиной, при этом диалектный мифологический материал — ценнейший, а зачастую и единственный источник при реконструкции древнейших славянских мифологических представлений. Интереснейшей в этом плане является серия «Заметки по славянской демонологии», публиковавшаяся Никитой Ильичом с 1974 г.; «Откуда дьяволы разные?» (1974), «Откуда название *шуликун*?» и другие очерки, переведенные на различные европейские языки. В последние годы Никита Ильич настойчиво развивал мысль о создании диалектологии славянской мифологии. Опираясь на союз диалектологии и этнографии, Никита Ильич разработал методы выявления изоморфности изоглосс, изопрагм и изодокс, порой тянувшихся от Полесья до южнославянского и других ареалов. Вообще Полесье рассматривалось Никитой Ильичом как аналог праславянского состояния, как «почти идеальная» территория, «заповедник языковой и духовной культуры».

Первым этапом этнолингвистического изучения Полесья является создание Атласа духовной культуры этого края. С 80-х годов атлас называется этнолингвистическим. В 1983 г. под редакцией Никиты Ильича вышел «Полесский этнолингвистический сборник», в котором помещены программа атласа, анкета-вопросник для атласа и, наконец, материалы с подробным этнолингвистическим описанием свадьбы, родин, похорон, святок и т.д. В 1986 г. выходит сборник «Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне», где Никите Ильичу принадлежит статья «Троицкая зелень», а также «Невестка стала в поле тополем» и «Из наблюдений над полесскими заговорами». Незадолго до кончины Никита Ильич написал работу «Этнокультурное и лингвистическое изучение Полесья (1984–1994)» (Толстой,

1995: 5–18), в которой высказался по поводу судьбы региона-объекта, разрушенного катастрофой Чернобыльской атомной станции в 1986 г.

С 1981 г. Никита Ильич Толстой и руководимая им группа славистов начали работу над грандиозным научным предприятием — составлением этнолингвистического словаря славянских древностей, материалом для которого служат Полесье и другие архаичные зоны современной Славии. Это, безусловно, подтверждает сказанные Никитой Ильичом однажды слова о том, что этнолингвистика, «оказавшись вновь на передовых позициях науки о языке, переживает свое второе рождение». Проект подобного рода словаря был выдвинут еще в 1929 г. на I Международном съезде славистов. «Толстовский» словарь основывается на изучении славянских языков и культурных древностей и подчинен задаче реконструкции древнеславянской духовной культуры и в конечном счете — этногенеза и этнокультурной истории славянства. Это толково-функциональный словарь, исходящий не из языка (терминов), а из реалий, т.е. идущий от предмета, формы к смыслу, функции. Всесторонне учитываются в нем ареальные характеристики. В качестве одного из важнейших взят парадигматический подход. Отталкиваясь от идеи В.Я. Проппа о морфологии фольклорных сюжетов, Никита Ильич и Светлана Михайловна Толстые обращаются к парадигматике культуры, т.е. к инвентарю основных единиц, их классификации и системной характеристике. При этом культура рассматривается как иерархически организованная система разных кодов, т.е. вторичных знаковых систем, использующих разные формальные и материальные средства для кодирования одного и того же содержания, сводимого в целом к мировоззрению данного социума (для древних славян — к язычеству). Эти разные коды (например, космогонический, растительный, энтомологический, ономастический и т.д.) оказалось возможным соотносить друг с другом по способу перевода с языка на язык через общий для них содержательный план, служащий как бы языком-посредником. Словарь состоит из субстантивов (орудия труда, посуда и утварь, одежда, пища, предметы — атрибуты человека и животных в виде шерсти, волос, ногтей, рогов и т.д.), таких объектов, как растения, животные, лица (персонажи, имена), время и календарь, локативы (пространство — правое и левое, верх и низ и т.д., географические объекты, ритуально значимые и мифические места и т.п.), атрибутивы (качества, признаки — свойства и способности человека и животных и т.д.), действия (обряды, ритуалы, игры, обычаи — свадьба, похороны, жертва, танец, кумовство и т.д.). В 1984 г. выпу-

шен «Этнолингвистический словарь славянских древностей: Проект словника. Предварительные материалы», который дает представление о масштабе ведущейся работы, результировавшейся в 1995 г. изданием первого тома этого грандиозного труда под названием «Славянские древности. Этнолингвистический словарь», после чего в 1999 г. последовал второй том. Только для первого тома словаря Никита Ильич написал (один или, реже, в соавторстве) около 60 статей. Всего эта энциклопедия духовной жизни славян будет содержать пять томов.

Еще в 70-е годы Никита Ильич и Светлана Михайловна Толстые начали печатать серию «Заметки по славянскому язычеству», состоящую из очерков «Вызывание дождя у колодца», «Первый гром в Полесье», «Защита от града в Полесье» и «Защита от града в Драгачеве и других сербских зонах» и др. С 1987 г. Никита Ильич начал также новую серию очерков «Из славянских этнокультурных древностей». В 1995 г. вышла монография Никиты Ильича «Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике». «Никита Ильич, — пишет современный исследователь, — соблюдал и развивал обязательные для него методологические принципы. На первом месте стояло привлечение возможно более широкого, по возможности исчерпывающего фонда соответствующих фактов, сведений, свидетельств. Эта работа предполагала громадную осведомленность в славянской этнографической, лингвистической и иной литературе и требовала специальных поисков, тем более нелегких, что для Никиты Ильича не существовало каких-либо жанровых ограничений и он черпал материал из самых разных областей фольклора, языка, быта. Другой важный принцип — это обязательный учет географического распределения фактов, ареальная (диалектная) классификация материала и выводы, относящиеся к межареальным взаимоотношениям и к истории представлений, мотивов, образов» (Путилов, 1997: 3).

Широко известны исследования Никиты Ильича Толстого по истории славяноведения. Он одним из первых раскрыл и доказал приоритет русской славистики в области словенской диалектологии в XIX в., блестяще показав это на примере словенистических разысканий И.А.Бодуэна де Куртенэ, а позднее — и И.И. Срезневского. Никита Ильич обратил внимание на ранний опыт (к сожалению, забытый) создания карты праславянских диалектов, предпринятый в 1913 г. сербом Д.П. Джуровичем. Работа по составлению и редактированию собрания трудов академика В.В.Виноградова подвела его к изучению взглядов вы-

дающегося русиста на узловые проблемы истории русского литературного языка. В работе «Мысли Н.С. Трубецкого о русском и других славянских литературных языках» (1981) Никита Ильич высоко оценил заслуги русского ученого, еще в 20-е годы применившего типологический подход к изучению литературных языков. Никита Ильич по достоинству оценивал достижения своих предшественников: Д.К. Зеленина (1878—1954) — как основоположника русской историко-социальной диалектологии, которому принадлежит также заслуга в членении великорусских диалектов на северные и южные и идея создания регионального словаря старорусской лексики, А.А.Потебни и польского слависта К.Мошинского — как ранних теоретиков этнолингвистического подхода к изучению славянской диалектологии и духовной культуры. Свойственный Никите Ильичу энциклопедизм познаний и всеохватывающая осведомленность практически обо всех трудах в области лингвистики, этнографии, славистики легко ощутимы не только в ткани его теоретических работ, но и в широте его историографических обзоров и в ряде общих очерков по истории славяноведения.

Никита Ильич Толстой плодотворно занимался и другими областями славистики, и языкознания в частности. Им создан ряд ценных работ по ономастике, по поэтике фольклора, по текстологии, по славянской лексикографии. Здесь уместно отметить его большую работу, принятую со Словенской академией наук и искусств в Любляне по подготовке к изданию рукописного «Резьянского словаря» И.А.Бодуэна де Куртенэ; на определенном этапе она была продолжена совместно с М.Матичетовым и А.Д.Дуличенко. Рукопись этого словаря Никита Ильич обнаружил в Архиве АН СССР (ныне РАН) еще в конце 50-х годов. Это резьянско-словенско-русско-итальянский словарь — первый диалектный славянский словарь, в котором лексика представлена тончайшей «бодуэновской» транскрипцией. За год до кончины Никиты Ильича словарь был полностью подготовлен к печати, однако и к началу XXI в. он все еще не вышел. Под редакцией Никиты Ильича и при его сотрудничестве в 1963 г. был издан первый в славистике «Македонско-русский словарь». Диапазон научных интересов Никиты Ильича чрезвычайно широк, как и необычайно широка география его многочисленных публикаций, появлявшихся на всех славянских языках во всех уголках современной Славии: Москва — Санкт-Петербург — София — Черновцы — Киев — Белград — Ниш — Минск — Гомель — Варшава — Люблин — Днепропетровск — Любляна — Ужгород — Загреб — Сараево...

Никита Ильич Толстой никогда не порывал связей с молодым поколением, воспитывая студентов и аспирантов в духе преданности однажды избранному делу. Он постоянно работал с молодежью, читая различные курсы в учебных заведениях Москвы и других городов и ратая за возобновление в университетах страны изучения зарубежных славянских языков и курса введения в славянскую филологию. В широком смысле Никита Ильич создал собственную научную школу, которую можно было бы называть просто школой Толстого. Сколько учеников и последователей в этой школе, никто, наверное, точно и не знает. Ибо Никита Ильич дал дорогу в большую науку огромному числу молодых людей — и не только в столице. У него на редкость было много учеников в провинции. В этой связи имело бы смысл сказать несколько слов о своей причастности к школе Толстого.

... Нас связывала дружба ровно 30 лет. В 60-е годы, будучи студентом далекого от Москвы университета в Ашхабаде (Туркмения), я написал ему письмо, не надеясь получить ответ. Но ответ пришел, притом обстоятельный и располагающий к контакту. Меня в ту пору интересовал язык небольшой этнической группы в Югославии — русин, которых насчитывалось около 30 тыс. человек (сейчас — меньше) и о которых я совершенно случайно узнал из переписки с одним из представителей этой группы. В научной литературе о югославских русинах не было практически никаких сведений. Лишь Никита Ильич из славистов знал об этом феномене. Я сел в самолет и, прилетев в Москву, позвонил Никите Ильичу. На удивление он тут же пригласил меня к себе, познакомил со своим отцом Ильей Ильичом и супругой Светланой Михайловной, и мы долго говорили об интересующих нас проблемах. Эта встреча решила для меня все. Завязалась переписка. Работая в селе Гара Векил (юго-восточная окраина пустыни Кара Кумы) учителем русского языка в туркменской школе, я под руководством Никиты Ильича написал и защитил в 1974 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР кандидатскую диссертацию о языке русин Югославии. Затем он был моим научным консультантом по докторской диссертации, посвященной по сути неисследованным малым славянским языкам (микроязыкам), которых оказалось 12, т.е. столько же, сколько и крупных славянских языков, и защищенной в 1981 г. в Институте языкознания АН Белоруссии. Никита Ильич никогда не навязывал своего мнения, он был очень осторожен и более всего радовался, когда его ученик шел самостоятельно. Он был непомерно занят, но в каждый мой приезд в Москву (до 1976 г.

из Гара Векила, а после того — из Тарту) он находил возможность принять меня в своей квартире на Большой Ордынке, полностью заставленной книгами. Постоянная занятость различными делами в Академии наук и в Московском университете, поездки на научные конференции, работа над множеством статей и книг не давали ему возможности завершить подготовку «Резьянского словаря» И.А.Бодуэна де Куртенэ к изданию. На каком-то этапе работы он, зная о моем интересе к словенскому языку, обратился ко мне с предложением довести редактирование словаря до конца. Четыре года я обрабатывал словарь в Тарту, и затем 1300 рукописных страниц его были переправлены в Словению, в Любляну. Последовали еще две моих поездки туда, чтобы вместе с известным словенским этнографом и фольклористом М.Матичетовым доработать словарь и сдать его в издательство Словенской Академии наук и искусств. В 1995 г., возвращаясь из Любляны через Москву, я встретился с Никитой Ильичом и сообщил ему, что словарь готов к печати. Никита Ильич был искренне рад, заметив, что, кажется, есть надежда увидеть словарь изданным еще при его жизни. Однако остался горький осадок от того, что Никита Ильич, придававший особое значение этому труду, так и не увидел его изданным...

Кончина Никиты Ильича была полной неожиданностью для меня. В конце июня я находился в С.-Петербурге. Меня нашли в отделе рукописей Публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина (ныне Российская национальная библиотека) и там сообщили эту трагическую весть. Наверное, был промысел Божий, что я оказался в то время в России и смог тут же выехать в Москву (из Тарту без визы это было бы невозможно). Первое июля. Отпевание в церкви Всех скорбящих радости на Большой Ордынке, масса народу, в том числе и из-за рубежа, соборнозвания супруге Светлане Михайловне и детям — Марфе и Фекле. Гроб с телом погружают в специальную машину, и мы на четырех автобусах едем в Тульскую область. Похоронен Никита Ильич в деревне Кочаки недалеко от Ясной Поляны в семейном некрополе Толстых. Перед похоронами отпевание в Никольской церкви, прощание. Покоится Никита Ильич рядом с матерью Ольгой Михайловной, умершей в 1987 г., и у ног отца своего, ушедшего в 1970 г. Когда стихли траурные звуки и все ушли, вместе с одним из любимых учеников Никиты Ильича белорусом Федором Климчуком я вернулся к свеженасыпанной могиле и взял с нее горсть земли... Затем Ясная Поляна, поминальный стол в одной из бывших хозяйственных построек усадьбы Толстых, речи... Через день, уже в

Москве, на квартире приятеля, мы (Ф.Климчук, мой сын Митя, тогда студент Московского университета, знавший лично Никиту Ильича, и я) помянули Никиту Ильича еще раз. Никто из нас так и не смог поверить в случившееся. По крайней мере нам казалось, что он не умер — он просто ушел... Никита Ильич был глубоко верующим человеком. Он был русским человеком. В одном из писем от 2 апреля 1992 г. ко мне он написал: «<...> все детство мое, отрочество и юность прошло в атмосфере ежедневной и почти ежечасной боли за Россию, о России, обо всем русском, обо всем том, что было попорно и разбито». Но также глубоко переживал он и за судьбу всех славян. Славист, объявший огромный славянский мир, останется в памяти не только русских людей, но и всех остальных славянских народов.

Научный авторитет Никиты Ильича Толстого в славистических и языковедческих кругах общепризнан, его работы известны не только в стране, но и за рубежом и переведены на многие европейские языки. Он ежегодно участвовал в международных конференциях, посвященных памяти основоположника сербского литературного языка Вука Караджича, в международных конференциях в связи с 1000-летием Крещения Руси в Италии, Греции (1988) и др. Лекции, которые он читал практически во всех славянских странах, а также в Германии, Италии, Греции, США, Израиле, Индии, Южной Корее и других странах, вызывали неизменный интерес не только специалистов, но и широкого круга студенчества и общественности.

Никита Ильич Толстой соединял в себе редкие среди славистов качества — филолога-древника и лингвиста-этнолога. Этнолингвистическая школа, созданная им, привлекает к себе внимание научной общественности в стране и далеко за ее пределами. Из этой школы вышли специалисты, чьи труды получили уже широкое признание в науке и обществе. На протяжении всей своей научной деятельности ученый-патриот стремился раскрыть для современного человека культурные богатства наших далеких предков, выявить истоки и установить пути развития славянских языков и славянской культуры, которая никогда не умирала, потому что она — вечна.

Литература

Алексеев А. Никита Ильич Толстой: (15 апреля 1923 – 27 июня 1996) // Slovo. Zagreb, 1997–1999. – Sv. 47–49. – S. 285–290.

- Брозович Д.* Славянские стандартные языки и сравнительный метод // *Вопр. языкознания.* – М., 1967 – № 1. – С. 3–33.
- Мокиенко В. М.* Славистическое наследие Н.И.Толстого // *Wissenschaftliche Beiträge der Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald.* – Greifswald, 1998. – С. 66–87.
- Путилов Б.И.* Никита Ильич Толстой // *Живая старина.* – М., 1997. – № 2 (14). – С. 2–6.
- Толстой Н.И.* Краткие и полные прилагательные в старославянском языке // *Краткие сообщ. Ин-та славяноведения.* – М., 1956. – Вып. 18. – С. 37–45.
- Толстой Н.И.* Об образовании восточно-славянских национальных литературных языков // *Вопр. языкознания,* – М., 1959. – № 6. – С. 64–67.
- Толстой Н.И.* Роль древнеславянского литературного языка в истории русского, сербского и болгарского литературных языков в XVII–XVIII вв. // *Вопросы образования восточно-славянских национальных языков.* – М., 1962. – С. 5–21.
- Толстой Н.И.* Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI–XVII вв.) // *Славянское языкознание: 5-й Международный съезд славистов: Докл. сов. делегации.* – М., 1963. – С. 230–272.
- Толстой Н.И.* О реконструкции праславянской фразеологии // *Славянское языкознание: 7-й Международный съезд славистов: Докл. сов. делегации.* – М., 1973. – С. 272–293.
- Толстой Н.И.* Некоторые вопросы соотношения лингво- и этногеографических исследований // *Проблемы картографирования в языкознании и этнографии.* – Л., 1974. – С. 16–33.
- Толстой Н.И.* Старинные представления о народно-языковой базе древнеславянского литературного языка: (XVI–XVII вв.) // *Вопр. рус. языкознания.* – М., 1976. – Вып. I. – С. 177–204.
- Толстой Н.И.* Культурно- и литературно-исторические предпосылки образования национальных литературных языков: (На материале сербскохорв., болг. и словен. яз.) // *Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе: Истор. и историко-культурный аспекты.* – М., 1981. – С. 122–134.
- Толстой Н.И.* Славянская фразеология sub specie этнографии // *Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej.* – Wrocław etc., 1988. – 4. – S. 15–25.
- Толстой Н.И.* К вопросу об историографическом слоге сербского («славеносербского») литературного языка: (Савва Владиславич – Иоанн Раич – Милован Видакович) // *Зб. Матиче Српске за филологију и лингвистику.* – Нови Сад, 1990а. – Св. 33. – С. 479–486.
- Толстой Н.И.* Новый славянский литературный микроязык? // *Res philologica: Филологические исследования. Памяти акад. Г.В.Степанова (1919–1986).* – М.; Л., 1990b. – С. 265–272.

- Толстой Н.И.* Язык и культура: (Некоторые проблемы славян. этнолингвистики) // Ztschr. für slavische Philologie. Heidelberg, 1990. — Bd 50, N. 2. — S. 238–253.
- Толстой Н.И.* Этнокультурное и лингвистическое изучение Полесья: (1984–1994) // Славянский и балканский фольклор: Этнолингв. изучение Полесья. — М., 1995. — С. 5–18.
- Толстой Н.И.* Церковнославянский и русский: Их соотношение и симбиоз // Вопр. языкознания. РМ., 2002. — № 1. — С. 81–90.

Основные работы Н. И. Толстого

- Толстой Н.И.* Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. — М., 1969. — 262 с.
- Толстой Н.И.* История и структура славянских литературных языков. — М., 1988. — 239 с.
- Толстой Н.И.* Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. — М., 1995. — 510 с.
- Толстој Н.И.* Језик словенске културе / Прев. са рус. Љ. Јоксимовић. — Ниш, 1995. — 365 с.
- Толстой Н.И. (ред.).* Славянские древности: Этнолингв. словарь. — М, 1995. — Т. 1. — 578 с.
- Толстой Н.И.* Избранные труды. — М., 1997. — Т. 1: Славянская лексикология и семасиология. — 519 с.
- Толстой Н.И.* Избранные труды. — М., 1998. — Т. 2: Славянская литературно-языковая ситуация. — 542 с.
- Толстой Н.И.* Избранные труды. — М., 1999. — Т. 3: Очерки по славянскому языкознанию. — 461 с.
- Толстой Н.И. (ред.).* Славянские древности: Этнолингв. словарь. — М., 1999. — Т.2. — 699 с.
- Библиографический указатель* по славянскому и общему языкознанию: Никита Ильич Толстой. — Самарканд, 1983. — 193 с.
- Никита Ильич Толстой:*(Материалы к биобиблиографии ученых). / сост. Шутько Л.В.; Вступ. ст. Дуличенко А.Д. — М., 1993. — 104 с.

Литература о Н.И. Толстом

- Дмитриев П.А.* Юбилей советского ученого: [К 50-летию Н.И. Толстого] // 36. за филологију и лингвистику. — Нови Сад, 1972. — Књ. 15/2. — С. 235–241.

- Дуличенко А.Д.* Н.И. Толстой как славист: (К 60-летию со дня рождения) // Из истории славяноведения в России: 2-й сборник в честь 60-летия д-ра филол. наук, проф. Никиты Ильича Толстого / Отв. ред. Смирнов С. В. — Тарту, 1983. — Т. 2. — С. 3–21.
- Дуличенко А.Д.* Потомок рода Толстых: (К кончине акад. Никиты Ильича Толстого) // *Studia philologica – Rossica slovaca*. Bratislava, 1996. — 5. — С. 57–60.
- Дуличенко А.Д.* Н.И. Толстой и резьянщина: (К открытию «Резьянского словаря» И.А. Бодуэна де Куртенэ) // Слово и культура: Памяти Никиты Ильича Толстого. — М., 1998. — Т. 2. — С. 394–405.
- Журавлев А.Ф.* Vir doctus, vir docens: К семидесятилетию акад. Н.И. Толстого // *Вопр. языкознания*. — М., 1993. — № 3. — С. 106–112.
- Из истории славяноведения в России:* Сборник в честь 60-летия д-ра филол. наук, проф. Никиты Ильича Толстого / Отв. ред. Смирнов С. В. — Тарту, 1983. Т. 2. — 136 с.
- Младеновић А.* Нови радови Н. И. Толстоја из историје књижевног језика код Срба // 36. за филологију и лингвистику. — Нови Сад, 1980. — Књ. 23/1. — С. 209–229.
- Мокиенко В.М.* Значение труда Н.И. Толстого «Славянские древности» для исторической фразеологии славянских языков // Языки малые и большие ... In *memoriam acad. Nikita I. Tolstoi* / Ред. Дуличенко А.Д. — Тарту, 1998. — С. 13–25.
- Мокиенко В.М.* Славистическое наследие Н. И. Толстого // *Wissenschaftliche Beiträge der Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald*. — Greifswald, 1998. — S. 66–87.
- Памяти академика Никиты Ильича Толстого* // Вести. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. — М., 1996. — № 4. — С. 202–206.
- Памяти Н.И. Толстого: (1923–1996)* // Славяноведение. — М., 1996. — № 20 — С. 117–119.
- Путилов Б.Н.* Никита Ильич Толстой // Живая старина. — М., 1997. — № 2 (14). — С. 2–6.
- Сикимић Б.* Никита Ильич Толстой: (1923–1996) // Лужнословен. филолог. — Београд, 1997. — Књ. 53. — С. 267–269.
- Слово и культура:* Памяти Никиты Ильича Толстого — М., 1998. — Т. 1–2.
- Терзић Б.* Никита Ильич Толстой: In *memoriam*. // 36. Матице Српске за славистику. — Нови Сад, 1997. — Бр. 53. — С. 319–328.
- Трубачев О.Н.* Мои воспоминания о Никите Ильиче Толстом // *Вопр. языкознания*. — М., 1997. — № 2. — С. 5–15.
- Цыхун Г.* Мікіта Ільіч Талстой: (1923–1996) // *Кантакты і дыялогі*. — Мінск, 1996. — № 7/8. — С. 62–64.
- Языки малые и большие ...* In *memoriam acad. Nikita I. Tolstoi* / Ред. Дуличенко А.Д. — Тарту, 1998. — 317 с.
- Blanár V.* Tolstého semantická analýza slovanskej slovnjej zásoby // *Jazykoved. časopis*. — Br., 1974. — Roč. 25, č. — S. 53–59.

- Bartmiński J.* Nikita Iljcz Tołstoj i program etnolingwistyki historycznej // *Etnolingwistyka*. – Lublin, 1992. – 5. – S. 7–13.
- Jedlička A., Trosterová Z.* Prace N. I. Tolstého z oblasti dějin spisovných jazyků slovánských a jejich srovnávacího studia // *Slavia. Pr.*, 1990. – Roč. 59, č. 1. – S. 51–56.
- Hafner S.* Nikita Il'ič Tolstoj // *Almanach der Österreichischen Akademie der Wissenschaften: (1996/1997)*. – Wien, 1998. Jg. – S. 629–634.
- Matiččetov M.* Ob izgubi Nikite I. Tolstoja: (1923–1996) // *Traditionies*. – Ljubljana, 1996. – T. 25. – S. 479–482.
- Philologia slavica: K 70-letiju akad. N.I. Tolstogo*. – M., 1993. – 428c.

И.Г.Добродомов

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ ТРУБАЧЕВ

Выдающийся русский языковед-славист и индоевропеист, этимолог, историк и теоретик языка, лексикограф и организатор науки Олег Николаевич Трубачев (23.10.1930 – 9.03.2002) оставил о себе память как автор больших монографических исследований по проблемам славянского и индоевропейского языкознания, исторической топонимике и этнографии Восточной Европы и как талантливый организатор исследований, результатом чего явился не имеющий аналогий в мировой славистике доведенный только до половины «Этимологический словарь славянских языков», где Олегу Николаевичу принадлежит почти половина авторского текста.

Родился Олег Николаевич 23 октября 1930 г., в поволжском городе Сталинграде (ныне Волгоград) в семье врача-рентгенолога Николая Мокеевича Трубачева, жившего с 1928 г. на Ковровской улице на правом берегу Волги. В школу Олег пошел семи лет. Учился в школе № 5 на Рабоче-Крестьянской улице. Семья две недели, начиная с 23 августа, продержалась под постоянными бомбардировками в осаде Сталинграда, потом выехала на левый берег реки и эвакуировалась в г. Горький, где жили до весны 1944 г. в семье известного хирурга А.К.Болдина при госпитале (отец Олега Николаевича, сопровождавший поезд с ранеными, получил при бомбежке множество переломов).

Среднюю школу Олег Николаевич окончил уже в Днепропетровске в 1947 г. и стал студентом Днепропетровского университета, где он обучался в течение пяти лет, обратив на себя внимание редким в среде студентов-филологов и устойчивым интересом к этимологии, что неизменно поддерживалось руководителем кафедры русского языка

Я.А. Спринчаком, специалистом по русскому историческому синтаксису, не чуждавшимся и проблем русской исторической лексикологии.

В 1952 г., будучи сотрудником «Комсомольской правды» и Антифашистского комитета советской молодежи, Трубачев поступил в заочную аспирантуру Института славяноведения Академии наук СССР, а с 1953 г. стал полноправным аспирантом этого Института, а после окончания аспирантуры и защиты в 1957 г. кандидатской диссертации продолжал работать под руководством профессора С.Б. Бернштейна до 1961 г., когда он по приглашению директора Института русского языка АН СССР академика В.В. Виноградова создал и возглавил в рамках этого академического Института Сектор (с 1986 г. Отдел) этимологии и ономастики, где в дальнейшем протекала его плодотворная сорокалетняя научная деятельность по подготовке и изданию многотомного «Этимологического словаря славянских языков», тридцатый выпуск которого утвержден к печати Советом Института русского языка имени В.В.Виноградова в 2002 г., уже после смерти зачинателя и главного автора этого грандиозного научного предприятия.

Сразу по переходе Олега Николаевича в Институт русского языка началась длительная работа по обдумыванию плана и подготовке базы для грандиозного праславянского словаря, начиная от создания картотеки усилиями небольшого коллектива сотрудников и оформления проекта словаря, реализованного в 1963 г. в подробном проспекте «Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд)» и пробных статьях к нему, подготовленных усилиями одного О.Н. Трубачева.

В этом же году вышел первый выпуск скоро ставшего выдающимся ежегодного издания «Этимология», посвященного теории и практике этимологических изысканий на материале разных языков и не имеющего аналогий в мировой лингвистике. Усилиями ответственного редактора О.Н.Трубачева вокруг ежегодника скоро сложился более или менее устойчивый коллектив известнейших этимологов, которые могли обсуждать волнующие их проблемы и делиться с научной общественностью результатами своих трудов. Весьма внушительный по объему критико-библиографический отдел издания регулярно и сейчас представляет читателям новинки этимологической литературы, причем значительная часть литературы долгое время обозревалась лично ответственным редактором ежегодника.

Защищенная в 1957 г. в Институте славяноведения АН СССР кандидатская диссертация «История славянских терминов родства и

некоторых древнейших терминов общественного строя» в 1959 г. вышла отдельной книгой, где к языковому материалу — славянским терминам родства и свойства — был осуществлен подход как к историческому источнику, который способен раскрыть элементы общественного строя и жизни славян, в том числе применительно к периоду, не обеспеченному письменными памятниками. Перманентное изучение этой группы лексики было начато на заре нашего славяноведения капитальным исследованием П.А. Лавровского о названиях родства у славян (Лавровский, 1867), и каждое новое поколение славистов подвергало критическому пересмотру проделанное ранее и давало новое обобщение достигнутым результатам. Олегу Николаевичу принадлежат обстоятельные рецензии (1976, 1979) в ежегоднике «Этимология» на труды продолжавших разрабатывать эту тему лингвистов В.Шаура и О.Семереньи как свидетельство неослабевающего интереса к вечно живой теме, которая не перестает разрабатываться в науке с новыми находками и упущениями на базе новых материалов, обычно из сопредельных историко-этнографических дисциплин.

Вторая этимологическая монография ученого «Происхождение названий домашних животных в славянских языках (этимологические исследования)» вышла в 1960 г. и вызвала не меньшее количество откликов, чем первая. При лаконичности изложения небольшая книга включала весьма обильный языковой материал, освещаемый в культурно-историческом аспекте, где важную роль играла domestикация некоторых прежде исключительно диких животных, приведшая к делению животных на две противопоставленные группы — диких и домашних, роль которых в жизни людей постоянно менялась: от сакральных до утилитарных целей. Географическая проекция истории названий домашних животных (прежде всего коровы **koŕva*) вынуждает исследователя увязывать этногенез славян с Центральной Европой, что послужило импульсом для последующих исследований проблемы Дунайской прародины славян, которая была продолжена в последующих разысканиях ученого.

Дальнейшим развитием этимологических проблем групповой реконструкции тематических пластов лексики стала докторская диссертация «Ремесленная терминология в славянских языках (Этимология и опыт групповой реконструкции)», успешно защищенная в 1965 г. и вышедшая на следующий год отдельной книгой. Исходя из положения о том, что традиционная терминология отражает далеко не последние технические достижения ремесленного производства, а самым тесным обра-

зом связана с предшествующими стадиями его развития, а также опираясь на этнографические и исторические материалы, О.Н.Трубачев дает здесь характеристику древнейшего состояния славянских терминологий текстильного, деревообрабатывающего, гончарного и кузнечного производства в их взаимодействии на фоне ремесленных терминологий других индо-европейских языков и строит типологию истории этих производств, элементы которых вошли в культуру народов и сохранились в быту народов благодаря архаизирующей сущности старых терминов. Анализ языкового материала позволяет видеть взаимодействие разных архаичных ремесел; например, гончарное производство изначально обнаруживало тесную связь с текстильным: в основе керамических сосудов оказывались плетеные емкости, которые для водонепроницаемости обмазывались глиной.

Не обошлось при изучении ремесленной терминологии и без парадоксальных выводов о том, что славянская ремесленная терминология обнаружила более тесные связи с германским и итальянским (латинским) языковым миром, а не с балтийским, как ожидалось бы на основе традиционной классификации индоевропейских языков, где постулируется особая близость славянских языков с балтийскими. Это наблюдение, до какой-то степени близкое к наблюдениям о значимости средневропейского региона в формировании славянских названий домашних животных, в дальнейшем стало основополагающим для разысканий Олега Николаевича по проблемам славянского этногенеза.

Область научных интересов О.Н. Трубачева в это время от этимологической обработки отдельных значительных областей нарицательной лексики (термины родства, ремесел, животноводства) расширилась и рано распространилась на сферу ономастики. Заметным событием в этой области явилась написанная в соавторстве с В.Н.Топоровым монография «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья» (1962), где впервые были подвергнуты сплошному тщательному анализу речные названия одного региона, чрезвычайно важного для выяснения этнической истории нынешней Белоруссии и древних балто-славянских этноязыковых отношений. Словообразовательный и этимологический анализ речных названий Верхнего Поднепровья с обстоятельными комментариями и выходами в соседние регионы убедительно показал, что балтийская речь была распространена гораздо южнее и восточнее нынешних ее границ и что в течение длительного времени происходил процесс ее вытеснения речью славянской.

Исследование явилось образцовым и породило целый ряд региональных исследований речных названий, что отмечалось в довольно многочисленных рецензиях. Первые итоги были подведены в следующей ономастической монографии О.Н.Трубачева, появившейся шесть лет спустя и обнаружившей образец научного диалога с оппонентами и последователями. Здесь более сложная картина этнолингвистической истории к югу от Верхнего Поднепровья на материале гидронимов была вскрыта в индивидуальной монографии О.Н.Трубачева «Названия рек Правобережной Украины» (1968). Последовательная смена разных этносов и их сосуществование в отдельные временные отрезки породили чрезвычайную пестроту гидронимии на обширной территории к югу от Припяти, где обнаружены иллирийские, фракийские, иранские, балтийские, тюркские следы в речных названиях, перекрытые мощным славянским пластом.

Фактически в исследовании рассмотрены речные названия также сопредельных территорий, поскольку топонимическое своеобразие региона всегда познается в сравнении, поэтому здесь присутствуют гидронимы почти всей Украины и Южной России. Здесь были сделаны дальние подступы к проблемам древней индоевропейской речи Северного Причерноморья.

Славянские личные именованья, часть которых восходит к древности, также были объектом научных разысканий О.Н. Трубачева. Весьма важным этапом в этих исследованиях стала большая статья Олега Николаевича (Трубачев, 1968а), оказавшаяся сильным стимулом для изучения истории фамилий в России и для составления соответствующих словарей.

Параллельно с этими разысканиями в области славянской апеллативной и ономастической лексики в 1964–1973 гг. шло издание русской версии «Этимологического словаря русского языка М. Фасмера», единолично переведенного Олегом Николаевичем еще в 1959–1961 гг. с дополнениями пропущенной М. Фасмером литературы и литературы, появившейся после выхода труда М. Фасмера по-немецки в 1950–1958 гг.¹, а

¹ Немецкое издание словаря довольно убогой печати вышло в трех томах, а русское четырехтомное издание отличалось от него лишь более крупным (и более удобным для чтения) шрифтом, что значительно увеличило листаж книги. Скупые дополнения вносились переводчиком только в случае их принципиальной важности и не составляют большого числа, беря значительностью и важностью содержания, поэтому ошибочно указание некоторых авторов на то, что дополнения составляют треть от материалов М. Фасмера (Гин-

также в виде собственных соображений. Сделанные еще самим М.Фасмером в ходе издания словаря дополнения были включены в общий корпус словаря, эти дополнения слиты с текстом словаря и отличаются от дополнений переводчика [поданных в квадратных скобках и помеченных литерой — Т.]. Подготовка перевода словаря и его печатание получили осмысление и „освещение в специальной статье Олега Николаевича (Трубачев, 1978; Trubačev, 1986).

Издание русской версии этимологического словаря М. Фасмера вместе с дополнениями О.Н.Трубачева было для ученого большой научной школой, на базе которой оттачивалась его исследовательская методика. Словарь получил новую жизнь, выдержал четыре издания, причем во втором русском издании были осуществлены также не очень многочисленные, но важные новые дополнения принципиального характера. Учет всего нового в русской этимологии, что появилось после первого издания словаря М. Фасмера, собирався сделать В. Кипарский, но эта работа не была им завершена.

Олег Николаевич, блестяще и с большим пониманием тонкостей переведший трехтомный словарь, бережно относился к авторскому тексту М.Фасмера и не вступал с ним в полемику по мелочам, а предпочитал в таких случаях ограничиваться редакционными поправками, особо их не оговаривая, хотя это иногда, в редких, правда, случаях, приводило к недоразумениям.

О.Н.Трубачев всегда обладал обостренным чувством историзма, столь необходимым при этимологических изысканиях, но при чисто синхроническом подходе переводчика это чувство изредка в отдельных, случаях отодвигалось на задний план, заслоняясь внеисторической нормативностью, которой, как правило, руководствуются обычные переводчики и редакторы. Например, в немецком издании этимологического словаря М. Фасмера даны два омонима ЭТИКЕТ I 'Aufschrift, Bezeichnungszettel (auf Flaschen)' и ЭТИКЕТ II 'Ordnung gesellschaftlicher Formen', которые в издании русской версии перестали быть омонимами и превратились в пару *этикетка* — *этикет*, благодаря чему во главе словарных статей стали современные русские слова, нарушив, правда, ал-

дин, 1992:20: «Дополнения Олега Николаевича составили одну треть по сравнению с немецким оригиналом»). Эта красивая легенда, связанная с необычайно большой творческой продуктивностью работы О.Н. Трубачева, нашла отражение на задней стороне обложки второго (уже посмертного) издания книги «Этногенез и культура древнейших славян» (М., 2002): «Дополнения составили более одной трети сравнительно с немецким оригиналом».

фавитный порядок. Здесь мы имеем яркий случай сбоя понимания между представителями разных поколений — поколения М. Фасмера (1886—1962) и поколения О.Н.Трубачева (1930—2002). Почти на полвека старший М.Фасмер, проживая с начала 20-х годов XX в. за границей, был более чем на 40 лет оторван от живого русского языка и сохранил архаическую форму *этикет*, давно вытесненную в живом русском языке бывшим деминутивом *этикетка*, которая для О.Н.Трубачева была уже единственной, а старая форма *этикет* I воспринималась как ненормативная.

Аналогичное редактирование словарной статьи ШАХТЕР 'Grubenarbeiter, Kumpel', auch *шахтёр* dass Voron. <...> с архаической формой слова в ее начале состояло в том, что не вполне обдуманно архаическая форма *ша́хтер*, которую помнил М. Фасмер, была устранена совсем и во главе статьи оказалась поставлена еще диалектная для М.Фасмера в начале XX в. воронежская форма *шахтёр*, которая для нас является уже единственно возможной¹.

Но такие случаи в русском издании словаря М. Фасмера, повторяю, крайне редки: понадобился не один десяток лет пользования словарем, чтобы они обнаружались.

Исследовательскую практику О.Н.Трубачева характеризует ярко выраженная и сейчас уже редкая *акрибия* или *акрибия*, тщательность, точность (в научных исследованиях)², которая в некоторых случаях, как это ни странно, может привести к ошибкам, что случилось с древнерусским гапаксом *сагъчи*, обнаруженным А.Х. Востоковым в одном из торжественников XV в.; и в русских исторических словарях истолкованным как 'сановник'. В немецком издании словаря М. Фасмера оно на основании тюркской этимологии Н.И.Ашмарина в изложении М.Ряшенена определено как 'Wächter', т.е. 'страж', но М.Фасмер не объяснил своего несогласия с толкованием И.И. Срезневского при наличии ссылки на него. Опора на И.И. Срезневского при выборочном редактировании русского издания привела к восстановлению ошибочного толкования 'санов-

¹ Оба эти случая неполного понимания между поколениями были замечены лингвистами (Добродомов, 1988: 127—130; Ипполитова, 2001: 121—122).

² По определению академического семнадцатитомного «Словаря современного русского литературного языка», который, однако, почему-то посчитал это понятие излишним и поэтому исключил из словника второго (неоконченного) издания.

ник¹, проверять же всю использованную литературу было бы просто невозможно.

Подобные редчайшие случаи в других трудах О.Н. Трубачева исключены, поскольку обширнейшие энциклопедические познания исследователя в сочетании с его необычайной интуицией постоянно предохраняли и оберегали ученого от недоразумений.

Характерно, что и в уже коллективном с 14 выпуска «Этимологическом словаре славянских языков» Олег Николаевич проявляет постоянную толерантность к мнениям соавторов и редко допускает редакторское вмешательство или редакторские дополнения.

Материал, собранный и осмысленный во многих конкретных исследованиях, будь то монография или отдельная статья в сборнике или в этимологическом словаре, настоятельно требовал интерпретации его применительно к сложным вопросам жизни древних славян, к проблемам славянского этногенеза. Статьи на эту тему публиковались в научной периодике (преимущественно в «Вопросах языкознания») под названиями «Языкознание и этногенез славян» и подобными. На базе этих статей была создана в 1991 г. очередная монография «Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования» (2-е значительно расширенное издание вышло уже после смерти автора в 2002 г.), в которой подробно освещается проблема Дунайской прародины славян, фигурировавшая уже у Нестора в «Повести временных лет», но впоследствии попавшая в число «донаучных» и, как показал О.Н. Трубачев, преждевременно сданная в архив, хотя некоторые преимущественно языковые материалы в виде внутриславянских и межиндоевропейских изоглосс заставляют обращаться к этой теории для объяснения многих вопросов. Возврат на новых основаниях к теории Дунайской (среднеевропейской) прародины славян встретил как апологетическое, так и критическое отношение славистов, активизировав угасшее было внимание к проблеме. Олег Николаевич подчеркивает, что о дунайской прародине славян говорил еще корифей и основоположник научного славяноведения П.И. Шафарик (1795–1861), в исследованиях которого научный потенциал его разысканий остался незамеченным последующей наукой, которая в своей критической запальчивости упустила возможность своевре-

¹ Восстановленное толкование 'телохранитель, страж, сторож' на основе этимологии Н.И. Ашмарина дано в исправлениях в «Словаре русского языка XI–XVII вв.», вып. 22. М., 1997, с. 298.

менного развития его наблюдений и соображений, долго ждавших своего часа.

Основные идеи книги «Этногенез и культура древнейших славян» возникали постепенно в ходе этимологизации славянской лексики, когда объяснение многим фактам можно было дать только с учетом того обстоятельства, что славяне были связаны с Дунаем, память о котором до сих пор сохраняется в архаичных русских народных песнях. Пребывание славян на Дунае не было экстравагантным взглядом на вещи, а явилось настоятельной необходимостью для правдоподобного научного освещения иначе остающихся непонятными явлений языка и археологии.

В книге содержится не простой возврат к теории П.И. Шафарика, а совсем иной подход к тем же гениально предвиденным им научным положениям основоположника научного славяноведения, которые сейчас обеспечены достижениями современной теоретической компаративистики, индоевропеистики и особенно их этимологического компонента, а также далеко продвинувшейся археологии, достижениями которой Олег Николаевич умело пользуется.

Олегу Николаевичу удалось аргументированно обосновать старый тезис П.И. Шафарика о раннем присутствии славян в Центральной Европе, и эта проблема получила новый стимул к ее разработке как в позитивном, так и критическом аспектах.

Уделяя большое внимание западным связям славян, их западным соседям (германцы, кельты, италийцы), Олег Николаевич также обращается и к проблемам восточных связей, связей славянства с иранским языковым миром, отразившихся в славянской нарицательной лексике и топонимии, что было давно в поле зрения лингвистов, которые накопили значительный запас материала в лексике и топонимии, но дело продвигалось довольно вяло, что было обусловлено сопоставлениями исключительно на праязыковом уровне, без учета древней диалектной расчлененности и славянского, и иранского языкового мира, что последовательным апологетам концепции языкового древа, которая и сейчас занимает ведущее место в компаративистике, представляется невероятным.

Проблемы древнейших славяно-иранских языковых связей и иранских заимствований в славянских языках самым тесным образом стыкуются с проблемами этногенеза, уже давно разрабатываемыми в науке, что подробными очерками было рассмотрено в большой статье, где Олег Николаевич поставил вопрос о необходимости учета в решении этой проблемы диалектной расчлененности в эпоху интенсивных славя-

но-иранских контактов как славянского, так и иранского этнического и языкового мира (Трубачев, 1967). В статье обнаружилась парадоксальная насыщенность иранскими лексическими элементами западнославянского польского языка и его диалектов, а не восточнославянских, как ожидалось бы, что было обусловлено неоднократными изменениями картины расселения иранских и славянских племен в далеком прошлом, которая разительно отличается от нынешней и которая сейчас отражается лишь в удивительных изоглоссах.

Последующее углубление в историю иранства на Юге России, следы которого сохранились особенно в топонимике, привело к появлению серии статей, в которых было показано, что здесь обнаруживается не только сильная диалектная расчлененность иранского языкового материала, но и наличие близкого к иранству, однако противопоставленного ему индоарийского лексического и особенно топонимического материала. Это выяснилось в целой серии статей по истории лексики и топонимии языков Восточной Европы, которые в совокупности составили целую книгу «Indoagica в Северном Причерноморье» (Трубачев, 1999), легко обозримую благодаря наличию аналитических указателей (этимологического, семантического и предметного), где кратко суммируются итоги исследования старых и современных топонимов Северного Причерноморья, объясняющихся из индийских языков как результат пребывания в этих местах предков современных индийцев.

Благодаря исследованию Олега Николаевича был открыт еще один индоевропейский язык индоарийского характера, названный им условно синдомеотским, что обогатило новыми материалами не только историю индоарийских языков, но и в первую очередь этническую историю региона в древности. В этом деле у Трубачева был лишь один серьезный предшественник — П.Кречмер (1866–1966), но его единичные примеры не идут ни в какое сравнение с сотнями слов, четко определенных Олегом Николаевичем как индоарийские. При этом надо заметить, что сделано такое открытие при отсутствии достаточной филологической базы: топонимика региона не собрана в достаточно авторитетные коллекции, не обеспечена в достаточной степени очень нужными в таких разысканиях сведениями по истории каждого топонима, который мог в ходе длительного употребления довольно сильно исторически меняться. Осложняется дело и отсутствием словарей по местным языкам региона. Приходится удивляться, как при таких условиях мало неточностей и ошибок. Их почти нет. Например, из-за отсутствия крымскотатарского

словаря второй компонент *сала* в крымских топонимах *Ени-Сала* (*Енисала*), *Феттах Сала*, *Коджа Сала* О.Н.Трубачев несколько неосмотрительно соотнес с синдомеотским *salā'сток, склон' (с. 84), хотя это крымскотатарский топографический термин, восходящий к русскому *село* с тем же значением, что, впрочем, было указано В.В.Радловым применительно к казанскотатарскому и караимскому *сала* 'деревня, село' (Радлов, 1911: 349–350). Но обильный материал совсем другого характера спасает автора от краха в этом и многих других случаях.

Неожиданность выводов О.Н. Трубачева о наличии индоарийских следов в Причерноморье заставляет лингвистов обращаться к их внимательной проверке с привлечением нового материала и тщательной проверке старого. Благодаря разысканиям О.Н. Трубачева открылось новое поле исследований для языковедов и археологов.

Из всех предыдущих публикаций во многих изданиях и монографиях была выделена восточнославянская проблематика культурного, этнографического и лингвистического содержания, составившая содержание отдельной книги «В поисках единства» (1992, 2-е доп. изд., 1997). Книга возникла в связи с докладами на проводящихся в разных городах России праздниках славянской письменности и посвящена отдельным спорным вопросам восточнославянского этногенеза. Здесь в полемическом ключе рассматривается проблема периферийности древненовгородского диалекта, в архаических чертах которого нет никаких оснований видеть свидетельства его былой принадлежности к западнославянским языкам, вопреки время от времени возникающим хронически эфемерным утверждениям некоторых лингвистов. В связи с анализом разноязычных названий Киева в древних источниках О.Н. Трубачев особое внимание уделяет роли хазар в истории этого города и находит, что эту роль никак нельзя преувеличивать, как и в истории восточных славян в целом. Пестрота и гетерогенность этнического состава восточнославянских племен и народов позволяет все же установить, что в определениях *Малая*, *Великая* и *Белая Русь* скрываются символические указания на исходную территорию (*Малая Русь*), на территорию более позднего распространения (*Великая Русь*) и на географическое положение на Западе (*Белая Русь*).

В заключительных частях книги показано, что славянские этнонимы (племенные названия) могут служить ценным источником для установления фактов древнейшей истории славян, причем специальный экскурс посвящен выяснению южных источников этнонима *Русь*, корни

которого, по мнению О.Н.Трубачева, затерялись в пестрой сумятице сложной этнической истории Северного Причерноморья, и прояснение этих корней требует значительных усилий ученых. Это вовсе не возврат к старым взглядам, которые были дискредитированы в результате беспощадной критики еще в XIX в., а тщательный пересмотр материала на предмет поисков истины, которая умерла в спорах, где в остроте полемических схваток наносились смертельные удары неприемлемым для критика взглядам, а поиски истины остались в стороне и сама истина в этой полемике преспокойно умерла.

Прежние поиски корней этнонима *Русь* на юге не учитывали сложные исторические процессы, изменения в языках этого региона и были в силу последнего обстоятельства обречены на неудачу. Олег Николаевич обозначил здесь направление поисков...

Сюда же примыкает одна из последних работ Олега Николаевича – статья «Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения» (Трубачев, 2000; 2002), где рассмотрена судьба вятичей и их роль в формировании южновели-корусского наречия, роль чего в истории русского языка до сих пор остается недостаточно учтенной.

Олег Николаевич внимательно следил за развитием современной лингвистической науки и постоянно анализировал появившиеся новинки литературы, посвященные этимологии. Его рецензии и обзоры литературы подобного рода составляли весьма значительную часть ежегодника «Этимология» и явились притягательной силой для привлечения к этому делу множества других языковедов. Критико-библиографический отдел ежегодника стал фактически своеобразной летописью развития современной этимологической науки языков Старого Света.

Весьма поучительный опыт работы над своим «Этимологическим словарем славянских языков» (ЭССЯ) обычно в сопоставлении с аналогичными начинаниями чешских и польских коллег Олег Николаевич постоянно освещал в разных изданиях, и его последняя работа «Опыт ЭССЯ: к 30-летию с начала публикации (1974–2003)», подготовленная уже в больнице в последние дни жизни в качестве доклада для предстоящего в 2003 г. XIII Международного съезда славистов в Любляне и посвященная памяти великих этимологов Василия Ивановича Абаева и Франтишека Славского, подводит итоги его непосредственной деятельности в этой области. Характерен эпитаф из высказывания В.И. Абаева: «... Делать этимологические словари интересно и легко, надо только

каждый день писать несколько строк и так — сорок лет...» (Трубачев, 2002).

В специальных разысканиях по этимологической проблематике и обзорах О.Н. Трубачева создана стройная теория этимологической лексикографии, особенно применительно к лексикографии праязыковой, как междисциплинарная сфера научной деятельности.

Все эти теоретические положения нашли практическое воплощение в грандиозном труде всей жизни Олега Николаевича, не имеющем прецедента в этимологической лексикографии. Это «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд», 28 выпусков которого вышло еще при жизни его создателя и вдохновителя и два еще подготовлено к печати.

Из четырех десятков лет работы над словарем (с 1961 г.) подготовительный этап занял 14 лет, в том числе два года на выработку концепции, реализованной в составленном лично Олегом Николаевичем проспекте, который и определил дальнейший ход реализации замысла. Небольшой коллектив сотрудников (В.А. Меркулова, Л.А. Гиндин, Ж.Ж. Варбот, Л.В. Куркина, И.П. Петлева, Т.В. Горячева, позже В. Михайлович, Г.Ф. Одинцов, Е.С. Павлова, А.А. Калашников, Т.В. Невская, О. Младенова) собирал материалы для словарной и этимологической картотеки, легших в основу капитального «Этимологического словаря славянских языков», который через словарную форму обработки материала призван осветить жизнь древних славян, поскольку слова являются своеобразными свидетелями жизни народа в прошлом, несмотря на те изменения, которые с течением времени произошли и в языке, и в жизни его носителей.

Авторскую работу над 13 выпусками вел лично О.Н. Трубачев, а с 14 выпуска авторская работа над выпусками стала коллективной (с обозначением отрезков словника, составленных каждым из авторов: В.А. Меркулова, Л.В. Куркина, Г.Ф. Одинцов, И.П. Петлева, Ж.Ж. Варбот, А.А. Калашников, О.Н. Трубачев), причем в некоторых из выпусков словаря Трубачеву принадлежит авторство более четверти объема.

Будучи крупнейшим ученым мирового масштаба и работая всю жизнь в академических учреждениях, Олег Николаевич живо откликался на просьбы вузовских учреждений и читал лекции в институтах и университетах нашей страны и за рубежом. Эти лекции все-таки носили характер пропаганды науки среди специалистов, хотя и будущих, но Олег Николаевич не

был чужд общению и с более широкой аудиторией неспециалистов, интересующихся историей народов и этимологией. Это общение осуществлялось через публикацию статей в газетах и журналах, которые сохраняли свою научность, но были приспособлены для неподготовленного читателя стилистически — отказом от злоупотребления специальными терминами. В этих публикациях зачастую звучали и публицистические нотки на злобу дня: окружающая обстановка в стране сказывается и на состоянии науки, что всегда заботило Олега Николаевича.

В плане просветительском, для облегчения творческого общения с неспециалистами и наведения ими справок по трудным для неспециалиста вопросам Олег Николаевич разработал грандиозный проект «Русская энциклопедия». Это предприятие задумывалось как энциклопедия универсальная, типа «Большой советской энциклопедии», но в отличие от последней, которая отражала везде государственные, официальные взгляды, «Русская энциклопедия» должна носить этноцентрический характер — показывать весь мир глазами русского человека, русского народа, значение его в мировой культуре, опыты чего были в XIX в. («Русский энциклопедический словарь» под редакцией И.Н. Березина (1818—1896)) и в начале XX в. (неоконченная «Русская энциклопедия»). К сожалению, этот проект не нашел поддержки как неудобный в плане возможной шовинистической опасности, что никак в проекте не предусматривалось. Русской читающей публике вместо «Русской энциклопедии» была преподнесена «Хатчинсоновская карманная энциклопедия» в плохом переводе.

Еще в аспирантские годы О.Н. Трубачев был активным автором многочисленных этимологических разысканий, которые активно публиковались в советских и зарубежных изданиях, что продолжалось в течение всей творческой жизни ученого параллельно с подготовкой и изданием больших трудов как индивидуальных, так и коллективных.

Олег Николаевич активно принимал участие в разного рода съездах¹, конференциях, симпозиумах, а многие из них он сам организовывал и выступал часто как летописец этих важных для науки событий, освещая их ход и результаты в научной печати. Яркие очерки этой еще живой истории, написанные с места событий или сразу после них, представляют большой интерес как взгляд на текущую историю науки глазами

¹ Например, Олег Николаевич был участником восьми Международных съездов славистов, начиная с IV-го (1958) и подготовил доклад для очередного съезда 2003 г. в Любляне.

крупного ученого, современника событий. С большим стилистическим блеском Олег Николаевич писал портретные очерки об ученых прошлого и о своих старших коллегах и современниках, что тоже является важным компонентом истории науки.

Олег Николаевич иногда выступал в качестве официального оппонента на защитах кандидатских и докторских диссертаций, в отзывах на которые он высказывал порой весьма любопытные мысли как общетеоретического, так и конкретного свойства, причем эти соображения зачастую так и остаются в диссертационных делах соискателей, несмотря на просьбу их опубликовать, как это было с моей просьбой оформить в статью его соображения об этимологии слова *карман*, привлекавшего к себе внимание со времен Ф.И.Рейфа, который не вполне удачно связывал его с латинским *crumena* 'кошелек' (Рейф, 1835: 379), что было оспорено Ф.Миклошичем и повторено Н.В. Горяевым, неудачно выведившими его из северо-тюркского *karman*, оказавшегося на самом деле русизмом на тюркской почве (Miklosich, 1886: 112; Горяев, 1896: 135). Несмотря на это, слово с долей сомнения и сейчас трактуется как тюркизм¹.

Новые интересные этимологические соображения относительно этимологически трудного слова *карман* почти три десятилетия назад прозвучали на защите моей докторской диссертации «Проблемы изучения болгарских лексических элементов в славянских языках» 9 декабря 1974 г. в Московском государственном педагогическом институте им. В.И. Ленина, где О.Н. Трубачев выступал в качестве моего официального оппонента вместе с А.Н. Кононовым и А.С. Львовым.

О.Н. Трубачев в ходе оценки моей диссертации подчеркнул методологическую важность учета семантической проблематики, которая, на его взгляд, не всегда получала в этом исследовании достаточно широкое применение, и обратился при этом к предполагаемому тюркизму русского языка *карман*, который, по мнению известного тюрколога и слависта Н.К.Дмитриева (1898–1954) может быть включен лишь в группу «Слова, причисляемые к тюркизмам в порядке гипотезы», хотя в этимологических словарях и некритических списках тюркизмов слово *карман* фигурирует довольно давно (Дмитриев, 1958: 44; 1962: 565).

¹ Невероятность сближения хорошо видна в одной из последних попыток вывести *карман* из тюркского *qigman* 'налучье, саадак' (Юналеева, 1982: 99).

Соображения О.Н. Трубачева опирались на отмеченное в литературе архаическое обозначение словом *карман* отдельного мешочка, сумочки, еще не пришиваемых к платью, кошелька (Чернышев, 1948: 9–10; 1970: 336).

Карман можно было даже терять, пример чего П.Я. Черных обнаружил в газете «Санкт-Петербургские ведомости» (1.06.1798): «Некая барыня... шедшая по Фонтанке... обронила карман с разными записками» (Черных, 1952: 299).

Это архаическое значение слова *карман* сохранялось довольно долго. По сообщению Н.С. Араповой (1934 г. рожд.), ей в детстве еще пришлось видеть нарядную сумочку, называемую *карман*, в которой носили в церковь *поминание* (синодик), как это было принято в подмосковных селах¹.

О.Н. Трубачев напомнил, что «к обеднению результатов исследования ведет и отказ от использования семантического критерия в диссертации. Верно, что семантика или семасиология развита еще недостаточно, но полезность семантического критерия как вспомогательного в исследованиях лексики никто не станет отрицать. Речь идет об установлении параллелизма семантических эволюций, операциях очень простых, но, как правило, весьма надежных, как все простое. И хотя этот нехитрый прием семантического анализа иногда иронически трактуют как элементарный «здравый смысл», не нужно забывать, что мы имеем здесь дело с моментами семантической типологии, а в ряде случаев — с семантическими универсалиями. Современная реализация принципа *Wörter und Sachen* не может обойтись без таких аспектов. Я говорю это со специальной целью показать на конкретном примере возможные этимологические связи, которые, может быть, заинтересуют диссертанта, а в данной связи любопытны своей семантической стороной. Так, на с. 102 разбирается русское диалектное слово *кодман*, название мешкообразной одежды, др.-русск. *къдманъ*, которое вместе с венг. *ködton* 'полшубок' автор считает древним болгарским заимствованием «по фонетической черте (-д-, не изменившемся в -з->-р-)». Автор реконструирует болгарский прототип **къдманъ*, однако иных фактических подтверждений его, равно как и предполагаемой там ротацистской тенденции, он не приводит. Я хотел бы в этой связи обратить внимание на общеизвестное рус-

¹ О соотношении наименования *карман* с другими синонимами см. (Судаков, 2002: 55–60).

ское слово *карман*, над которым исследователи бились безуспешно, потому что единственно-положительным итогом их поисков остались, пожалуй, только догадки, что *карман* — наверное, тюркизм. Я бы предложил И.Г. Добродомову связать упомянутое выше *кодман* 'вид мешкообразной одежды, плаща' и *карман* (*карман* тоже генетически восходит к мешочку!), потому что это как будто перспективно с точки зрения фонетической диахронии, поскольку восполняет лауну соответствия на *-р*. Но главный акцент мне желательно поставить при этом на значении слов. Родство значений 'мешкообразная одежда' и 'карман' обосновывается не одной только очевидной эволюцией реалии, названной выше, но и семантическим параллелизмом, который я провожу между парой *кодман* — *карман* и рассматриваемыми у И.Г. Добродомова далее особо древнерусским и церковно-славянским *чъпагъ* 'карман', сербохорватским *чпаг* 'карман' (куда диссертант остроумно относит и русск. диал., арханг. *ецъпах* 'карман') и болг. диал. *чпаг* 'род короткой одежды без рукавов' (с. 145—146 диссертации), где имеем ту же связь значений 'род одежды' — 'карман'. Понимая гипотетичность своего примера со словами *кодман* и *карман* (не совсем ясны возможности развития здесь ротацизма, поскольку зубной соседствовал с другим согласным, ср. автореферат диссертации Добродомова, с. 11), я хочу вместе с тем подчеркнуть, как важно проследивать филиацию идей и лексических значений, как это помогает восстанавливать подчас недостающие звенья других уровней, в данном случае фонетического, и в целом — решать этимологические задачи. Попутно замечу, что такая этимологическая увязка слова *карман* контролируется со стороны лингвистической географии: более древний (по Добродомову) вариант **кѣдмѣн* распространен на более широкой территории, включая венгерский, тогда как вторичный вариант *карман* — практически только в русском языке. Упомянув критерий лингвистической географии, не могу не отметить, что диссертант в остальном учитывает его регулярно, хотя и здесь найдется материал для критики».

Сомнение О.Н. Трубачева в фонетической стороне соотнесения слов *кодманъ*~*карман* («не совсем ясны возможности развития здесь ротацизма, поскольку зубной соседствовал с другим согласным») может быть отведено ссылкой на весьма обычный *Mittelsilben-schwund*, открытый В. Бангом и подтвержденный Л. Юхансоном.

Соображения О.Н. Трубачева хорошо подтверждаются польским диалектным *karman* 'дождевик' (*Kleiderdecke gegen den Regen*), которое привел Э. Бернекер как параллель русскому *карман* (Berneker, 1908—

1913: 490), а также материалами «Варшавского словаря» (Słownik języka polskiego, t.I, Warszawa, 1900, s. 842, t. II, 1902, s. 271, 445, 477) в виде диалектных названий разного рода одежды: *gurmana, karmana, korman*, второе из которых сравнивается с сомнительным тюркским *karman*.

В свете этих соображений О.Н. Трубачева о зависимости значений 'мешкообразная одежда' — 'карман' должны отпасть сомнения М. Фасмера в связи латышского *kabata* 'карман' с бродячим названием рабочей рубахи, куртки, кофты типа русского диалектного и устарелого *кабат*, имеющего параллели во многих языках Средней и Восточной Европы.

Во многих современных тюркских и финно-угорских языках слово *карман* (хакасск., алт., телеутск., чувашск., тувинск.), *канмар, калмар* (кызыльск.) является русизмом с отражением современной семантики русского слова, а в узбекский язык *кармон* вошло в старом значении 'кошелек', как и горномарийский в форме *кармак, картмак* 'кошелек для денег' (устар.).

Олег Николаевич со своей подчеркнутой педантичностью и пунктуальностью на первый взгляд казался весьма суровым и неприступным человеком, но в ходе начинавшейся беседы он как бы преобразался, становился веселым, постоянно шутил, и нить беседы переходила в его руки, и он ее крепко держал. Слушать его было необычайно интересно.

В громадном научном наследии О.Н. Трубачева поражает прежде всего обилие самого разнообразного материала из самых различных источников с умелым выбором из него самого главного, существенного и четкая методика его анализа, что отличает истинную высокую науку от расхожих мнений. Олега Николаевича характеризуют основательное знание древних и новых языков и литератур на этих языках, этнографии и истории их носителей, глубокие познания археологических древностей этих народов, знание чисто технических тонкостей древних ремесел разных регионов. Столь обширные и глубокие энциклопедические познания обеспечивали ему возможность работы на стыке разных наук, что давало всегда свежие и несколько неожиданные результаты. Именно такая энциклопедичность обеспечивала плодотворность.

Олег Николаевич был великий этимолог, который умел извлечь из древнего слова максимум возможной сейчас информации о жизни наших далеких предков, проникнуть с помощью древних слов в строй их мыслей, уберегаясь как от их модернизации, так и от чрезмерной архаиза-

ции, в чем ему помогало замечательное чувство историзма в сочетании с глубоким пониманием человеческого слова.

Большое научное наследие Олега Николаевича Трубачева большей частью уже прочно вошло в арсенал современной науки как ее последние достижения, а оставшаяся часть будет освоена в дальнейшем. А если что-то и получит в будущем иное освещение, то и это останется важной поучительной вехой этимологического познания на бесконечном пути к истине.

Например, ученик Олега Николаевича А.Е. Аникин подверг сомнению правомерность праславянской реконструкции **kyriti/*kyr'ati* 'пить', которая возникла на базе офенского *kirjъть / керуть* (Аникин, 2002: 31; Бондалетов, 1990: 20–21), в связи с чем отпадает вопрос о связи с этим глаголом праславянского **kvarъ/*kvara* 'вред, порча, болезнь'. Последний имеет несомненную связь с древнейшим болгаризмом венгерского языка *kár* (<булг. **kăvar* =тюрк. **kōr*) 'вред, ущерб' (Ligeti, 1933). Это не отрицание соображений великого этимолога, а поиски новых путей исследования в лабиринте многовековой постройки славянской лексики в связи с соседними народами, где без светлого ума Олега Николаевича разбираться будет намного труднее.

Литература

- Аникин А.Е. К уточнению балтийского вклада в русскую лексику // Русская диалектная этимология: Материалы IV Междунар. науч. конф. 22–24 окт. 2002 г. – Екатеринбург, 2002. – С. 30–32.
- Бондалетов В.Д. Иноязычная лексика в русских арг. – Куйбышев, 1990. – 112 с.
- Гиндин Л.А. Краткий очерк научной и научно-организационной деятельности <О.Н. Трубачева> // Олег Николаевич Трубачев / Сост. Шутько Л.В. Вступ. ст. Гиндин Л.А. – М., 1992. – 69 с.
- Горяев Н.В. Сравнительный этимологический словарь русского языка, – Тифлис, 1896. – IV, 451, XL, LXII с.
- Дмитриев Н.К. О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. – М., 1958. – Вып. 3. – С. 3–47.
- Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. – М., 1962. – С. 503–569.
- Добродомов И.Г. Этика и этикет // Рус. речь. – М., 1988. – № 4. – С. 127–130.
- Ипполитова Л.В. Еще раз о *шахтере* // Рус. речь. – М., 2001. – № 6. – С. 121–122.
- Лавровский П.А. Коренное значение в названиях родства у славян // Зап. имп. Академии наук. – СПб., 1867. – Т. 12, кн. 1. – 118, П с.

- Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. — СПб., 1911. — Т. 4. — 2230 стб., 107с.
- Рейф Ф.И.* Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению, или *Этимологический лексикон русского языка*. — СПб., 1835. — Т. I. — LXIV, 648 с.
- Судаков Г.В.* Живое русское слово. — Вологда, 2002. — 156 с.
- Черных П.Я.* Историческая грамматика русского языка. — М., 1952. — 312 с.
- Чернышев В.И.* Разыскания и замечания о некоторых русских выражениях // Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР. — М.; Л., 1948. — Вып. 1. — С. 3—17.
То же: *Чернышев В.И.* Избранные труды. — М., 1970. — Т. 1. — С. 331—341.
- Юналеева Р.А.* Опыт исследования заимствований: (Тюркизмы в рус. яз. сравнит. с другими слав. яз.). — Казань, 1982. — 120 с.
- Berneker E.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. — Heidelberg, 1908—1913. — Bd. 1. — 760 S.
- Ligeti L.* Regibb török jövevényszavaink magyarázatához (Kar, kár) // *Magy. nyelvör.* — Bp., 1933. — 29. évf. — S. 218—221.
- Miklosich F.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. — Wien, 1886. — VIII, 548 S.

Основные работы О.Н. Трубачева

- Топоров В.П., Трубачев О.Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. — М., 1962. — 270 с.
- Трубачев О.Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя — М., 1959. — 212 с.
- Трубачев О.Н.* Происхождение названий домашних животных в славянских языках: (Этимол. исслед.). — М., 1960. — 115 с.
- Трубачев О.Н.* *Этимологический словарь славянских языков: (Праслав. лексич. фонд): Проспект. Пробные статьи.* — М., 1963. — 95 с.
- Трубачев О.Н.* Ремесленная терминология в славянских языках: (Этимология и опыт групповой реконструкции). — М., 1966. — 416 с.
- Трубачев О.Н.* Из славяно-иранских лексических отношений // *Этимология, 1965: Материалы и исслед. по индоевропейским и другим яз.* — М., 1967. — С. 3—8.
- Трубачев О.Н.* Названия рек правобережной Украины: Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. — М., 1968. — 289 с.
- Трубачев О.Н.* Из материалов для этимологического словаря фамилий России: (Рус. фамилии и фамилии, бытующие в России) // *Этимология 1966: Проблемы лингвогеографии и межъязыковых контактов.* — М., 1968а. — С. 3—53.
- Трубачев О.Н.* Из работы над русским Фасмером: К вопросу теории и практики перевода // *Вопр. языкознания.* — М., 1978. — № 6. — С. 15—24.

- Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исслед. – М., 1991. – 271 с.
- Трубачев О.Н.* В поисках единства. – М., 1992. – 189 с.; 2-е изд., доп., с подзаголовком: Взгляд филолога на проблему истоков Руси. – М., 1997. – 284с.
- Трубачев О.Н.* Indoarica в Северном Причерноморье: Реконструкция реликтов языка: Этимол. словарь. – М., 1999. – 320 с.
- Трубачев О.Н.* Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения // *Вопр. языкознания.* – М., 2000. – № 5. – С. 4–27. То же: Материалы и исследования по русской диалектологии: К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Рубена Ивановича Аванесова. – М., 2002а. – Вып. 1(7). – С. 5–25.
- Трубачев О.Н.* Из истории лингвистической географии восточнославянского распространения // *В пространстве филологии: К 70-летию со дня рожд. д-ра филол. наук проф. Евгения Степановича Отина.* – Донецк, 2002б. – С. 22–45. То же: *Јужнословенски филолог: Посвећено Павлу Ивићу.* – Београд, 2000а. – Т. 56, 3/4. – С. 1257–1279.
- Трубачев О.Н.* Опыт ЭССЯ: К 30-летию с начала публикации (1974–2003) // *Вопр. языкознания.* – М., 2002в. – № 4. – С. 3–26.
- Trubačev O.N.* Gedanken zur russischen Ausgabe von Vasmer's Russischem etymologischem Wörterbuch // *Ztschr. für slavische Philologie.* – В., 1986. – Bd 46. – S. 372–383.

Основные работы об О.Н. Трубачеве

- Олег Николаевич Трубачев / Сост. Шутько Л.В. Вступ. ст. Гиндин Л.А. – М., 1992. – 69 с.
- Добродомов И.Г.* Академик Олег Николаевич Трубачев: (К 70-летию со дня рожд.) // *Изв. РАН. Сер. лит и яз.* – М., 2000. – Т.59, № 6. – С. 75–76.
- Топоров В.Н.* К семидесятилетию О.Н. Трубачёва // *Этимология, 1997–1999.* – М., 2000. – С. 3–5.
- Олег Николаевич Трубачев: (1930–2002) // *Рус. яз. в шк.* – М., 2002. – № 3. – С. 107–108.
- Никитин О.В.* «Русского человека стало меньше»: Памяти выдающегося слависта акад. Олега Николаевича Трубачева (1930–2002) // *Моск. журн.* – М., 2002. – № 5. – С. 13–17.
- Калашников А.А., Куркина Л.В., Петлёва И.П.* Олег Николаевич Трубачев: 23.X. 1930 – 9.III. 2002 // *Вопр. языкознания.* – М., 2002. – № 3. – С. 5–7.
- Топоров В.Н.* Слово при прощании // *Рус. яз. в науч. освещении.* М., 2002. – №1(3). – С. 5–7.
- Журавлев А.Ф.* Академик Олег Николаевич Трубачев: (1930–2002) // *Изв. РАН. Сер. лит. и яз.* – М., 2002. – Т. 61, № 4. – С. 78–79.

В.Т. Олег Николаевич Трубачев: (23 октября 1930 – 9 марта 2002) // Балтослав. исслед. – М., 2000. – Т. 15 – С. 678–684.

Библиография работ О.Н. Трубачева

Хронологический указатель трудов // Олег Николаевич Трубачев / Сост. Шутько Л.В.; Авт. вступ. ст. Гиндин Л.А. – М., 1992. – С. 29–54. – (Материалы к библиографии ученых. Сер. лит. и яз.; Вып. 21).

Калашников А.А. Указатель трудов Олега Николаевича Трубачева за 1992–1999 гг. // Этимология, 1997–1999. – М., 2000. – С. 225–230.

Олег Николаевич Трубачев. Научная деятельность. Хронологический указатель трудов. (Отв. ред. Г.А.Богатова). – М.: Наука. – 2003. – 96 с.

И.Г. Добродомов

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ УШАКОВ

Выдающийся русский языковед, географ и специалист по русской диалектологии, крупнейший лексикограф и педагог Дмитрий Николаевич Ушаков (12(24). I.1873, Москва – 17. IV. 1942, Ташкент), член-корреспондент АН СССР с 1939 г., родился в семье глазного врача в Москве.

После окончания 5-й Московской гимназии юноша поступил на историко-филологический факультет Московского университета, где его учителями были выдающиеся языковеды Филипп Федорович Фортунатов (1848–1914) – основоположник Московской лингвистической школы, и филолог-полиглот Федор Евгеньевич Корш (1843–1915), оказавшие решающее влияние на формирование языковедческих взглядов Д.Н. Ушакова и верность принципам которых была пронесена ученым до последнего дня жизни.

Идеи общезыковедческой концепции Ф.Ф. Фортунатова впоследствии нашли прочное воплощение в общелингвистическом курсе Д.Н. Ушакова «Введение в языковедение», которое вышло тремя литографированными изданиями в 1908–1909, 1909–1910 и 1912 гг. и на основе которого было создано «Краткое введение в науку о языке», выдержавшее девять изданий в 1913–1929 гг. и сыгравшее важную роль в пропаганде лингвистической науки.

Под руководством Ф.Ф. Фортунатова была выполнена дипломная работа (по тогдашней терминологии, кандидатское сочинение) «Склонение у Гомера», которая получила высокую оценку и явилась основанием рекомендации талантливого выпускника университета 1895 г. для подго-

товки к профессорскому званию по кафедре сравнительного языкознания и санскритского языка.

Однако занятия научной работой были несколько отодвинуты многолетней преподавательской деятельностью в средних учебных заведениях, интенсивно продолжавшейся до 1913 г., хотя некоторые этнографические материалы о суевериях и обычаях крестьян, опубликованные в периодических изданиях, сохранили свою значимость до нашего времени (Ушаков, 1896). Увлечение этнографией в это время в значительной степени предопределило дальнейший глубокий интерес к русской диалектологии, которой он занимался три плодотворных десятилетия.

Дальнейшая трудовая деятельность в высшей школе Дмитрия Николаевича была связана с Московским университетом, где он был доцентом (1907–1918) и профессором (1918–1930), с Московскими женскими курсами (1909–1919), Государственным институтом слова, Высшим литературно-художественным институтом им. В.Я.Брюсова, Московским институтом философии, литературы, истории.

В научно-педагогической биографии Д.Н. Ушакова условно, но и четко выделяются три периода:

1) этнографо-диалектологический (дооктябрьский), когда основные работы были связаны с разработкой проблем русской диалектологии;

2) методический, когда основные усилия ученого были направлены в сферу создания школьных учебников и методических руководств к ним (20-е годы XX в.);

3) лексикографический (30-е годы) — время создания «Толкового словаря русского языка», вышедшего в 1934–1940 гг. под редакцией Д.Н. Ушакова в четырех томах.

В 1903 г. Дмитрий Николаевич поддержал инициативу фольклориста, историка русской литературы и диалектологии Александра Дмитриевича Григорьева (1874–1940) и вместе с другими московскими лингвистами организовал в 1904 г. Московскую диалектологическую комиссию (с 1919 г. Постоянная комиссия по диалектологии русского языка) при Отделении русского языка и словесности имп. Академии наук, которую в качестве председателя возглавил академик Ф.Е. Корш, а товарищем (заместителем) председателя стал Д.Н. Ушаков, занявший председательское место после смерти Ф.Е. Корша (1915–1931) вплоть до ее преобразования в 1931 г. в Диалектографическую комиссию при Инсти-

туте языка и мышления АН СССР под председательством Н.М. Каринского (1878–1935).

Работа Московской диалектологической комиссии была сосредоточена преимущественно на изучении фонетических и грамматических особенностей русских народных говоров в отличие от петербургского центра при Отделении русского языка и словесности АН, где основное внимание уделялось сбору диалектных слов. Поступивший в Московскую диалектологическую комиссию материал обрабатывался и печатался в «Русском филологическом вестнике» в Варшаве и как «Труды Московской диалектологической комиссии» отдельным изданием в Москве и других местах.

Основной задачей Комиссии было составление «Диалектологической карты русского языка в Европе», которая отразила бы географические параметры распространения основных наречий русского языка – великорусского (собственно русского), белорусского и малорусского (украинского), в соответствии с понятиями того времени.

В недрах этой Комиссии зародилась и была выполнена эта задача: в соавторстве с Н.Н. Дурново (1876–1937) и Н.Н. Соколовым (1875–1923) вышла основополагающая для нашей диалектологии работа «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением “Очерка русской диалектологии”», вышедшая в Варшаве в «Русском филологическом вестнике» и отдельным оттиском в Москве как 5-й выпуск «трудов Московской диалектологической комиссии» на базе появившейся предварительно «Диалектологической карты русского языка в Европе» (Пг., 1914).

Хотя впоследствии были созданы другие классификации русских говоров, классификация Московской диалектологической комиссии сохраняет и сейчас не только исторический интерес, поскольку она отличается большой простотой и четкостью при опоре на минимальное число признаков: два фонетических и два морфологических. Другие же классификации менее очевидны и более сложны.

В 1915 г. при Московской диалектологической комиссии группа студентов Московского университета – учеников Д.Н. Ушакова, Н.Н. Дурново (1876–1937), М.Н. Сперанского (1863–1938) и В.Н. Щепкина (1863–1920) – организовала Московский лингвистический кружок, просуществовавший до 1924 г. и из недр которого вышли ряд известных лингвистов. Прошедшие через Московский лингвистиче-

ский кружок молодые филологи впоследствии внесли заметный вклад в мировую лингвистику.

Почти двадцатилетняя работа непосредственно в средних учебных заведениях до 1913 г. была продолжена в 20-е и 30-е годы XX в. в иной форме — в форме создания многочисленных и разнообразных учебных пособий для разного типа школ того времени, а также методических рекомендаций для учителей применительно к этим пособиям. Д.Н. Ушаков старался преодолеть пропасть между закосневшей школьной лингвистикой и новейшими достижениями лингвистики научной и поставить школьное языкознание на прочный научный фундамент.

Созданные одним Д.Н. Ушаковым или в сотрудничестве с другими авторами пособия состояли из учебных теоретических книг в комплекте с рабочими книгами и сборниками упражнений, обеспечивавшими разные стороны учебного процесса. Наряду с этими книгами для учащихся были и книги для учителей с указаниями и рекомендациями методического характера по использованию учебных книг. Многие из этих школьных пособий выдержали по несколько изданий.

Особенностью учебных пособий Д.Н. Ушакова было повышенное внимание к привитию школьникам навыков литературного русского произношения на базе старых московских норм, образцовым носителем которых являлся сам Дмитрий Николаевич, но развитие русской литературной фонетики шло все-таки по другому пути — пути интенсивного обновления: московское произношение изменялось в связи с притоком в Москву населения из разных регионов России. Несмотря на постоянную борьбу за старомосковское произношение и ряд орфоэпических походов (так по-военному он называл свои выступления в печати за московское произношение), русская орфоэпия пошла по другому пути, а Д.Н. Ушакову пришлось уступить.

Задачи орфоэпии он понимал широко, включая сюда и нормализацию морфологических явлений, вступая при этом иногда в спор со своим учителем Ф.Ф. Фортунатовым, который в университетском общем курсе 1901—1902 гг. «Сравнительное языковедение» отметил, например, появление в русском языке сложного слова *Москварека* с несклоняемой первой частью (аналогичное старому сложению *Новгород*, уже давно утратившему склонение первой части): «Например, в Москве существует слитное слово *Москварека* (с его словоизменением: *Москвареки*, *Москвареку*); это слово, хотя и разлагается на слова *Москва* (со значением известной реки) и *река*, однако отличается от сочетания значений

слов *Москва* и *река* (так как *Москварека* в целом является известным собственным именем)» (Фортунатов, 1956: 173).

Это явление живого русского языка, возникшее в «старом московском просторечии, было даже узаконено выпущенной в 1927 г. «желтенькой книжечкой» под заглавием «Технико-орфографические правила».

Д.Н. Ушаков счел это нарушением орфоэпии и решительно осудил употребление «московского сложного слова *Москва-река* с одним только ударением на первой части *Москва* и без ударения на второй *река* <...> и его склонения, в котором первая часть остается без изменения: *на Москва-реке, на Москва-реку* и т.д.» (Ушаков, 1995: 185–186, 313).

Но споры об этом гидрониме продолжались и дальше, на стороне учителя выступали ученики.

Ученик Д.Н. Ушакова С.И. Ожегов, определяя однозначно гидроним (т.е. речное название) *Москва-река* не как слово, а как сочетание, отмечает, однако, «что основное ударение в сочетании находится на второй части (*река*), а сохранение сильного (!) побочного ударения на первой части (*Москва*), свидетельствующего о грамматическо-смысловой значимости этой части, – еще более подчеркивает обязательность склонения» (Ожегов, 1974: 337–338).

Но и этим спор не закончен...

Для Д.Н. Ушакова весьма характерным было обращение к теоретическим проблемам языкознания в связи с практическими потребностями жизни в языковедческой проблематике. Такова его теоретическая работа по русской орфографии, возникшая в связи с большим вниманием русского общества к проблемам реформирования русского правописания.

В 1911 г. своей брошюрой «Русское правописание. Очерк его происхождения, отношения его к языку и вопрос о его реформе»¹ Д.Н. Ушаков включился в довольно сумбурную, длившуюся полтора десятилетия, орфографическую дискуссию начала XX в., которая, однако, закончилась торопливой реформой 1917–1918 гг., проведенной кадетским и большевистским правительствами и никого по-настоящему не удовлетворившей, зато подорвавшей авторитет традиционной орфографии и породившей целую серию проектов для дальнейших эксперимен-

¹ Ср. название книги И.А. Бодуэна де Куртенэ «Об отношении русского письма к русскому языку» (СПб., 1912), которая также была направлена преимущественно в область теории орфографии.

тов над орфографией в сторону ее упрощения, которые перманентно возникали в Советском Союзе до самого последнего времени и продолжают сейчас.

Д.Н. Ушаков не только активно участвовал в дискуссиях 20–30-х годов по проблемам упрощенного совершенствования русского правописания, но и вместе со своими учениками А.Б.Шапиро (1890–1966), А.А. Реформатским (1900–1978), Р.И.Аванесовым (1902–1982) С.Е.Крюковым (1897–1969) и др. составлял проекты орфографических и пунктуационных сводов, которые получили окончательное оформление в «Правилах русской орфографии и пунктуации» 1956 г., утвержденных Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР после активной орфографической дискуссии 1954–1955 гг. на страницах журнала «Русский язык в школе» и «Учительской газеты». Но уже в начале 60-х годов новое поколение прожектеров провело новую дискуссию по усовершенствованному упрощению русской орфографии, окончившуюся выражением неприятия новшеств со стороны носителей русского языка, поэтому следующий безуспешный поход против орфографии 1956 г. состоялся только в 2001–2002 г. и тоже был осужден общественностью. В связи с этим разработанные Д.Н.Ушаковым и его учениками орфографические и пунктуационные правила доказали свою жизненность, хотя сам Д.Н. Ушаков постоянно стремился их обновлять.

Вышедший в 1934 г. школьный «Орфографический словарь», который вытеснил многие параллельные словарики 20-х годов (например, весьма популярные словари И.В.Устинова, В.Флерова, И.И.Шапошникова и др., некоторые выдержавшие до 15-ти изданий), в течение более пяти десятилетий был основой школьной орфографической грамотности и выходил вплоть до 1990 г. (с 1944 г. в качестве соавтора выступал его ученик — С.Е.Крючков).

Орфография современного русского языка выросла не только из школьного «Орфографического словаря» Д.Н. Ушакова (и С.Е. Крюčkова) и подготовленного при его активном участии свода 1956 г., но и особенно из «Толкового словаря русского языка» под его редакцией.

К проблемам лексикографии Д.Н.Ушаков серьезно обратился в 1920 г., когда он вместе с группой филологов в составе: И.И. Гливенко, А.Е. Грузинский (1858–1930), Н.Н. Дурново (1876–1937), И.Н. Сакулин (1868–1930), А.А.Буслаев (1897–1964), — был включен в словарную комиссию, которая должна была реализовать замысел

В.И. Ленина 1920—1921 гг. по составлению краткого словаря классического русского языка от Пушкина до Горького по образцу французского однотомного словаря «Лярусс», хотя опыт такого словаря, оставшийся неизвестным В.И. Ленину, в русской лексикографии уже имелся. Однако он получил едва ли справедливую суровую и неаргументированную стереотипную критику со стороны лексикографов, восходящую к предисловию к «Толковому словарю русского языка» под редакцией Д.К.Ушакова: «Нужда в справочном словаре литературного языка вызвала появление и других словарей, как неоконченный «Полный филологический словарь русского языка» А.И.Орлова, 2 тома, 1885 г., «Справочный словарь орфогра-фический, этимологический и толковый русского литературного языка» под ред. А.Н. Чудинова, 1901 г., «Малый толковый словарь русского языка» П.Е. Стояна, 1913 г. Они не могут идти ни в какое сравнение с академическими словарями и словарем Даля по охвату материала, ни по приемам его обработки и, находясь в стороне от научно-лингвистической традиции, во многом неудачны» (Толковый словарь, 1934: VII—VIII).

Эта оценка закрепились в дальнейшей традиции: «Нужда в учебном словаре литературного языка вызвала в конце XX в. появление таких словарей, составленных преподавателями средней школы, как неоконченный «Полный филологический словарь русского языка» А.И. Орлова (1885), «Справочный словарь орфографический, этимологический и толковый русского литературного языка» под редакцией А.Н. Чудинова (1901), «Малый толковый словарь русского языка <составлен по образцу Даля и “Лярусса”>» П.Е. Стояна (имевший несколько изданий в начале XX в.). Эти словари складывались в отрыве от научной лексикографической традиции и отражают слишком упрощенный взгляд их составителей на задачи литературного словаря» (Виноградов, 1941: 236).

Однако идея В.И. Ленина о создании словаря современного русского языка от Пушкина до Горького по типу малого «Лярусса», будучи начатой разработкой без особой подготовки проекта, вскоре была приостановлена и возродилась только в 1927—1928 гг., когда развернулась работа по составлению (сначала задуманного как двухтомный, затем — трехтомный, а реализованного как четырех-томный) «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова, вышедшего в свет в 1934—1940 гг. усилиями авторского коллектива в составе В.В. Виноградова (1894—1969), Г.О.Винокура (1896—1947), Б.А.Ларина (1893—1964), С.И.Ожегова (1900—1964), Б.В. Томашевского (1890—1957).

В начале работы над словарем в коллективе было до полутора десятков человек, в том числе С.И. Бернштейн и И.А. Фалев и др. К концу издания основную работу под руководством Д.Н. Ушакова осуществляли преимущественно Г.О.Винокур и С.И.Ожегов.

Согласно воспоминаниям С.И. Ожегова, принимавшего активное участие в составлении «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова, душой этого дела «были три человека, прекрасно дополнявших друг друга в таком начинании, как словарь, который должен был представлять универсальную характеристику языка»: В.В. Виноградов, «с его острым интересом к семантич., стилистич. структуре языка и прекрасный уже тогда знаток русской литературной речи в ее историческом развитии»; Д.Н. Ушаков «с его грамматическими и орфоэпическими интересами, исключительный знаток живой русской речи, литературной и диалектной», Б.В.Томашевский, «человек аналитического ума, прекрасный стилист, замечательный организатор, знаток русской литературы и зарубежного лексикографического опыта» (Словарь и культура, 2001:455).

«Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова, по словам одного из его составителей С.И. Ожегова, «стал знаменем русской языковой культуры нашего времени... и получил мировую известность, особенно выросшую в послевоенные годы» (Словарь и культура, 2001: 396). Однако он с самого начала его появления подвергался как деловой научной, так и конъюнктурной, политической критике, причем последняя в лучших демагогических традициях продолжается и до сих пор под маской науки (Казимирский, Аптекарь, 1935; Гельгардт, 1945; Купина, 1995). Если первый памфлет в этой триаде упрекает словарь в недостаточной политизированности (идеологизированности), то в последнем не менее голословно и предвзято он же обвиняется в очень сильной политизированности. Крайности сходятся на беспочвенности и ангажированности. Но эти злобные выпады сейчас уже не могут подорвать авторитет словаря, который остается неизменно высоким.

... а караван идет ...

Значительные научные достоинства «Толкового словаря» определили его непреходящее влияние на развитие всей русской советской лексикографии: все значительные словари советской эпохи создавались с оглядкой на Ушаковский словарь, причем не всегда учитывалось, что он отражал не только устойчивую лексику русского языка, но и эфемерную

лексику своего времени, которая скоро вышла из употребления. Последующие нормативные словари такие слова то опускают, как это произошло с шутивным выражением *красный купец* «работник советского торгового аппарата», которое в более поздних словарях отсутствует и справки о котором сейчас получить негде, кроме Ушаковского словаря, то механически переносят в новые лексикографические справочники без привязки к определенному времени и без оправдательных цитат, как это случилось с загадочным англицизмом «ТИТЭСТЕР [тэстэ] , а, м. [от англ. *tee* — чай и *test* — пробовать] (спец.). Человек, определяющий сорт и качество чая» (IV, 711), попавшее из Словаря Ушакова во многие последующие словари и даже в «Сводный словарь современной русской лексики» (1991).

Заслуженное большое доверие советских лексикографов к Ушаковскому словарю иногда перерастает в не критическое к нему отношение, когда немногочисленные опечатки доверчиво воспроизводятся в последующих словарях, создавая так называемые призрачные слова, как это произошло с редким акцентологическим вариантом *жёлнер* названия польского солдата *жолнёр*, которые «Толковый словарь» подал как равноправные, но в словарной статье над вторым словом отсутствовал знак ударения:

«**ЖОЛНЁР** и **ЖОЛНЕР**, а, м. [польск. *żołnierz*] Солдат-пехотинец в польской армии. *При помощи жолнеров самозванец пытался овладеть Москвой*» (I, 876). В части тиража опечатка была замечена, однако вместо знака ударения во втором варианте появились две точки над ё, что породило ошибочную форму *жолнёр*, попавшую как призрачный вариант в академический семнадцатитомный «Словарь современного русского литературного языка»:

«**ЖОЛНЁР**, а, м. 1. Польский ратник, солдат-пехотинец. [Вишневецкий:] *Слушись еще подобная тревога, Я жёлнерам стрелять велю.* А.Остр. Дм. Самозванец. *Навстречу красноармейцу, по своей сторожевой тропинке, движется польский жолнер.* Н.Остр. Как закал. сталь. 2. То же, что жалонер. *Потом сам отправился выбирать позицию для привала, осматривал ее, дождался жолнеров, расставлял их, встречал дивизию, размещал полки.* Голуб. Багратион. *Новобранцы строились у жолнеров с цветными флажками на штыках и под музыку уходили в ворота.* Рылов. Воспоминания. — С иным удар.: *жёлнер* (пример см. выше). — Даль, Слов.: *жолнер*: Слов. Акад. 1898: *жолнёр*; Ушак. Толк.слов. 1934: *жолнёр* и *жолнёр* — польск. *żołnierz*» (IV, 181).

С некоторым запозданием один из составителей Ушаковского словаря акад. В.В. Виноградов частично исправил в 1956 г. уже вторичную ошибку академического семнадцатитомника, не затрагивая первоисточника ошибки:

«В слове *жолнер* утверждается ударение последнего слога (*жолнёр*). Между тем само определение первого значения («польский ратник») и пример из «Дмитрия Самозванца» А.Н.Островского (*Случись еще подобная тревога, Я жолнерам стрелять велю*) показывают, что нормой дал употребления слова *жолнер* (первом значении) должна быть форма *жолнер*. Так называемое второе значение, связанное с формой *жолнёр* <?>, является результатом контаминации со словом *жалонёр* <«солдат, поставленный для указания линии, по которой должна строиться воинская часть». — И.Д.> (франц. *jalonneur*) (т. IV, с. 181). Таким образом, в данном случае мы имеем дело с историческим взаимодействием разных, хотя и близких по звучанию слов, с взаимодействием, приведшим к своеобразной омонимии <в современной лексикологии она получила название паронимы. — И.Д.>, а затем, по-видимому, и к частичному слиянию омонимов. В Академическом словаре антиисторизм в подходе к словарному материалу сказался в резком искажении семантической перспективы» (Виноградов, 1956: 254).

Однако исправление ошибки оказалось запоздалым: ошибочная форма *жолнёр* в качестве единственно верной или параллельной к *жолнёр* (без учета отстаиваемой В.В.Виноградовым формы *жолнер*) проникла в академические, орфографические, орфоэпические, словообразовательные и т.п. словари и даже в академический «Сводный словарь современной <!> русской лексики» (т. 1. М., 1991, С. 326).

Аналогичным образом опечатка в реестровом слове *фанфаронада* «выходка, поведение фанфарона» при ненужной попытке точно передать орфографию французского *fanfaronnade* в виде вариативного написания *фанфарон(и)áда* (IV, 1039: вместо *фанфаронáда* и *фанфаронна́да*) привело к появлению рядом с реальным галлицизмом русских текстов *фанфаронáда* призрачного слова *фанфаронии́да* в академической лексикографии и в доверчивом гнездо-«Словообразовательном словаре русского языка» А.Н.Тихонова (М., 1985, т. II, с. 303, 839) как факта русского словообразования.

Есть у «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д.Н.Ушакова и прямой потомок — однотомный «Словарь русского языка» С.И. Ожегова — верного ученика Дмитрия Николаевича. Этот сло-

варь начинал составляться еще в конце 30-х годов XX в. под руководством Д.Н. Ушакова на базе четырехтомного Ушаковского словаря. Кроме С.И.Ожегова в его составлении принимали участие Г.О. Винокур и В.А.Петросян, что и было отмечено в первом издании словаря, вышедшего в 1949 г. под редакцией академика С.П. Обнорского.

Бывший политический рецензент однотомника Н.Ю. Шведова (см. Советская книга, 1949, № 9, с. 93–99), осуществлявшая после смерти С.И. Ожегова редактирование словаря, начала дополнять его не только новыми словами, но и материалами из «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова, которые С.И.Ожегов не считал возможным по кардинальным соображениям включить в однотомный словарь. Благодаря этому обстоятельству она сумела стать соавтором покойного лексикографа и сочла нужным вернуть однотомнику исходное название «Толковый словарь русского языка».

Получилось так, что «Словарь русского языка» С.И. Ожегова усилиями нового соавтора был уничтожен как особый тип краткого словаря и в новой редакции приобрел облик однотомной компрессии для четырехтомных словарей, в которой обстоятельность толкований заменена скороговоркой, а подлинные цитаты — косноязычными составительскими речениями, причем много слов типа *обскурантка*, *педантка*, допустимых для словообразовательной системы, но не подкрепленных реальным употреблением, как и столь же сомнительные *обскурантесса*, *педантесса*, но не попавшие в словарь; такие слова служат исключительно для увеличения количества слов в словаре. Такой недостаток словарю Д.Н. Ушакова был присущ гораздо в меньшей степени.

Круг замкнулся...

Потомок словаря Д.Н.Ушакова — «Словарь русского языка» С.И.Ожегова — уступил место более компактным словарям, подобным «Учебному толковому словарю русского языка» В.Быкова, К.Быковой, И. Гартунга и С.Иванова (Берлин, 1996, 469 с.), став при соавторстве Н.Ю. Шведовой лапидарным аналогом бессмертного «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова.

В 1936 г. Дмитрий Николаевич стал доктором лингвистических наук, а в 1939 г. был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР.

Не случайно ученики Д.Н.Ушакова, сосредоточившиеся на кафедре русского языка Московского городского педагогического института имени В.П. Потемкина (впоследствии кафедре общего языкознания

Московского государственного педагогического института имени В.И. Ленина и Московского педагогического государственного университета), образовали ядро Московской фонологической школы, adeпты которой едва ли справедливо считали Д.Н. Ушакова «стихийным фонологом».

Школу Д.Н. Ушакова прошли многие лингвисты, в том числе Р.И. Аванесов (1902–1982), С.Б. Бернштейн (1911–1997), Г.О. Винокур (1896–1947), С.С. Высотский (1907–1986), И.Г. Голанов (1890–1967), А.М. Земский (1892–1946), С.Е. Крючков (1897–1969), П.С. Кузнецов (1899–1968), А.А. Реформатский (1900–1977), М.В. Светлаев (1898–1959), В.Н. Сидоров (1913–1968), А.Б. Шапиро (1890–1966), Р.О. Якобсон (1896–1982), Н.Ф. Яковлев (1892–1974).

Литература

- Виноградов В.В.* Толковые словари русского языка // Язык газеты. – М.; Л., 1941. – С. 353–395 (Цит. по переизд. в кн.: *Виноградов В.В.* Избранные труды: Лексикология и лексикография. М., 1977. – С. 209–242).
- Виноградов В.В.* О некоторых вопросах теории русской лексикографии // Вопр. языкознания. – М., 1956. – № 5. – С. 80–94. (Цит. по переизд. в кн.: *Виноградов В.В.* Избранные труды: Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 243–264).
- Казимирский К., Антекаръ М.* Игруны: Толковый словарь русского языка // Лит. газ. – М., 1935 г. 20 окт. – № 58 (549). – С. 4.
- Купина Н.А.* Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. – Екатеринбург; Пермь, 1995. – 143 с.
- Ожегов С.И.* Лексикология. Лексикография. Культура речи. – М., 1974 – 352 с.
- Словарь и культура русской речи: К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. – М., 2001, – 560 с.
- Фортуатов Ф.Ф.* Избранные труды. – М., 1956. – Т. I. – 450 с.

Основные работы Д.Н. Ушакова

- Ушаков Д.Н.* Материалы по народным верованиям великорусов // Этнографическое обозрение, XXIX–XX. – М., 1896. – № 2/3. – С. 146–204. (Перепечатано частично в кн.: Даль В.И. О повериях, суевериях и предрассудках русского народа. – СПб., 1996. – С. 206–234).
- Ушаков Д.Н.* Введение в языковедение. – М., 1908–1909. – Вып. 1 – с. 47–91; 2-е изд. 1909–1910. – С. 47–92; 3-е изд. 1912. – 93 с.

Ушаков Д.Н. Краткое введение в науку о языке. – М., 1913. – 118 с.; ... 9-е изд. 1929. – 151 с.

Ушаков Д.Н. Русское правописание: Очерк его происхождения, отношения его к языку и вопрос о его реформе. – М., 1911. – 102 с.; 2-е изд. 1917. – 116 с.

Дурново Н.Н., Соколов Н.Н., Ушаков Д.Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением Очерка русской диалектологии // Рус. филол. вестн. – Варшава, 1915. – Т. 14, вып. 2. – № 4. – С. 211–314; То же: // Тр. Моск. диалектол. комиссии. – М., 1915. – Вып. 9. – 6, 132 с.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Ушакова Д.Н. – М., 1934–1940. – Т. 1–4; Т. 1: А – Кюрины. – XXVI, 1568 стб.; Т. 2: Л – Ояловеть. – 1044 стб.; Т. 3: П – Ряшка. – 1428 стб.; Т. 4: С – Ящурный. – 1504 стб.

Ушаков Д.Н. Русский язык. – М., 1995. – 320 с.

Библиографию работ Д.Н. Ушакова (1896–1995) см.: Труды ученых филологического факультета Московского университета по славянскому языкознанию: Библиогр. указ. / Под ред. Бернштейна С.Б., Нересовой Э.А. – М., 1960–1979. – Т. 1–3, Т.1: 1917–1957. – С. 272–292; Т. 2: 1958–1967. – С. 294–295; Т. 3: 1968–1975. – С. 305.

Основные работы о Д.Н.Ушакове '

Аванесов Р.И., Винокур Г.О., Кузнецов П.С. и др. Дмитрий Николаевич Ушаков // Рус. яз. в шк. – М., 194 I. – № 3. – С. 92–93.

Аванесов Р.И. О моих учителях А.М. Селищеве и Д.Н. Ушакове // Аванесов Р.И. Русская литературная и диалектная фонетика. – М., 1974. – С. 9–16.

Аванесов Р.И. Д.Н. Ушаков: (К 100-летию со дня рожд.) // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. – М.; 1973. – Т. 32, вып. 2. – С. 201–204.

Аванесов Р.И. Д.Н. Ушаков // Рус. речь. – М., 1973. – № 3. – С. 57–59.

Бернштейн С.Б. Дмитрий Николаевич Ушаков: (Страницы воспоминаний) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. филология. – М., 1973. – № 1. – С. 78–85.

Гельгардт Р.Р. К критике лингвистической концепции проф. Д.Н. Ушакова // Учен. зап. Перм. пед. ин-та. – Молотов, 1945. – Вып. 2. – С. 49–86.

Горшкова К.В. Вопросы орфоэпии в работах Д.Н. Ушакова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. филология. – М., 1973. – № I. – С. 86–90.

Истрина Е.С. Дмитрий Николаевич Ушаков // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. – М., 1945. – Т. 4, вып. 6. – С. 251–253.

Ожегов С.И. 30-летие со дня начала работы над словарем Д.Н. Ушакова // Словарь и культура. – М, 2001. – С. 453–458.

- Ожегов С.И.* Памяти Д.Н. Ушакова: 10 лет со дня смерти // Словарь и культура. – М., 2001. – С. 448–452.
- Петерсон М.Н.* Фортунатов и московская лингвистическая школа // Учен. зап. Моск. унта. – М., 1946. – Т. 3, вып. 2. – С. 25–35.
- Реформатский А.А.* Из истории нормализации русского литературного произношения: К 90-летию со дня рожд. Д.Н. Ушакова. (1673–1942) // Вопросы культуры речи. – М., 1964. – Вып. 5. – С. 5–7.
- Булахов М.Г.* Ушаков Дмитрий Николаевич // Булахов М.Г. Восточнославянские языковеды: Библиогр. словарь. – Минск, 1977. – Т. 3: Л–Я. – С. 244–250.
- Добродомов И.Г.* Дмитрий Николаевич Ушаков (К 130-летию со дня рождения). – Рус. яз. в школе. – 2003. – С. 94–97.

Ф.М.Березин

ФЕДОТ ПЕТРОВИЧ ФИЛИН

Федот Петрович Филин (7.03.1908 – 5.05.1982) – выдающийся ученый-русист с необычайно широким и многосторонним кругом творческих интересов. Общеизвестно, что он является прежде всего историком русского языка и диалектологии, вместе с тем ему не чужды были вопросы социальной лингвистики и проблемы этногенеза славян, исторической лексикологии и лексикографии, культуры речи и языка художественной литературы.

Федот Петрович Филин родился 7 марта 1908 г., в деревне Селино Дубенского района Тульской области в семье крестьянина. Его общественная деятельность началась с середины 20-х годов, когда он начинает работать селькором тульских газет, возглавляет комсомольскую организацию в одном из сел Тульской области. Окончив Тульский педагогический техникум в 1928 г., он поступает на литературно-лингвистическое отделение педагогического факультета 2-го Московского государственного университета (с 1930 г. – Московский государственный педагогический институт), которое он окончил в 1931 г. Федот Петрович вспоминает об этом времени: “Мне пришлось учиться прежде всего на этом отделении у Н.М.Каринского, ученика академика А.И.Соболевского, у профессора М.Н.Петерсона. У первого я познавал начатки истории русского языка и диалектологии и сравнительного славянского исторического языкознания. Второму, Михаилу Николаевичу Петерсону, я чрезвычайно признателен тем, что он своим строгим методом и тренировкой обучил меня владеть фонетической транскрипцией, что потом, в дальнейшем, очень пригодилось” (Филин, 1988:72). В 1931–1936 гг. он учился в аспирантуре Яфетического института АН СССР (с 1932 г. – Институт языка и мышления АН СССР) по специальности “русский язык” и “общее языкознание”. С этим поступлением был связан переезд Федота Петровича из Москвы в Ленинград. В аспирантуру он поступил по рекомендации академика Н.Я.Марра (1864–1934),

который был его научным руководителем по общему языкознанию, а руководителем по русскому языку был академик С.П.Обнорский (1888—1962). Вспоминая свой путь в науку, Федот Петрович говорил в 1975 г., что воздействие идей Марра на молодежь и на многих немолодых тогда людей было очень значительным, ибо Марр пытался дать общую картину развития языков мира, начиная от самого становления человеческого общества до нашего времени. Увлеченность молодого Федота Петровича идеями Марра была настолько велика, что это дало основание В.М.Алпатову назвать Федота Петровича “ортодоксом марризма” (Алпатов, 1991:118). Впрочем, в дальнейшем в своей научно-исследовательской практике Федот Петрович отошел от ортодоксальных марровских идей.

В начале 30-х годов начинается самостоятельная творческая работа Федора Петровича Филина. В 1935 г. он защищает кандидатскую диссертацию на тему “Исследование о лексике русских говоров. По материалам сельскохозяйственной терминологии”, которая в 1936 г. вышла отдельной книгой.

Затем он работает в должности старшего научного сотрудника Института языка и мышления и параллельно доцентом Ленинградского педагогического института им. А.И.Герцена.

С первых дней Великой Отечественной войны Федот Петрович добровольцем ушел на фронт и по март 1946 г. был на фронте политработником. Его боевые заслуги в годы войны были отмечены боевыми орденами и медалями. После защиты в начале 1947 г. докторской диссертации на тему “Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи”, опубликованной в 1949 г. в виде отдельной монографии, Федот Петрович начал работать заместителем директора Института русского языка АН СССР (директор института академик С.П.Обнорский в то время был серьезно болен, и поэтому основная работа по руководству Институтом фактически лежала на его заместителе). В этой должности Федот Петрович проработал до 1 июля 1950 г. В декабре 1949 г. он был назначен ученым секретарем Президиума АН СССР и оставался в этой должности до 1 июля 1950 г. После известной дискуссии 1950 г. Филину пришлось на некоторое время забыть о карьере, и первые годы запрещалось даже ссылаться на его работы, а через два года после разгрома марризма Филин вместе с А.В.Десницкой подвергся новой и еще более жесткой проработке: говорят, что в последние месяцы жизни

Сталина каждую ночь Филин ждал ареста (Алпатов, 1991:195). Но с середины 50-х годов его карьера активно пошла вверх.

С 1954 г. Федот Петрович Филин был назначен заведующим Словарным сектором ленинградского отделения Института языкознания АН СССР, председателем редколлегии (с шестого тома) семнадцатитомного “Словаря современного русского литературного языка”, удостоенного в 1970 г. Ленинской премии. Этого высокого звания Федот Петрович был удостоен как один из ведущих организаторов и руководителей работы наряду с А.М.Бабкиным, С.Г.Бархударовым, С.П.Обнорским, Е.С.Истриной (1883–1957) и В.И. Чернышевым (1867–1949).

60–70-е годы – это период широкого общественного признания научных заслуг Федота Петровича Филина и его наиболее высокого творческого подъема.

В июне 1962 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР. С 1964 по 1968 г. Федот Петрович возглавляет Институт языкознания АН СССР, затем назначается директором Института русского языка АН СССР (с 1968 по 1982). Являясь членом Бюро ОЛЯ АН СССР, он в течение нескольких лет выполняет обязанности заместителя академика-секретаря Отделения. Его назначают председателем экспертной комиссии по языкознанию Министерства высшего и среднего специального образования СССР (1965–1970), а позже председателем экспертного совета по филологии и искусствознанию ВАК при Совете Министров СССР. Он становится членом Пленума по Ленинским и Государственным премиям в области науки и техники при Совете Министров СССР. Наконец, с 1971 г. Федот Петрович возглавлял ведущий лингвистический журнал “Вопросы языкознания” вплоть до конца жизни.

За многолетнюю, творческую работу он был награжден орденами и медалями СССР. Его научная деятельность получила международное признание: в 1976 г. он был избран почетным доктором Ягеллонского университета в Кракове (Польша), а в 1977 г. Федот Петрович был избран почетным доктором Хельсинкского университета (Финляндия). Перу Федота Петровича принадлежит около 400 научных работ (среди которых девять монографий).

Вышедшая в 1936 г. монография Федота Петровича “Исследование о лексике русских говоров. По материалам сельскохозяйственной терминологии” сразу привлекла внимание лингвистов. “Эта книга, от-

крывшая новый этап в изучении народных говоров, представляла собой первый опыт системного исследования цельной тематической группы диалектной лексики” (Сороколетов, Белозерцев, 1978:12). Если раньше внимание обращалось на исследование фонетических и морфологических особенностей говоров, то здесь уже проявляется стремление Федота Петровича на основе диалектной лексики решать вопросы истории языка и истории народа, разрабатывать планы создания русской исторической лексикологии — темы, которая будет занимать значительное место в его дальнейших исследованиях. Много лет спустя Федот Петрович говорил: “Без должного учета лексики местных диалектов историческая лексикология как полноценная научная дисциплина вообще не может существовать” (Филин, 1963:320).

Уже после смерти автора в 1984 г. вышла обобщающая работа Ф.П. Филина “Историческая лексикология русского языка”, в которой он определяет задачи исторической лексикологии. Историческая лексикология, пишет Федот Петрович — дисциплина многоаспектная. Ее цель — показать, каковы были истоки словарного состава языка во всем его объеме еще в дописьменную эпоху, какими были инновации лексики этого языка после его обособления от других родственных языков, каким было его диалектное членение, какие процессы происходили в лексике и лексической семантике после возникновения и развития письменности. Ученые должны знать причины сложения каждого слова, время его возникновения, изменение его значений и оттенков значений, их связей со значениями других слов. На вопрос, возможно ли выполнение такой грандиозной задачи, Федот Петрович дает пока отрицательный ответ, хотя необходимо делать попытки наметить пути развития словарного состава языка хотя бы в общем, приблизительном виде. Для решения этого вопроса автор предлагает исходить из наследия, которое осталось древнерусскому языку от языка праславянского, а для этого нужна реконструкция праславянского словарного состава. И главным методом такой реконструкции Федот Петрович Филин считает этимологию в сочетании с лингвистической палеографией.

В “Исторической лексикологии русского языка” Ф.П. Филин раскрывает свое понимание термина “праславянский язык”, считая этот термин удобным, но условным. Праславянского народа или народности, считает автор, не было, а было этническое сообщество праславянских племен, объединенное общностью происхождения и близостью племенных диалектов. Праславянского языка не существовало: на нем никто не

говорил, а говорили на диалектах. “Ф.П.Филин применил в русской исторической диалектологии идею сложности праславянского лексического состава, понятие праславянского лексического диалектизма” (Иванов, Трубачев, 1982:5).

В работе “Образование языка восточных славян” (1962) Ф.П.Филин пишет: “Сравнительно-историческое языкознание установило, что первичный славянский язык выделился из группы древнейших близкородственных индоевропейских диалектов” (Филин, 1962:77). Этот язык Ф.П.Филин называет общеславянским (праславянским), который очень рано начал дробиться на диалекты. Исследуя праславянскую лексику, связанную с обозначением животных, растений, топонимических названий, Ф.П.Филин применяет метод лингвистической палеографии с целью установить территорию и относительную хронологию развития праславянского языка. Он пишет: “Если удастся установить географическую картину распространения языков, так или иначе связанных с праславянским, и изменения этой картины со времени существования праславянского языка, то тем самым будет определена прародина славян, границы которой несомненно не были стабильными” (Филин, 1962:77–78).

Основываясь на анализе названий лесов, озер, болот, рек, речек в общеславянском языке, Федор Петрович приходит к отрицанию вислодерской и некоторых других гипотез происхождения славян. Он полагает, что родина праславян во второй половине I тысячелетия до н.э. — в начале н.э. находилась в лесной полосе, расположенной между средним течением Днепра и Западным Бугом, южнее Припяти и севернее причерноморских степей (Филин, 1972:17). В истории праславянского языка Федот Петрович выделяет три этапа: 1) ранний этап — от времени образования общеславянского языка до конца I тысячелетия до н.э., 2) средний этап — с конца I тысячелетия до н.э. до III–IV в. н.э., 3) последний этап — V–VII в. н.э. Ф.П.Филин считает, что древний праславянский язык распадался на ряд племенных диалектов. Общеславянские реконструируемые явления возникали в эпоху распада родового общества и расселения славян на обширных территориях. Все предшествующие деления праславянского языка на диалекты, изложенные в работах А.А.Шахматова (1864–1920), Тадеуша Лер-Сплавинского (1891–1965), Н.С.Трубецкого (1890–1938) и других ученых, обладают, по мнению Федота Петровича Филина, двумя недостатками: 1) они опираются лишь на немногие признаки фонетических различий, вовсе не

исчерпывающие диалектного разнообразия, и 2) исходят из наличия праязыка, что предполагает наличие диалектов или диалектных групп с более или менее четкими границами между ними. На самом деле, таких монолитных диалектных групп не существовало. Существовал единый язык восточнославянской народности, который в разных местах имел диалектные своеобразия. В эпоху восточнославянских племен не было еще зачатков русского, украинского и белорусского языков, поэтому нет оснований говорить о членении восточнославянского языка на два или три четко противопоставленных диалектных массива.

Историю восточнославянских диалектных явлений, прежде всего явлений древних, предшествующих и сопутствующих образованию русского, украинского и белорусского языков, Ф.П.Филин исследует в книге “Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк” (1972), являющейся продолжением книги “Образование языка восточных славян” (1962). Автор еще раз подчеркивает, что общеславянский язык с самого начала своего существования состоял из близкородственных диалектов или диалектных зон, состав и отношения между которыми постоянно менялись. Начало развития обще-славянского языка и истории его носителей не поддается определению. В то же время Ф.П.Филин отмечает, что уже во второй половине I тысячелетия до н.э. общеславянский язык имел схождения с древнебалтийскими диалектами и ошутительные связи с североиранскими языками. Праславянской археологической культуры как таковой не существовало. В первые века н.э. древняя славянская территория значительно расширяется, а сам общеславянский язык представлял из себя систему близкородственных диалектов, вероятно, соответствовавших древним племенам и племенным группировкам. Восстановить древнейшее диалектное членение общеславянского языка Ф.П.Филин считает невозможным. Общеславянский язык существовал много столетий, в течение которых не оставался неизменным. В VI–VII вв. н.э. славянские племена расселились на огромных территориях от Ильменя на севере до Греции на юге, от Оки на востоке до Эльбы на западе. В VII–IX вв. некоторые изменения фонетической системы, грамматические инновации, сдвиги в области лексики образовали особую зону на востоке славянского мира. Эта зона и составила язык восточных славян или древнерусский язык, унаследовавший от общеславянского языка фонетическую, грамматическую и лексическую основу. “Восточнославянский (древнерусский) язык первоначально был бесписьменным языком, представлявшим

собой ряд близкородственных диалектов... На базе древних диалектных зон восточнославянского языка, постоянно видоизменявшихся, впоследствии складываются современные восточнославянские языки: русский, украинский и белорусский” (Филин, 1972:30).

Переходя к своей излюбленной теме — исторической диалектологии, Ф.П.Филин говорит, что предметом древнерусской (как и любой другой) диалектологии является установление существовавших диалектных особенностей, их употребления, ареалов и дальнейшей судьбы. Главное внимание в книге и уделяется обнаружению диалектных языковых явлений, доставшихся восточнославянскому (древнерусскому) языку от древней общеславянской эпохи и возникших в самом этом языке в различные эпохи. Ф.П.Филин подробно и скрупулезно анализирует фонетические диалектизмы древнерусского языка, диалектные явления в морфологии и лексике. Если фонетические явления можно разделить на несколько групп: 1) древнейшие, возникшие до образования восточных славян, 2) древние, появившиеся после формирования языка восточных славян, и 3) поздние, то древнерусский язык имел единую морфологическую основу, которая в разных местностях реализовывалась не во всем одинаково. Что же касается лексики, то лексико-семантические своеобразия каждого из восточнославянских языков исчисляются многими сотнями тысяч. Прежнее же мнение о чуть ли не полной лексической монолитности древнерусского языка является безнадежно устаревшим.

“В нашем языкознании до сих пор не было работы, в которой вопросы происхождения, формирования и развития восточно-славянских языков были бы освещены с такой широтой и обстоятельностью” (Сороколетов, Белозерцев, 1978:24).

Изложенные выше теоретические положения нашли дальнейшую теоретическую разработку и углубленное развитие в другой работе Ф.П.Филина “Историческая лексикология русского языка” (1984), вышедшей уже после смерти автора незначительным, к сожалению, тиражом и потому малодоступной широкому кругу специалистов. В этой книге Федот Петрович еще раз уточняет свое понимание “праславянского языка”, считая этот термин понятием удобным, но условным. “Не было праславянского языка или народности, а было этническое сообщество праславянских племен, объединенное общностью происхождения и близостью племенных диалектов. Поскольку язык или диалект не только системно-структурная, но и коммуникативная единица, праславяне говорили на близкородственных диалектах, каждый из которых и был ре-

альной коммуникативной единицей, а праславянского языка (в современном понимании термина “язык”) не существовало: на нем никто не говорил, а говорили на диалектах” (Филин, 1984:30). С возникновением первичных государственных образований, с разрушением родового строя происходит и распад праславянского этноязыкового единства. Когда это произошло? Основываясь на данных “Этимологического словаря славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–7” (1974–1980), Ф.П.Филин приурочивает этот распад к VI–VII вв. н.э. Что же унаследовал язык восточнославянской народности из этой праславянской лексики? По мнению Федота Петровича, в этот язык вошли все общеславянские слова, слова только восточнославянские и слова, общие с южно-славянскими и западнославянскими языками. После VI–VII вв. н.э. положение меняется. Наблюдается серьезное расхождение между раннеславянскими народностями в лексике и лексической семантике. “После распада праславянской общности образовались родственные, но самостоятельные и неповторимые языки, а не диалекты одного языка, вроде современных” (Филин, 1984:44).

В X в. в Древнюю Русь был перенесен письменный старославянский язык, возникший на древнеболгарской основе. В это время у восточных славян уже существовал свой особый бесписьменный язык со сложным диалектным членением.

И отношения между старославянским и древнерусским языками были близкородственными, но различия между ними были не междиалектными, а, как полагает Ф.П.Филин, межъязыковыми. “В Древней Руси столкнулись два самостоятельных близкородственных языка. Результатом этого события огромного исторического значения было образование нового старославянского языка, обычно называемого древнецерковнославянским (старославянским), и собственно древнерусского письменного языка” (Филин, 1984:45).

Автор восстанавливает лексику этого древнерусского языка путем реконструкции около 170 лексико-семантических диалектизмов древнерусской эпохи, прибегая к методу этимологизации.

В предшествующей работе “Истоки и судьбы русского литературного языка” (1981) Ф.П.Филин отмечает, что в Древней Руси кроме церковнославянского был и другой письменный язык — язык юридических и административных документов, так называемый “деловой язык”. “Существование двух различных письменных языков — самая оригинальная черта языкового развития в России. Ничего подобного на Запа-

де не было. Но это было только до XVIII в. В XVIII в. русский деловой язык прекратил свое существование. Он был поглощен церковнославянским литературным языком” (Филин, 1981:18).

В XIII–XIV вв. в результате распада древнерусского языка стали складываться близкородственные, но самостоятельные языки великорусской, украинской и белорусской народностей.

Если XVII век – начало сложения русской нации, то в XVII в. она уже существовала, и в XVIII в. закладываются начала современного русского литературного языка. В третьей главе книги “Истоки и судьбы русского литературного языка” “Что такое литературный язык” Ф.П.Филин подробно характеризует общие свойства и особенности литературных языков. Он не дает определения литературного языка как такового, отмечая только, что литературный язык возникает вместе с классовым обществом и указывает на сходство и различия между литературными языками донациональной и национальной эпох. Общими для литературных языков этих периодов он считает наличие письменности, известную обработанность литературного языка, его наддиалектность и функционирование в качестве средства цивилизации. Отличает литературные языки донациональной эпохи от национальных литературных языков то, что донациональные литературные языки не составляли единой системы с разговорной речью, не обслуживали всех нужд общества, допускали существование диалектизмов.

Ф.П.Филин не определяет понятия донационального и национального литературных языков. Он склоняется к той точке зрения, согласно которой, если сфера употребления литературного языка в национальный период расширяется и он начинает играть ведущую роль в системе национального языка, то его можно назвать национальным литературным языком. Ф.П.Филин расширяет набор тех дифференциальных признаков, которые являются обязательными для литературного языка. К таким признакам, как нормированность, общеобязательность, стилистическая дифференцированность, поливалентность (обслуживание всех сфер общения), он добавляет признаки стабильности, благодаря чему нормы литературного языка сохраняются в течение длительного времени, и наличия устной и письменной разновидностей литературного языка. Причем эти признаки характерны не только для современного русского литературного языка, но и для большинства других национальных литературных языков. Это замечание существенно, поскольку эти признаки являются не постоянными, а скорее переменными, так как разли-

чия в функционировании литературных языков зависят от конкретно-исторической ситуации в той или иной стране. Завершая свою книгу, Ф.П.Филин пишет: “Главным видом проявления языка в наше время является общепринятый нормированный литературный язык, которым мы пользуемся во всех сферах нашей жизни. Нормы современного русского литературного языка гибки и подвижны, но устойчивы в данный отрезок времени и общеобязательны, причем устойчивость является их главной, ведущей особенностью. Если бы господствовали подвижность, изменчивость, языку угрожал бы распад, хаос, во всяком случае диалектное дробление” (Филин, 1981:311). “Этот труд (книга “Истоки и судьбы русского литературного языка”. — Ф.Б.) с полным основанием можно назвать своеобразной энциклопедией истории русского литературного языка. В нем с поразительной силой раскрылись и исследовательский талант ученого, и полемический дух, и глубокая, искренняя любовь к родному языку, и яркость его неповторимой стилистической манеры” (Горбачевич, 1983:88).

Перешагнув 70 лет, Федот Петрович говорил близким сотрудникам, делясь сокровенными желаниями: “Я еще хочу написать книгу о русском литературном языке и книгу по теории языкознания”. Именно так и обещал — не три, не четыре и не цикл исследований, а две эти книги — и ушел от нас человеком слова, выполнив обещанное. Это книги “Истоки и судьбы русского литературного языка” и “Очерки по теории языкознания” (1982).

Федот Петрович Филин был ученым с широким научным кругозором. Будучи прежде всего историком и диалектологом русского языка, он занимался и теоретическими вопросами языкознания. “Интерес к теории языкознания в разной степени свойствен любому лингвисту. У меня лично этот интерес пробудился еще в студенческие годы. Работая уже более полувека в области русистики и славистики, я постоянно задумывался над природой языка, его общих и частных свойств, и пытался ответить на многие волновавшие меня вопросы... Кажется, теперь пришла пора подвести некоторые итоги. Так появилась мысль подготовить настоящую книгу” (Филин, 1982:16), в которой излагаются некоторые общелингвистические взгляды ученого.

Прежде всего Ф.П.Филин уточняет предмет языкознания как науки. Он говорит, что “предмет языкознания шире, чем описание устройства самого языка, в него входят как его органическая часть общественные функции языка и воздействие общества на язык, как и воздействие

языка на общество” (Филин, 1982:27). Языкознание принадлежит к тем научным дисциплинам, которые всегда связаны с философией, ибо, как и философия, языкознание нередко используется в мировоззренческих целях. “Когда речь заходит об общей концепции языкознания, вступает в силу его зависимость от философии” (Филин, 1982:55). “Обращение к общему языкознанию... необходимый итог деятельности Филина-исследователя... Покойный ученый был во многом прав, отстаивая и рекомендуя путь в общую теорию языка через обязательный этап исследовательской работы с конкретным языковым материалом” (Иванов, Трубачев, 1982:6).

Центральным вопросом языкознания всегда был и остается вопрос, как “устроен” язык, и вечным вопросом является проблема взаимоотношения языка и мышления.

Язык, неустанно подчеркивает Ф.П.Филин, это особого рода система, присущая только человеческому языку, и основополагающим принципом современной лингвистики считается *системный* подход к языку. “Не надо отождествлять категории “язык” и “система”, – предупреждает Ф.П.Филин (Филин, 1981:10). Понятие “языковая система” в лингвистике всегда существовало, оно только менялось. Ф.П.Филин соглашается с утверждением, что язык – не замкнутая, а открытая система, т.е. в ней всегда что-то убывает, а что-то прибавляется. Все это указывает на какие-то изменения, а сами изменения остаются нераскрытыми. В самом языке всегда заложены разные потенции, которые одновременно могут реализовываться и вступать в противоречия друг с другом. “В системе языка присутствует антисистема” (Филин, 1982:88) благодаря наличию в ней противоречий. Языковые противоречия Ф.П.Филин делит на внешние и внутренние. Внешние противоречия обусловлены воздействием языковых и диалектных систем, за которыми стоят изменения общественного характера. В качестве примера внешнего противоречия он приводит языковую ситуацию Древней Руси, когда старославянский язык церковных книг вступил в противоречие с близкородственным древнерусским языком. В первых переписанных на Руси памятниках обнаруживаются отступления от норм старославянского языка под влиянием живой восточнославянской речи. В ходе исторического развития русского языка было преодолено внутреннее противоречие между развитой системой прошедших времен (аорист, имперфект, перфект, плюсквамперфект) и формой настоящего – будущего времени за счет появления системы глагольных видов. Противоречия возникают

на всех уровнях языка на базе столкновения различных норм внутри отдельного языка. Понятие нормы, по мнению Ф.П.Филина, теснейшим образом связано с понятием системы языка, реально существующей в данный момент ее развития. “Язык представляет собой сложную систему, в которой слова цементируются грамматическими и лексико-семантическими отношениями, без чего немислимы связная речь, общение между людьми, познание и перестройка мира — неперемное условие существования человеческого мира” (Филин, 1982:218).

В целом Ф.П.Филин понимает систему языка как комплекс органически связанных между собой компонентов (языковой субстанции и языковых связей), а структуру языка — как сами связи между компонентами. Равновесие и устойчивость системы всегда относительны. Система языка исторически изменчива. Она возникает, развивается и затем постепенно превращается в иную систему. Понять систему языка можно только с учетом ее исторического развития, и единственным методом объяснения системы Ф.П.Филин считает исторический. Языковая система относительно самостоятельна: она существует не автономно, а испытывает на себе влияние социологических, психологических, физиологических и иных обстоятельств. Язык, по его мнению, — система, полная противоречий. В ней одновременно существует и отмирающее, и нарождающееся, т.е. действующие в противоположных направлениях тенденции. Ф.П.Филин не устает подчеркивать, что равновесие и устойчивость системы всегда относительны. Система возникает, развивается и затем постепенно переходит в другое состояние, превращается в другую систему. Вне истории, вне времени и пространства систем не бывает.

Затрагивает Ф.П.Филин вопрос о том, что же такое прогресс языка. “Прогресс языка, — пишет он, — заключается в возможностях выражать все достижения человеческой мысли, огромные успехи которой неоспоримы. Это главное. Формы выражения в каждом языке специфичны, но это не такая специфика, которая отгораживала бы китайской стеной друг от друга народы и нации” (Филин, 1982:13).

В монографии “Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектический очерк” (1972) Ф.П.Филин отстаивает и доказывает важнейший социолингвистический тезис: только языковое единство служит надежным показателем этнической общности. Возвращаясь позднее к проблемам социолингвистики, он разъясняет свое понимание этой области языкознания: “Язык — создание общества, и все в нем общественно. Что же в таком случае нужно понимать под

социолингвистикой?... По-видимому, за ним (этим термином) нужно закрепить два значения: 1) изучение зависимости языка, его структуры от общества, иначе говоря, социальной обусловленности языковых явлений и 2) изучение общественных функций языка, его роли в обществе, воздействия на общество” (Филин, 1982:131).

Одну из важнейших задач советской социолингвистики Ф.П.Филин видел в решении проблемы двуязычия в нашей стране на данном этапе развития.

Что же касается функций языка, то Ф.П.Филин выделял две главные функции языка — 1) как средство сознательного общения между членами языкового коллектива и 2) закрепления в сформировавшейся памяти опыта их деятельности — общественные функции языка, связанные с задачами социолингвистики.

Под общественными функциями языка Ф.П.Филин понимает назначение языка в обществе. Общественные функции языка, по его мнению, и их история очень плохо изучены, наблюдения, относящиеся к этому предмету, разрознены и не обобщены. Сам Ф.П.Филин подчеркивает, что общественные функции языка не являются чем-то внешним относительно его структуры, системных связей, закономерностей его развития; общественные функции языка активно воздействуют на его структуру, во многом определяют направление ее развития. “Изменение общественных функций языка определяется всем ходом развития общества, в том числе и сменой общественных формаций. Структура языка не безразлична для целей общения. Изменение общественных функций влечет за собой и изменение как отдельных элементов языковой структуры, так и постепенно структуры в целом” (Филин, 1982:154). Чем успешнее, полагает он, языкознание разрабатывает проблемы языка, связанные с его общественными функциями и самой его социальной сущностью, тем большим вниманием оно пользуется в обществе.

Высказывая эти соображения о методах изучения общественных функций языка, Ф.П.Филин полагает, что при этом следует шире опираться на общественное мнение, начать более глубокое социолингвистическое изучение языка, исследовать взаимоотношение языка и общества, языка и нации, ибо язык есть первостепенный признак нации. Каждый национальный язык, утверждает Ф.П.Филин, имеет свои пути развития, но в то же время все национальные языки имеют и общие особенности, каковыми являются их устойчивость, наличие литературного языка, затухание диалектной речи.

В лингвистическом наследии Ф.П.Филина особое место занимают его рассуждения о слове, его значении, вариантах слова. Способность связываться между собой самых различных по значению слов он считает универсальным свойством языка — речи. Под лексическим значением слова он понимает “предметное (в широком смысле) содержание слова, соотношенность слова к объективно существующему миру вещей, процессов, явлений. В основе лексического значения лежит понятие, которое, однако, не тождественно значению” (Филин, 1982:230). Между словами и их значениями, по мнению Ф.П.Филина, существуют весьма различные связи, которые в совокупности составляют лексико-семантическую систему языка, систему открытую, подвижную, развивающуюся через преодоление разного рода противоречий.

Весь словарный состав языка Ф.П.Филин делит на группы слов, на “семантические поля”, и совокупность этих групп составляет лексико-семантическую систему языка, лексико-семантические группы слов, сосуществующие с тематическими группами слов. “Общее между тематическими и лексико-семантическими группами слов заключается в том, что и те, и другие группы отражают познанную объективную действительность... Различие между этими типами связей слов определяется тем, что лексико-семантические группы слов представляют собой продукт законов и закономерностей развития лексической семантики языка, тогда как тематические группы слов, само их наличие или отсутствие в каком-либо языке, их состав зависят только от уровня знаний того или другого народа... Отношения между словами в тематических группах строятся только на внешних отношениях между понятиями... Иное дело лексико-семантические группы слов, представляющие собой внутреннее, специфическое явление языка, обусловленное ходом его исторического развития. Яркий пример тому — синонимические разряды слов” (Филин, 1982:233–235).

Различие этих двух групп слов позволяет определить особенности входящих в эти группы слов, их языковую специфику, семантическую производность, возможную сочетаемость. В целом же пропасти между тематическими и лексико-семантическими группами слов нет и не может быть, полагает Ф.П.Филин.

Из лексикологических проблем заслуживают упоминания Ф.П.Филина о вариантах слова. В русском языке нередко одно и то же лексическое значение имеет различное звуковое выражение (*ноль* и *нуль*, *зал* и *зала*). Являются ли подобные слова двумя самостоятельными сло-

вами или вариантами одного и того же слова? Ф.П.Филин считает их *вариантами* и выделяет *фонематические варианты* слова (*калоша* и *галоша*, *матрац* и *матрас*), *акцентоло-гические варианты* слова (*замок* и *замбк*, *мука́* и *му́ка*) и *формально-грамматические варианты* (*продрог* и *продрогнул*, *закаливать* и *закалять*). Иными являются соотношения типа *лиса-лисица*, *обжог-ожог*, поскольку здесь словообразовательные морфемы создают новые лексико-семантические единицы, которые включаются в различные части речи.

Особые варианты слов Ф.П.Филин выделяет в русских говорах, прежде всего варианты фонетические (*увёсь* “весь”, *игорбд*<*ыгород*<*огород*), варианты морфологические (яросл. *орожать* “поражать”, калуж. *аяльник* “болтун”) и варианты, возникшие в результате “народной этимологии” (*грыжовник*<*грызть*, *околодбк* вместо *околоток*<*колода*).

В 50-е годы у Ф.П.Филина назревает необходимость обобщить накопленные материалы по диалектной лексике, и он выступает инициатором создания многотомного “Словаря русских народных говоров”. В 1957 г. он назначается руководителем группы этого словаря, а в 1961 г. выпускает “Проект” Словаря русских народных говоров”, явившийся вкладом в развитие общей теории диалектной лексикологии. И с первого выпуска (1965) вплоть до 18-го выпуска Ф.П.Филин был бессменным главным редактором этого словаря. Теоретические взгляды на проблемы диалектной лексики Ф.П.Филин изложил в статье “Диалектное слово и его границы” (1982). Под диалектным словом он понимает слово, имеющее локальное распространение и в то же время не входящее в словарный состав литературного языка. Решающим признаком принадлежности слова к диалектной лексике является локальная ограниченность его употребления, т.е. наличие у слова изоглоссы в пределах территории, которую занимает язык. От различных пластов лексики литературного языка диалектная лексика отличается рядом особенностей. Прежде всего он различает диалектные слова и разговорно-просторечные слова, которые входят в словарный состав литературного языка. Это лексика общерусского характера.

Диалектизмы Ф.П.Филин подразделяет на лексические (*кволий* “слабый, больной”, *лони(сь)* “в прошлом году”) и семантические, имеющие различия в лексических значениях (*руда* “кровь”, *губы* “грибы”). Четко определив отношения диалектных слов к лексике литературного

языка, Ф.П.Филин установил определенные критерии отбора слов в диалектологический словарь.

Подобно указанным выше вариантам слов в литературном языке, в статье “О лексикализованных фонетико-морфологических вариантах слов в русских говорах” (1982) Ф.П.Филин выделяет в диалектной лексике *варианты фонетические* (ярманга “ярманка”, бладенец “младенец”), варианты морфологические (яроsl. *орожать* “поражать”, калуж. *алясник* “болтун”) и *варианты, возникшие в результате “народной этимологии” и искажений, заимствованных из книжного языка слов* (*грызовник* <грызть, бакет <букет).

В создаваемом под руководством Ф.П.Филина “Словаре русских народных говоров” эти идеи получили полное воплощение.

Ф.П.Филин всегда болел за судьбы родного языка. Почти четверть века назад он резко выступил против засорения его ненужными заимствованиями, прежде всего американизмами. Что же нас заставляет задумываться и бить тревогу, когда речь заходит о вторжении американизмов в современный русский язык, спрашивал он. И отвечал: беспрецедентное их количество, особенно в специальной терминологии, причем намечается тенденция вытеснения ими уже существующих точных русских соответствий. Масса американизмов, с тревогой говорил он, вторгается в русский язык, но мало заметно воздействие русской лексики на английскую. И, наконец, наметившееся у некоторых лиц бездумное лингвистическое подражание всему американскому. Если раньше говорили о французско-нижегородском наречии, то теперь пришла пора говорить об американо-нижегородском слэнге.

Слова эти, сказанные Ф.П.Филиным, борцом за чистоту русского языка, особенно актуально звучат в наше время, когда борьба за культуру русской речи поднимается на общенациональный уровень.

Огромную работу проделал Ф.П.Филин в качестве ответственного редактора различных книг, в том числе и книг автора настоящей статьи. Меня всегда удивляло и восхищало его умение точно указать на тот или иной аспект лингвистических взглядов анализируемого русского лингвиста, пожелание включить в хрестоматию ту или иную работу русского языковеда. Все это свидетельствовало о его глубоком знании истории отечественного языкознания.

“Увлеченность, творчество, преданность науке, неизменная влюбленность в родной язык и его историческое прошлое, постоянные поиски новых путей исследования языка, забота о судьбе науки — таковы наи-

более характерные черты Ф.П.Филина как ученого” (Сороколетов, Белозерцев, 1978:31).

Литература

- Апатов В.М.* История одного мифа: Марр и маризм. — М., 1991. — 240 с.
- Горбачевич К.С.* Федот Петрович Филин: (1908–1982) // Рус. речь. — М., 1983. — №2. — С. 82–89.
- Иванов В.В., Трубачев О.Н.* Федот Петрович Филин: (1908–1982) // Вопр. языкознания. — М., 1982. — № 4. — С. 3–9.
- Сороколетов Ф.П., Белозерцев Г.И.* Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности Ф.П.Филина // Федот Петрович Филин. — М., 1978. — 85 с. — (Биобиблиография ученых СССР).
- Филин Ф.П.* Образование языка восточных славян. — М.; Л., 1962. — 294с.
- Филин Ф.П.* О составлении диалектологических словарей славянских языков // Славянское языкознание: Докл. сов. делегации, 5-й междунар. съезд славистов (София, сент. 1963). — М., 1963. — С.318–346.
- Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков: Ист. диалектол. очерк. — Л., 1972. — 655 с.
- Филин Ф.П.* Истоки и судьбы русского литературного языка. — М., 1981. — 327с.
- Филин Ф.П.* Очерки по теории языкознания. — М., 1982. — 336 с.
- Филин Ф.П.* Историческая лексикология русского языка. — М., 1984. — 175с.
- Филин Ф.П.* Мой путь в науке // Рус. речь. — М., 1988. — № 2. — С. 71–79.

Основные работы Ф.П.Филина

- Филин Ф.П.* Исследование о лексике русских говоров: По материалам с.-х. терминологии. — М.; Л., 1936. — 208 с.
- Филин Ф.П.* Очерк истории русского языка до XIV столетия. — Л., 1940. — 172с.
- Филин Ф.П.* Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи: (По материалам летописей). — Л., 1949. — 288 с.
- Филин Ф.П.* Происхождение и развитие русского языка. — М., 1954. — 47 с.
- Филин Ф.П.* Образование языка восточных славян. — М.; Л., 1962. — 294 с.
- Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков: Историко-диалектол. очерк. — Л., 1972. — 655 с.
- Филин Ф.П.* Истоки и судьбы русского литературного языка. — М., 1981. — 326 с.
- Филин Ф.П.* Очерки по теории языкознания. — М., 1982. — 336 с.
- Филин Ф.П.* Историческая лексикология русского языка. — М., 1984. — 174 с.

Библиографию трудов Ф.П.Филина с 1931 по 1977 см.: Федот Петрович Филин. – М., 1978. – С. 37–64. – (Библиография ученых СССР).

Основные работы о Ф.П.Филине

Балахонова Л.И. Ф.П.Филин: (К шестидесятилетию со дня рождения) // Научн. докл. высш. шк. Филол. науки – М., 1968. – № 2. – С. 131–132.

Горбачевич К.С. Федот Петрович Филин: (1908–1982) // Рус. речь. – М., 1983. – №2. – С. 82–89.

Дерягин В.Я. Проблемы исторической лексикологии русского языка в трудах Ф.П.Филина // Филин Ф.П. Историческая лексикология русского языка. – М., 1984. – С. 3–14.

Иванов В.В., Трубачев О.Н. Федот Петрович Филин: (1908–1982) // Вопр. языкознания. – М., 1982. – № 4. – С. 3–9.

Максимов В.И., Сороколетов Ф.П. Федот Петрович Филин: (К 70-летию со дня рожд.) // Научн. докл. высш. шк. Филол. науки. – М., 1978. – № 1. – С. 124–126.

Протченко И.Ф. Федот Петрович Филин: (К 70-летию со дня рожд.) // Рус. яз. в шк. – М., 1978. – № 1. – С. 119–121.

Сороколетов Ф.П. Федот Петрович Филин: (К 60-летию со дня рожд.) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – М., 1968. – Т. 27, вып. 1. – С. 79–81.

Сороколетов Ф.П., Белозерцев Г.И. Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности // Федот Петрович Филин: – М., 1978. – С. 7–31. – (Библиография ученых СССР).

Филин Ф.П. Автобиография // Сборник научных трудов комсомольцев Академии наук СССР. – М.; Л., 1936. – С. 466–467.

Филин Ф.П. Мой путь в науке // Рус. речь. – М., 1988. – № 2. – С.71–79.

В.М.Алпатов

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ ХОЛОДОВИЧ

Александр Алексеевич Холодович (11(24) мая 1906, Кронштадт — 20 марта 1977, Ленинград) — выдающийся советский лингвист, японист, корейст, теоретик языкознания, типолог.

А.А.Холодович в 1926 г. окончил отделение японоведения Ленинградского университета. Его основным учителем студенческих лет был Н.И.Конрад (1891—1970), крупнейший отечественный специалист по культурам Японии и других стран Дальнего Востока. Отношения учителя и ученика, развивавшиеся почти полвека, были достаточно сложными, не раз прерывались, а затем восстанавливались. А.А.Холодович получил у Н.И.Конрада всестороннюю подготовку в области японистики, но если для Конрада язык был лишь одним из проявлений культуры, то Холодовича привлекал анализ языка как такового, собственно лингвистический подход к языковым явлениям.

Считая свою лингвистическую подготовку недостаточной, А.А.Холодович поступил в аспирантуру научно-исследовательского Института речевой культуры в Ленинграде, где прошел курс обучения у академика Н.Я.Марра. Марровским “новым учением о языке” тогда увлекались многие языковеды, особенно молодые. Их привлекали нетрадиционность подхода Марра, поиски новых горизонтов в науке. Влияние “нового учения” проявилось в ранних публикациях Холодовича. В одной из них он, например, предсказывал формирование в скором будущем “международного языка бесклассового общества”, который по строю будет напоминать китайский (Холодович, 1930:187). Однако к середине 30-х годов ученый отошел от марризма и впоследствии оценивал Марра и его идеи резко критически. Большое значение для Холодовича имело изучение трудов классиков науки о языке, особенно А.А.Потебни, Впо-

следствии (в письме к Н.А.Сыромятникову 1946 г.) он именно Потебню называл своим “подлинным учителем” (Алпатов, 1988:176).

Среди друзей А.А.Холодовича аспирантских лет отметим В.Н.Волошинова, автора (соавтора?) знаменитой книги “Марксизм и философия языка”. После окончания аспирантуры Холодович недолго преподавал в Саратове, затем вернулся в Ленинград, где работал до конца жизни. В 30-е годы он преподавал в Ленинградском университете, где в 1938 г., после ареста Н.И.Конрада, стал заведующим кафедрой дальневосточных языков и литератур, а с 1940 г. — заведующим воссозданной кафедрой японской филологии. Среди его учеников тех лет следует отметить Н.А.Сыромятникова. Параллельно Холодович по совместительству работал в Институте востоковедения АН СССР; он также был тесно связан и с Институтом языка и мышления АН СССР. Помимо японского языка Холодович в это время начинает заниматься корейским языком, традиции изучения которого в нашей стране после революции были на некоторое время прерваны. Публикуются первые крупные работы ученого, посвященные японскому и корейскому языкам, из которых особо выделяется книга (Холодович, 1937), на основе которой была защищена кандидатская диссертация. Она стала не только первым у нас систематическим описанием старописьменного японского языка в том его варианте, который продолжал функционировать в первой половине XX в., но и изложением оригинальной лингвистической концепции.

После войны А.А.Холодович продолжал работу в университете, где заведовал сначала кафедрой японской филологии, а с 1952 г. — вновь организованной кафедрой корейской филологии. В 1949 г. он защитил докторскую диссертацию, ему было присвоено звание профессора. Его диссертация (Холодович, 1949) в трех томах была посвящена разнообразным проблемам строя японского языка и, как и все его труды, содержала разработанную общетеоретическую концепцию. К сожалению, она так и не была опубликована, а третий ее том, по-видимому, утерян. Ряд разделов диссертации опубликованы в виде статей, отметим среди них (Холодович, 1946; Холодович, 1948а, б; Холодович, 1952). Другой крупной работой А.А.Холодовича тех лет стала первая (и до сих пор единственная) в нашей стране подробная грамматика корейского языка (Холодович, 1954). Относящиеся к этому же времени лекции по корейскому языку XV в. опубликованы посмертно (Холодович, 1986).

В 1961 г. в жизни ученого произошел резкий перелом. Он оставил работу в университете и перешел в Ленинградское отделение Института

языкознания АН СССР, где возглавил вновь созданную группу структурно-типологического (затем типологического) изучения языков, которой руководил до конца жизни. Исследования по теории языка и лингвистической типологии, и раньше его увлекавшие, теперь стали основной сферой его деятельности. Группа стала одним из центров теоретической лингвистической мысли в СССР. А.А.Холодович создал школу лингвистов-теоретиков и типологов. В группе работали В.С.Храковский, В.П.Недялков, И.Б.Долинина, Н.А.Козинцева и др., постоянно сотрудничали с группой С.Е.Яхонтов, В.Б.Касевич и др. Коллектив, сложившийся вокруг Холодовича, подготовил два фундаментальных труда (Типология, 1969; Типология, 1974), в которых соответственно каузативные и пассивные конструкции большого количества языков мира описывались на основе единого общетеоретического подхода, в основном разработанного создателем группы. После смерти Холодовича коллективные труды аналогичного типа продолжают публиковаться. Помимо этого А.А.Холодович публиковал проблемные статьи по теории лингвистики и лингвистической типологии, отметим среди них (Холодович, 1966; Холодович, 1967; Холодович, 1970 а, б); см. также (Мельчук, Холодович, 1970). В последние годы жизни он вернулся к изучению японского языка и работал над книгой “Глагол в современном японском языке”, оставшейся незаконченной. Написанные им главы книги вместе с переизданием ранее публиковавшихся статей составили посмертную монографию (Холодович, 1979).

Работая в Ленинграде, Холодович был довольно далек от Ленинградской школы языковедов (хотя использовал некоторые идеи Л.В.Щербы), но имел определенное сходство с Московской школой. С некоторыми представителями этой школы, особенно с А.А.Реформатским, он дружил многие годы. В то же время он испытал значительное влияние концепций западного структурализма и старался их использовать и развивать.

Характеризуя творческий метод А.А.Холодовича, его ученик В.С.Храковский писал: “А.А.Холодович был ученым необычайно широкого творческого диапазона. Японистика и корееведение, грамматическая теория и типология, синтаксис и семантика, наконец, история языкознания – вот далеко не полный перечень тех проблем, исследованию которых была посвящена почти полувековая плодотворная деятельность ученого... В своем подходе к языку А.А.Холодович был прежде всего типологом. Он полагал, что все конкретные языки решают одни и те же

смысловые задачи, хотя для решения одной и той же задачи в различных языках, да и в одном и том же языке, могут использоваться разные способы и средства. Выделить исходные универсальные смысловые задания и установить набор формальных средств, применяемых для их решения, — вот та цель, к осуществлению которой, по мысли А.А.Холодовича, должна стремиться лингвистическая типология. Этой цели и было подчинено все его творчество... В его книгах и статьях высокая теоретичность удачно соединяется с пристальным вниманием к эмпирическим данным” (Храковский, 1979:3–7).

Оригинальность подхода проявилась уже в первой крупной публикации А.А.Холодовича — книге (Холодович, 1937). Ее проблематика далеко не ограничивалась синтаксисом в обычном понимании этого термина. Ученый понимал синтаксис очень широко: “Предметом синтаксиса являются отношения между элементами языка” (Холодович, 1937:8), не только между словами и предложениями, но и между частями слова. Выделялись синтаксис слова, словосочетания и фразы (сложного предложения). Холодовича интересовали не только особенности каждого из видов синтаксиса, но и общие закономерности. Синтаксис любого рода делился им прежде всего на синтаксис синтагмы (комплекса двух неравно-правных элементов) и синтаксис асинтагмы (комплекса двух равноправных элементов); в выделении понятия синтагмы Холодовичем были использованы идеи Л.В.Щербы. Такой подход, связанный с поиском общих свойств разных уровней языка, резко отличался от традиционного подхода, строго отделявшего морфологию от синтаксиса; не удивительна резкая его оценка у представлявшего иную научную школу В.В.Виноградова (Виноградов, 1975:100–103). В то же время он имел сходство с идеями, выдвигавшимися в те же годы Л.Блумфилдом, Л.Ельмслевом, Е.Куриловичем и др.

Еще одна проблема, рассмотренная в книге, связана с развитием так называемых “мертвых” языков. Обычно считают, что язык, на котором не говорят, а только пишут, не изменяется. Однако, как показал А.А.Холодович, старописьменный японский язык (бунго), на котором еще в 30-е годы XX в. писали официальные тексты, в том числе военные (отсюда название книги), имел заметные отличия от языка средневековых памятников. В него не допускались грамматические элементы, появившиеся в языке после XI в., однако многое из того, что было в старом языке, исчезло, и грамматическая система подверглась редукции (Холодович, 1937:4–6).

Оригинальную теоретико-грамматическую концепцию содержала и диссертация (Холодович, 1949), далеко выходящая за рамки японистики. Особенно много в ней внимания уделялось вопросам грамматической семантики. Одним из таких вопросов был вопрос о разграничении перфекта и результата: перфектные глаголы и грамматические формы одновременно передают процесс движения к некоторому состоянию, и это результирующее состояние, результивное — лишь последнее (Холодович, 1949: 356). Впоследствии это разграничение легло в основу коллективного труда, подготовленного учениками Холодовича (Типология, 1983). Рассмотрена также семантика числа; показано, что в ряде языков наряду со значениями единичности и множественности встречается особое, так называемое значение репрезентативной множественности; оно обозначает совокупность лиц или предметов, названную по одному из своих представителей (Холодович, 1946). Подробно изучены на примере японского языка модальные категории глагола, в том числе связанные с выражением разной степени достоверности того или иного события. Особо исследована встречающаяся в ряде языков грамматическая категория (в современной лингвистике иногда именуемая категорией бенефактива), связанная с направленностью действия к говорящему или от говорящего (Холодович, 1952). Предложена оригинальная концепция атрибутивных отношений в языке (Холодович, 1948 а, б). Подробно А.А.Холодович рассмотрел в диссертации теоретические проблемы залога, впоследствии эта проблематика заняла одно из центральных мест в его публикациях. Концепции ученого постоянно развивались, многие идеи его ранних работ (как общетеоретические, так и касавшиеся японского языка) позднее были пересмотрены.

С начала 60-х годов А.А.Холодович сосредоточился на проблемах теории языка и типологии, прежде всего в области синтаксиса и грамматической семантики. В то же время его интересовала и мало разрабатывавшаяся в то время проблема типологии процесса коммуникации (Холодович, 1967). Он выделил пять дифференциальных признаков, позволяющих классифицировать речевое поведение человека. Это, во-первых, средство выражения речевого акта (звук, письменный знак, жест), во-вторых, коммуникативность или некоммуникативность речевого акта (наличие или отсутствие собеседника), в-третьих, ориентированность речевого акта на определенного или неопределенного собеседника, в-четвертых, потенциал речевого акта (количество собеседников), в-пятых, наличие или отсутствие контакта с собеседником.

В области теории синтаксиса важны идеи А.А.Холодовича относительно сказуемого как вершины предложения (в этом вопросе, как и в ряде других, на него оказали влияние идеи Л.Теньера). Вопрос о вершине предложения всегда очень занимал ученого, но решался им в разные годы по-разному. Итоговая точка зрения была выражена в статье (Холодович, 1970 б); ее переиздание см. (Холодович, 1979:293–298). Здесь подробно аргументируется идея о том, что единственный главный член предложения — сказуемое, а подлежащее — такой же подчиненный ему член предложения, как и дополнение. Материал японского и других языков, в которых отсутствует согласование сказуемого с подлежащим, в большей степени подтверждает такую точку зрения, чем более традиционные концепции, ориентированные на типологические особенности индоевропейских языков.

На данной точке зрения основана также статья о типологии порядка слов (Холодович, 1966). В отличие от типологического подхода Дж. Гринберга и др., основанного на понятии базового порядка слов, у Холодовича главным параметром признается степень свободы словоупорядка (американские типологи, как правило, не придают ему существенного значения). Выделяются языки со строго фиксированным или свободным положением зависимого члена относительно главного (в том числе и подлежащего относительно сказуемого) и языки со строго фиксированным или свободным положением соподчиненных членов предложения относительно друг друга.

В области теории синтаксиса для А.А.Холодовича важнейшее значение имело разграничение семантической и синтаксической структуры предложения. В ранних работах, особенно в докторской диссертации, он исходил из идеи о взаимно однозначном соответствии между ними. Однако в конце жизни он писал: “Теперь мы решительно отказываемся от этой идеи, приняв то более естественное воззрение, согласно которому несколько синтаксических деревьев могут иметь одно и то же значение... В противном случае синтаксис просто совпал бы с семантикой и один из этих терминов оказался бы лишним” (Холодович, 1971:132). В связи с этим он разграничивал семантическую структуру предложения, состоящую из ситуации и ее участников — партиципантов, и ее синтаксическую структуру, состоящую из членов предложения. При таком подходе залог понимается как имеющая то или иное формальное выражение диатеза (термин Л.Теньера) — соответствие между участниками ситуации и членами предложения. Этот подход к залогом обоснован в нескольких публи-

кациях А.А.Холодовича и лег в основу коллективных трудов (Типология, 1969; Типология, 1974).

Как создатель и руководитель группы типологического изучения языков А.А.Холодович старался создать работоспособный коллектив, члены которого дополняли бы друг друга и работали бы по единому проекту. С этой точки зрения весьма любопытны идеи, высказанные им в докладной записке на имя директора Института языкознания АН СССР в 1960 г. : “Есть два способа организации *проблемных групп*. Один метод можно назвать методом “конструкторских бюро” или, если не бояться смелых сопоставлений и аналогий, подрядным методом. Руководящие языковедческие организации заказывают проблему тому или иному ведущему лингвисту, предлагая ему подобрать рабочую группу, которая будет выполнять работу по плану и методу руководителя группы... Другой способ организации проблемных групп я здесь не обсуждаю подробно, ибо он в том или ином виде реализовался и раньше. Я его не одобряю и поэтому называю его “методом коня и трепетной лани”. В этом случае в одну проблемную группу включают елико возможно большое число ведущих специалистов, каждый из которых имеет свое собственное мнение и каждый из которых, очевидно, и после завершения работы группы будет продолжать иметь свое собственное мнение. Такие группы полезны, ибо они дают возможность всесторонне обсудить проблему, но они все же имеют менее деловой характер” (цит. по: Оглоблин, Храковский, 1990:15). А.А.Холодович предложил создать группу при Ленинградском отделении Института языкознания по принципу “конструкторского бюро”. В той же докладной записке он предложил две основные проблемы, которые должны стоять перед группой: “а) методика структурного анализа синтаксиса конкретных языков и б) теория синтаксических моделей и проблема универсального синтаксиса как подосновы всех частных синтаксисов” (Оглоблин, Храковский, 1990:16). Этот круг проблем соответствовал происходившему в это время развитию мировой лингвистики, все более рассматривавшей проблемы синтаксиса как центральные.

Предложенную программу в основном удалось реализовать. Построение группы по типу “конструкторского бюро” оказалось залогом ее жизнеспособности. Коллектив сохранился и после смерти своего создателя, продолжая существовать и в настоящее время. На основе идей Холодовича и их творческого развития были подготовлены такие фундаментальные коллективные монографии, как (Залоговые, 1981; Категории, 1983; Типология, 1983; Типология, 1989; Типология, 1992; Типоло-

гия, 1998); часть из них издана и на английском языке. Еще одна книга, посвященная типологии уступительных конструкций, находится в печати.

Надо отметить и еще одну сторону деятельности А.А.Холодовича, связанную с изданием на русском языке трудов классиков мирового языкознания. Ему принадлежат перевод “Основ фонологии” Н.Трубецкого (Трубецкой, 1960), редактирование русского перевода “Принципов истории языка” Г.Пауля (Пауль, 1960). Последней крупной работой ученого стала подготовка нового русского издания трудов Ф. де Соссюра. Для этого издания он заново отредактировал старый перевод “Курса”, сделанный А.М.Сухотиным, составил том, включивший в себя не только ранее уже издававшийся “Курс”, но и ряд других работ великого швейцарского ученого, написал вступительную статью и биографию Соссюра. Книга (Соссюр, 1977) вышла через несколько месяцев после смерти Холодовича.

Наконец, отметим и то, что интересы ученого не ограничивались одной лингвистикой. В первой у нас хрестоматии по литературам Дальнего Востока, подготовленной коллективом под руководством Н.И.Конрада (Восток, 1935), А. А.Холодович поместил очень яркий перевод японской сказки IX в. “Дед Такэтори”. Позже он переводил произведения корейской литературы, редактировал их переводы (в том числе переводы А.А.Ахматовой), писал вступительные статьи к их изданиям (Корейские, 1954; Корейская, 1956, 1958).

А.А.Холодович был одним из самых ярких лингвистов-теоретиков советского времени, его идеи продолжают использоваться и развиваться, им создана Ленинградская (ныне Петербургская) типологическая школа.

Литература

- Апатов В.М.* Изучение японского языка в России и СССР. // М., 1990. – 192с.
- Виноградов В.В.* Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М., 1975. – 559 с.
- Восток – М., 1935. – Сб. I: Литература Китая и Японии. – 442 с.
- Залоговые конструкции в разноструктурных языках. – Л., 1981. – 286 с.
- Категории глагола и структура предложения. Конструкции с предикатными актантами. – Л., 1983. – 348 с.
- Корейская классическая поэзия / Пер. Ахматовой А. – М., 1956; 2-е изд., доп. и перераб.: М., 1958. – 307 с.

- Корейские повести. – М., 1954. – 201 с.
- Мельчук И.А., Холодович А.А. К теории грамматического залога (Определение. Исчисление) // Народы Азии и Африки. – М., 1970. – №4. – С. 111–124.
- Оглоблин А.К., Краковский В.С. А.А.Холодович: Творчество и научная школа // Типология и грамматика. – М., 1990. – С. 5–20.
- Пауль Г. Принципы истории языка. – М., 1960. – 500 с.
- Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М., 1977. – 695 с.
- Типология каузативных конструкций: Морфологический каузатив. – Л., 1969. – 311 с.
- Типология пассивных конструкций: Диатезы и залогов. – Л., 1974. – 383 с.
- Типология результативных конструкций: (Результатив, статив, пассив, перфект). – Л., 1983. – 263 с.
- Типология итеративных конструкций. – Л., 1989. – 311 с.
- Типология императивных конструкций. – СПб., 1992. – 301 с.
- Типология условных конструкций. – СПб., 1998. – 583 с.
- Трубецкой Н.С. Основы фонологии. – М., 1960. – 372 с.
- Холодович А.А. Марксистская лингвистика и ее “левые критики” // Звезда. – Л., 1930. – №12. – С. 181–199.
- Холодович А.А. Синтаксис японского военного языка: (Язык воен. документации). – М., 1937. – 247 с.
- Холодович А. А. Категория множества в японском в свете общей теории множества в языке // Учен. зап. Ленингр. ун-та. Сер. филол. наук. – Л., 1946., Вып. 10, № 69. – С. 15 – 36.
- Холодович А.А. Атрибут приобретенного признака в японском языке // Язык и мышление. – М.-Л., 1948. – Т. 11. – С.347–363.
- Холодович А.А. Партитивный атрибут в японском языке // Изв. АН СССР. сер. лит. и яз. – М., 1948. – Т.7, вып. 1. – С. 45–57.
- Холодович А.А. Очерки по строю японского языка: Дис. д-ра филол. наук. – Л., 1949.
- Холодович А. А. Действие и субъект речи в японском языке // Учен. зап. Ленингр. ун-та. Сер. востоковед. наук. – Л., 1952. – Вып. 3, № 128. – С. 177–198.
- Холодович А.А. Очерк грамматики корейского языка. – М., 1954. – 320 с.
- Холодович А.А. К типологии порядка слов // Науч. докл. высш. школы. Филол. науки. – М., 1966. – №3. – С. 3–13.
- Холодович А.А. О типологии речи // Историко-филологические исследования; К 75-летию со дня рождения акад. Н.И. Конрада. – М., 1967. – С. 202–208.
- Холодович А.А. Залог: I. Определение. Исчисление // Категория залога: Материалы конф. – Л., 1970. – С. 1 –26.

- Холодович А.А.* К вопросу о доминанте предложения // *Studies in general and oriental linguistics: Pres. to Shiro Hattori on the occasion of his sixtieth birthday.* – Tokyo, 1970 – С. 318–324.
- Холодович А.А.* Некоторые вопросы управления в японском языке // *Вопросы японского языка.* – М., 1971. – С. 113–132.
- Холодович А.А.* Проблемы грамматической теории. – Л., 1979. – 304 с.
- Холодович А.А.* Материалы по грамматике корейского языка XV века // *Предварительные сообщения Отдела языков АН СССР.* – М., 1986. – Вып.5. – 84 с.
- Храковский В.С.* Предисловие // *Холодович А.А. Проблемы грамматической теории.* – Л., 1979. – С. 3–7.

Основные работы А.А.Холодовича

- Холодович А.А.* Синтаксис японского военного языка: (Язык воен. документации). – М., 1937. – 247 с.
- Холодович А.А.* Строй корейского языка. – Л., 1938.
- Холодович А.А.* Очерки по строю японского языка: Дис. д-ра филол. наук. – Л., 1949.
- Холодович А.А.* Корейско-русский словарь. – М., 1951. – 664 с.; 2-е изд. перер.: 60 тысяч слов. – М., 1958. – 896 с.; 3-е изд., стер.: – М., 1959. – 896 с.
- Холодович А.А.* Очерк грамматики корейского языка. – М., 1954. – 320 с.
- Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив: (Ответственное редактирование и написание ряда разделов). – Л., 1969. – 311 с.
- Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогии: (Ответственное редактирование и написание ряда разделов). – Л., 1974. – 383 с.
- Холодович А.А.* О “Курсе общей лингвистики” Фердинанда де Соссюра // *Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию.* – М., 1977. – С. 9–29.
- Холодович А.А.* Ф. де Соссюр. Жизнь и труды // *Там же.* – С. 650–671.
- Холодович А.А.* Проблемы грамматической теории. – Л., 1979. – 304 с.
- Холодович А.А.* Материалы по грамматике корейского языка XV века // *Предварительные публикации Отдела языков Института востоковедения АН СССР.* М., 1986. – Вып.5. – 84 с.
- Холодович А.А.* Айнский язык // *Языки Азии и Африки.* – М., 1993. – 5: Алтайские языки. – С. 415–430.

Основные работы о А.А.Холодовиче

- Апатов В.М.* Изучение японского языка в России и СССР. – М., 1988. – С. 104–109, 152– 163.
- Оглоблин А.К., Храковский В.С.* А.А.Холодович: Творчество и научная школа // Типология и грамматика. – Л., 1990. – С. 5–20.
- Храковский В.С.* Предисловие // Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. – Л., 1979. – С. 3–7.

А.Д.Шмелев

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ШМЕЛЕВ

Дмитрий Николаевич Шмелев (10 января 1926 г., Москва, – 5 ноября 1993 г., Москва) – академик, доктор филологических наук, специалист в различных областях русистики. “Главными объектами его исследовательского внимания были лексикология, семантика и синтаксис русского языка, но он оставил глубокий след и в других областях русистики – как синхронной, так и диахронической” (Крысин, 2002:8). Д.Н.Шмелев родился в семье врачей: его отец, Николай Андреевич Шмелев, был известным фтизиатром, впоследствии действительным членом (академиком) Академии медицинских наук, директором Института туберкулеза; мать, Надежда Саввична Шмелева, – детским невропатологом. Несмотря на трудные предвоенные годы, родители сумели дать Дмитрию Николаевичу прекрасное образование: он владел несколькими иностранными языками, был знатоком русской и мировой истории, литературы и изобразительного искусства.

Детство Д.Н.Шмелева прошло в эпоху лютых гонений на веру. Вот что вспоминает об этом времени Наталия Николаевна Соколова, дочь известного духовного писателя, доктора химических наук, профессора Николая Евграфовича Пестова: “Мы снимали избы в глухой деревне, в двух километрах от железнодорожной станции. Нас было три семьи “маросейских” (т. е. бывших прихожан знаменитого храма Николы в Кленниках на Маросейке, закрытого большевиками в 1932 г.): Хватовы, Шмелевы и Пестовы. У Шмелевых было трое детей наших ровесников, у Хватовых – один мальчик... Родители наши придумали проводить все-нощную среди природы, за рощей, в поле. Тогда стали собираться три наши семьи по субботам и под праздники. Мы переходили по мосту реч-

ку, пересекали небольшую рощу, скрывающую нас от глаз сельского люда. Пройдя метров сто по лугу, мы опускались на землю под березами, дававшими нам прохладную тень. Мальчикам доставляло удовольствие взобраться на деревья, которые они называли своим наблюдательным пунктом. В случае если кто-то посторонний приблизится к нашей компании, ребята должны были дать нам знать, чтобы пение вечерни замолкло” (Соколова, 1998:231–232).

Путь Д.Н.Шмелева в лингвистику не был прямым. Его интересовало многое: литература, живопись, архитектура, искусство разных стран, история. Закончив (экстерном) школу, он поступил в Московский институт международных отношений. Но обстановка в сталинском Советском Союзе не слишком благоприятствовала обучению в учебном заведении, находящемся “на передовой идеологического фронта”, и Д.Н.Шмелеву (который, в отличие от едва ли не большинства своих сверстников, не был даже членом “комсомола”) удалось после третьего курса перейти на филологический факультет Московского университета им. М.В.Ломоносова. Окончание Д.Н.Шмелевым университета совпало с некоторым ослаблением идеологического давления в языкознании (после появления знаменитой статьи Сталина “Марксизм и вопросы языкознания”), так что Д.Н.Шмелев был принят в аспирантуру по лингвистической специальности. Именно там он и познакомился со своей будущей женой, Татьяной Вячеславовной Бульгиной (впоследствии профессором, доктором филологических наук, главным научным сотрудником Института языкознания РАН). После аспирантуры Д.Н.Шмелев некоторое время преподавал в Орехово-зубовском педагогическом институте; в 1955 г. он защитил кандидатскую диссертацию “Значение и употребление формы повелительного наклонения в современном русском языке”. С 1958 г. и до своей смерти 5 ноября 1993 г. Д.Н.Шмелев работал в Институте русского языка Академии наук (в котором последние 20 с лишним лет руководил Сектором, а затем Отделом современного русского языка); в 1969 г. защитил докторскую диссертацию “Проблемы семантического анализа лексики”. Преподавал в МГПИ им. Ленина (ныне МПГУ); читал лекции в МГУ, на Высших литературных курсах Литературного института им. М.Горького, на ФПК ряда высших учебных заведений. В 1984 г. Д.Н.Шмелев был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, а в 1987 — действительным членом Академии.

При этом “внелингвистические” интересы сохраняли для Д.Н.Шмелева свою значимость. Разумеется, в советское время он не

имел возможности путешествовать по разным странам; пожалуй, с течением времени он научился воспринимать это как некоторую данность, по поводу которой не имеет смысла сокрушаться. Лишенный возможности выезда за границу, он каждое лето тратил отпуск на путешествия по русскому Северу, по местам, в которых сохранились архитектурные памятники (чаще всего со своим другом проф. Л.Ю.Максимовым, известным русистом и педагогом). Он знал все сохранившиеся там деревянные церкви, и расстраивался по поводу того, что, даже когда утихли гонения и эти церкви были причислены к “памятникам деревянного зодчества”, они по большей части оставались в полнейшем небрежении, так что с каждым годом их оставалось все меньше. В Москве и старых русских городах он старался не обойти вниманием ни одно сколько-нибудь интересное в архитектурном отношении здание: он готов был проводить значительное время в архивных поисках, пытаясь подтвердить свои догадки, когда сведения об архитекторах не приводились в общедоступных источниках. С юношеских лет и до конца жизни Д.Н.Шмелев занимался литературным творчеством, никак не рассчитывая на публикацию. Небольшой сборник его стихотворений вышел уже после смерти, в 1998 г. Повесть “Трактат о вреде пьянства” и рассказ “Про дождь в апреле” были опубликованы в книге (Шмелев, 2002).

В целом можно сказать, что Д.Н.Шмелев стал профессионально заниматься именно лингвистикой отчасти под влиянием внешних обстоятельств. Может быть, это в какой-то мере определило особенности его лингвистического подхода: он постоянно исходил не столько из тех или иных априорных теоретических представлений, сколько из здравого смысла и желания максимально полно описать реальный языковой материал. “В языковедческих построениях он любил придерживаться фактов, не стремясь втиснуть их разнообразие в прокрустово ложе какой-либо (сколь угодно стройной) теории” (Крысин, 1997:3). Сказанное не означает, что Д.Н.Шмелев избегал обсуждения теоретических вопросов или считал их не имеющими особого значения. Но, по его мнению, все теоретические положения должны не иллюстрироваться специально подобранными примерами, а подвергаться проверке на всем массиве релевантного языкового материала. Кроме того, они должны быть согласованы между собою, а их приложение к конкретным языковым фактам должно рассматриваться в рамках единого непротиворечивого описания языка. В этом можно видеть зачатки того, что Ю.Д.Апресян впоследст-

вии наметил как программу “интегрального” описания языка (см. Апресян, 1995).

Все это ярко проявлялось в его подходе к лексической семантике. Во введении к книге “Проблемы семантического анализа лексики” он говорит о необходимости преодоления “атомизма” в лексикологических описаниях. При этом речь идет об “атомизме” двоякого рода. С одной стороны, Д.Н.Шмелев говорит о преимуществах системного изучения лексики, которое позволяет представить в гораздо более глубоком освещении факты, которые могут казаться случайными и почти несопоставимыми друг с другом при изолированном анализе значений отдельных слов. С другой стороны, он отмечал, что встречается и теоретический “атомизм”, когда отдельные лексикологические проблемы рассматриваются и решаются в лингвистической литературе изолированно друг от друга, так что решение какой-то одной из них, по существу, никак не влияет на решение другой. Он упоминал в этой связи обсуждения проблем синонимии, фразеологии, многозначности и омонимии, компонентного анализа лексики и т.д. и выдвигал на первый план необходимость создания общей лексикологической теории, которая позволила бы взглянуть на соответствующие проблемы под каким-то единым углом зрения и, возможно, наметила бы пути их разрешения. При этом такая общая теория должна быть приложима ко всему лексическому составу языка, так что никакая его часть не должна исключаться из рассмотрения. Следует иметь в виду, что Д.Н.Шмелев писал свои работы по лексической семантике в то время, когда получил распространение взгляд, согласно которому так называемая “конкретная лексика” не представляет интереса для семантического анализа. Так, Ю.Д.Апресян писал: “В задачи традиционной семантики входит описание значений каждого имеющегося в языке слова. ...Отличие современной семантики от традиционной состоит в том, что первая интересуется значениями далеко не всех слов. ...Семантическим кодом конкретного существительного может быть его порядковый номер в соответствующем словаре” (Апресян, 1967:17, 19). Сходным образом и А.Вежбицка в своей знаменитой книге *Semantic primitives* высказывала предположение, что значительная часть конкретной лексики (в частности, такие слова, как *кошка*, *роза*, *яблоко* и т. д.) не поддается семантическому анализу. Для нее, согласно А.Вежбицкой, толкованиями могли бы служить такие формулы, как, напр.: *кошка* — ‘животное, думая о котором мы сказали бы *кошка*’ (Веж-

бицка, 1983:243)¹. Д.Н.Шмелеву такое ограничение сферы применимости семантического анализа лексических единиц было чуждо. Он полагал, что часто попытки наложить ограничения на части лексики, подлежащие семантическому анализу, “вытекают только из того, что сферы интересов различных исследователей не совпадают” (Шмелев, 1973:32). Конечно, он не подвергал сомнению право каждого исследователя заниматься именно тем, что его интересует, но считал, что едва ли целесообразно а priori отказываться от рассмотрения каких-то семантических связей “только на том основании, что они обусловлены реальными связями обозначаемых данными словами предметов и явлений”. При этом он исходил из того, что “значения лексических единиц всегда в той или иной степени определяются природой обозначаемых ими предметов и явлений действительности”, так что “само понятие “конкретная лексика” не кажется вполне определенным, а тем более однородным”. Он писал: “Несомненно, что среди массы слов, обозначающих физические предметы, могут быть обнаружены самые разнообразные лексические группы, по-разному организованные и различно соотношенные друг с другом. Было бы странно считать, что значения соответствующих слов не являются “значениями” в собственно лингвистическом смысле слова только на основе того, что те или иные методы исследования неприменимы для их анализа” (Шмелев, 1973:34). Здесь для него было существенно и то соображение, что если постулировать существование особого семантического языка, “языка мысли”, на котором мы сохраняем в сознании содержание разнообразных сообщений (так что мы можем в дальнейшем передать их “своими словами”), то важно понять, какое место в этом языке занимают “конкретные значения”. “...Ведь мы запоминаем и можем передать своими словами и сообщения о конкретных предметах. Как же оно записывается в нашей памяти? Почему в нашей памяти вообще хранятся значения, отягощенные конкретными, не воспроизводимыми в других значениях признаками?” (Шмелев, 1973:33).

Стремление проверять теоретические положения языковыми фактами проявлялось и в разработанной Д.Н.Шмелевым концепции лексической многозначности. Рассматривая примеры употребления много-

¹ Впоследствии и Ю.Д.Апресян, и А.Вежбицка существенно расширили свое представление о лексике, представляющей интерес для семантического описания. А.Вежбицка даже посвятила “конкретной лексике” отдельную книгу (Wierzbicka, 1985), в которой решительно отказалась от своей прежней точки зрения.

значных слов в реальных текстах, он обнаружил, что в значительном числе случаев мы не можем однозначно отнести значение слова в тексте к какому-то одному из выделяемых в словарях значений. При этом если в случае омонимии понимание текста предполагает установление того, с какой из омонимичных единиц мы имеем дело (а невозможность определить это приводит к “двусмысленности” или воспринимается как каламбур), то при многозначности смысл слова в высказывании часто соответствует сразу нескольким словарным значениям слова, не покрываясь полностью каким-либо из них в отдельности. Так, рассматривая значения слова *новый*, выделяемые в большом академическом словаре (‘первые созданный, недавно появившийся или возникший’, ‘современный; нынешний, теперешний’, ‘очередной’, ‘ранее неизвестный’, ‘незнакомый’, ‘пришедший на смену прежнему’, ‘не тот, что прежде: иной’ и т. д.), Д.Н.Шмелев обращает внимание на то, что “самые простые и обычные фразы с этим прилагательным” (*Это новая книга?; На заводе появился новый мастер; У него возникла новая мысль* и т. п.), хотя и не кажутся “чем-то двусмысленным”, не позволяют “со всей определенностью сказать, в каком из приведенных значений употреблено слово” (Шмелев, 1973:95). Тем более это касается использования многозначных слов в художественной речи (*И в новой жизни, непохожей, / Забуду прежнюю мечту*). Даже когда имеет место специальное обыгрывание семантической многозначности слова, не возникает ощущение каламбура.

Обсуждаемое свойство многозначных слов Д.Н.Шмелев назвал принципом диффузности значений многозначного слова. Диффузность, возможность совмещения значений является, по Д.Н.Шмелеву, фундаментальным свойством лексической многозначности, отличающим ее от омонимии и создающим общее ощущение семантического единства слова. Лексикографические описания, в которых все примеры употребления многозначного слова четко разнесены по отдельным значениям (и которые тем самым обнаруживают стремление освободить словарные статьи от “неопределенных” примеров), создают несколько искаженное представление о семантической структуре описываемых слов слова (Шмелев, 1973:95).

В то же время, несмотря на трудности, связанные с разграничением отдельных лексических значений, Д.Н.Шмелеву было чуждо отрицание самой возможности многозначности слова на основе априорных теоретических соображений. Он критически отзывался о высказываниях

В.А.Звегинцева, согласно которым “в одном слове не может одновременно происходить нескольких разных обобщений, проходящих по разным направлениям, что только и могло бы привести к образованию в слове нескольких лексических значений” (Звегинцев, 1957:125). Не возражая против использования предложенного А.И.Смирницким термина “лексико-семантический вариант” (по отношению к слову в каком-то одном, отдельно взятом лексическом значении), Д.Н.Шмелев отмечал, что, последовательно отказываясь говорить об отдельных значениях слова и определяя значение слова как “совокупность его лексико-семантических вариантов” (Звегинцев, 1957:126) или как “общее значение”, инвариант, мы не снимаем проблему многозначности, а лишь заменяем ее аналогичной проблемой семантической “многовариантности” слова (Шмелев, 1973:70). Именно отдельное лексическое значение слова является естественным объектом лексикологического описания.

В частности, системные отношения в лексике устанавливаются между словами, взятыми в конкретных лексических значениях. На основе системных связей различных лексических значений многозначного слова устанавливается их иерархия. Это связано со следующей обнаруженной Д.Н.Шмелевым общей закономерностью: степень парадигматической закреплённости слова как лексико-семантической единицы (т. е. слова в некотором данном значении) находится в обратной зависимости от степени его синтагматической закреплённости. Чем определеннее место слова (в данном значении) в лексико-семантической парадигме, тем менее оно связано синтагматически, и, наоборот, чем в большей степени значение слова закреплено за определенным контекстом, тем менее определенным оказывается его место в каком-либо парадигматическом ряду слов. При этом парадигматически закреплённые значения воспринимаются как “основные”, самостоятельные, а синтагматически закреплённые — как несамостоятельные, “переносные”. Как правило, перестройка семантической структуры слова бывает связана именно с изменением характера парадигматической и синтагматической закреплённости отдельных его значений. Так, в современном русском языке для слова *жажда* значение ‘желание пить’ воспринимается как “исходное”, а значение ‘сильное желание чего-л.’ (исторически первичное) — как переносное, метафорическое. Это вызвано тем, что первое значение в большей степени закреплено парадигматически (вступает в тесную связь со словом *голод*), будучи относительно свободным синтагматически, а второе характеризуется жесткой синтагматической обусловленностью (реа-

лизуется только в сочетании с существительным в родительном падеже, указывающим на объект желания: *жажда денег, жажда славы, жажда власти*). В работах Д.Н.Шмелева приводится целый ряд примеров такой перестройки семантической структуры.

Наряду с парадигматическими и синтагматическими отношениями, характерными для всех уровней языковой системы, Д.Н.Шмелев предложил выделять еще одну разновидность системных отношений в лексике, обусловленную номинативной функцией лексических единиц, — эпидигматические отношения. Под эпидигматическими, или ассоциативно-деривационными, отношениями Д.Н.Шмелев понимал отношения, связанные с мотивированностью — “как по линии смысловых ассоциаций, так и по линии словообразовательных (и шире — вообще фонетических) сближений” (Шмелев, 1973:198). В различных работах Д.Н.Шмелева делается ряд наблюдений, свидетельствующих о важности деривационных связей как “третьего измерения” семантики слова, наряду с парадигматическими и синтагматическими связями.

Важно отметить, что системные связи рассматривались Д.Н.Шмелевым со строго синхронной точки зрения. Он отмечал, что “уже пройденный словом путь не может иметь значения для установления места и функций слова... в современном языке” (Шмелев, 1973:23). Вместе с тем его чрезвычайно интересовали вопросы истории языка и, в частности, истории слов. В этой области он также стремился оставаться на почве фактов и здравого смысла, не подменяя исторического подхода взглядом с точки зрения современного языкового сознания. С некоторым удивлением он цитировал следующее замечание Р.А.Будагова об истории слова *красный* в русском языке: “От фигурального осмысления, известного уже старому языку (*красный* ‘красивый’), слово устремляется как бы к более точному “предметному” значению (*красный* по отношению к цвету) с тем, чтобы на основе этого значения вновь подняться к фигуральному осмыслению (*красный* ‘революционный’)”, — и отмечал, что такие высказывания могут быть поняты “только с точки зрения современного языкового восприятия”, поскольку, конечно, “первоначальное значение этого слова не является “фигуральным” в историческом плане” (Шмелев, 2002:463).

Сам Д.Н.Шмелев, исследуя семантическую историю слова, стремился детально проследить ее по всем доступным памятникам. Это позволило ему обнаружить ряд интересных примеров так называемой “обратной метафоры” (когда исторически исходное значение слов начинает

восприниматься как метафорическое), а также случаев лексико-семантической контаминации. К последней Д.Н.Шмелев относил случаи, когда семантическое развитие отдельных слов происходит под влиянием случайного сближения с другими, этимологически не родственными словами. Примером этого может служить история слова *распутный*, возникшего, по предположению Д.Н.Шмелева, как результат контаминации слов *распутица*, *беспутный* и *распутиться*. Д.Н.Шмелев был главным редактором ряда выпусков “Словаря русского языка XI–XVII вв.”, а в последние годы жизни он увлекся идеей создания *Исторического словаря современного русского языка* – “словаря совершенно нового типа, не известного русской лексикографии” (Крысин, 2002:11).

Интерес Д.Н.Шмелева к истории языка не ограничивался сферой лексики. В написанной им книге “Архаические формы в современном русском языке” (Шмелев, 1960) прослежена судьба следов былой грамматической системы языка, сохранившихся в современном языке в виде отдельных “реликтов”. Исследование “грамматических архаизмов” привело Д.Н.Шмелева к выводу, что по самой своей природе они резко отличаются от архаизмов лексических. “Некоторые устаревшие слова могут впоследствии возвращаться к жизни. Исчезнувшие из языка грамматические формы, подобно “ископаемым” животным, к жизни не возвращаются. Они оставляют какие-то окаменевшие отпечатки...” (Шмелев, 1960:8). По мысли Д.Н.Шмелева, их систематическое описание не только помогает объяснить особенности тех образований, морфологическая структура которых является немотивированной с точки зрения современного языка, но и может дать своего рода мнемонические мостики от данного в современном языке к исчезнувшим парадигмам в тех случаях, когда предстоит освоить или вспомнить систему форм древнерусского языка.

Внимание Д.Н.Шмелева к реальному функционированию языка обнаруживалось вне зависимости от того, к какой области лингвистики он обращался. Это касается ряда его работ, посвященных “смещенному” употреблению определенных слов, словосочетаний и грамматических конструкций, в которых он прослеживает условия такого “смещения” и его, как мы бы теперь сказали, “прагматический эффект”.

Так, в статье “Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке”, опубликованной в журнале “Вопросы языкознания” в 1958 г., Д.Н.Шмелев ставит вопрос

о том, какие языковые средства придают утвердительному предложению отрицательное значение, словам положительной оценки характер осуждения и т. д. (Шмелев, 2002:311–335). Рассматриваются случаи, когда роль играет порядок слов (*я стану читать* и *стану я читать*), вид подчиненного глагола (*очень нужно посоветоваться* и *очень нужно советовать*), особенности тех или иных грамматических форм, например, по-велятельного значения совершенного вида (*попробуй только*), идиосинкретические свойства отдельных лексем, часто связанные с теми или иными грамматическими формами (*далось тебе это кино*); отдельно обсуждаются полностью фразеологизированные сочетания (*этого только не хватало*). Отмечается, что существующие словарные описания часто дают неточное представление о семантике выражений, которые могут использоваться в таких конструкциях. Так, словарные толкования глагола *даться* («стать предметом интереса, внимания») не определяют сущности значения этого слова в примерах, иллюстрирующих данное значение (*Далась тебе эта книга!*), поскольку оставляет в стороне его экспрессивную направленность, предопределяющую интонационную «связанность», а также место в предложении и общий «контур» последнего (кроме того, в этих толкованиях не указывается, что употребляется в рассматриваемом значении только форма прошедшего времени).

К работе об экспрессивно-ироническом выражении отрицания примыкает статья об особенностях употребления вопросительных местоимений и наречий в разговорной речи, опубликованная в журнале «Русский язык в национальной школе» в 1959 г. (Шмелев, 2002:280–288). В ней рассматриваются случаи, когда для экспрессивного выражения отрицания используются вопросительные по форме местоимения и наречия (*Какое!; Куда уж!; Где там!*). Показано, что многие употребления такого рода являются в русском языке конвенционализированными.

Интересовали Д.Н.Шмелева и некоторые другие проблемы грамматической семантики и прагматики, например, значение вида в повелительном наклонении. Так, говоря о значении вида в императиве, Д.Н.Шмелев отмечал неточность распространенных характеристик выбора видовой формы как зависящего от категорий «категоричности», «вежливости», «начальственности», «любезности», «резкости» и т. д. (см., напр., (Шмелев, 2002:27–279)). Особое внимание он уделил лексическим ограничениям на употребление императивных форм того или иного вида. Так, он обратил внимание на то, что общее правило, согласно которому глагол совершенного вида в императиве с отрицанием выража-

ет “предостережение” (позднее Т.В.Булыгина связала функционирование таких форм, как *не упади*, *не поскользнься* со значением “неконтролируемости” – см. (Булыгина, 1982:75–76), не действует для ряда глаголов – ср. такие выражения, как *не откажи(-те)*, *не покинь(-те)*, *не погуби(-те)*, *не побрызгай(-те)*, *не взыщи(-те)* и др.

Отдельную работу Д.Н.Шмелев посвятил такой проблеме грамматической семантики и прагматики, как стилистическое употребление форм лица в современном русском языке (Шмелев, 2002:289–310). В ней было проведено последовательное разграничение транспозиции личных форм, когда семантический или стилистический сдвиг не сопровождается каким бы то ни было изменением грамматических свойств, и “вторичных значений”, для которых семантическому изменению сопутствуют определенные грамматические показатели.

Определенное теоретическое значение для грамматической семантики имеет работа Д.Н.Шмелева о так называемых “производных” служебных частях речи и междометиях (Шмелев, 2002:336–349). В ней он критически рассматривает “широкую” трактовку служебных слов и междометий, когда различные глагольные и падежные формы – отдельно или в сочетании со служебными словами – причисляются к предлогам, союзам, частицам или междометиям. Речь идет о причислении к предлогам таких сочетаний, как *в зависимости от*, *рядом с*, *во исполнение*, *исходя из*, к союзам – сочетаний типа *в связи с тем что*, *в то время как*, к частицам – слов *значит*, *вот тебе и*, *гляди*, *мало ли что*, к междометиям – *ужас*, *смотри*, *помилуй* и даже *стой*. По мнению Д.Н.Шмелева, такая трактовка не только практически неудобна, но и искажает историческую перспективу, так как процессы “отрыва”, синтаксического закрепления или контекстных “смещений” рассматриваются с точки зрения заверщенного “перехода” знаменательных слов в служебные. В работе приводится целый ряд языковых фактов, свидетельствующих, что рассматриваемые выражения сохраняют связь с исходными знаменательными частями речи.

В названной работе проявился также интерес Д.Н.Шмелева к живым языковым процессам, к динамике языковых изменений. Этот интерес нашел отражение в проведенном им исследовании взаимодействия противоборствующих тенденций развития лексической системы языка: тенденции к экспрессивности и тенденции к регулярности. Результаты этого исследования были изложены в написанных им главах коллективной монографии “Русский язык и советское общество” (Шмелев,

2002:179–267), а также в ряде статей. Обратим в этой связи внимание на опубликованную в 1963 г. работу “Об одном случае активной аналогии в современном русском языке” (Шмелев, 2002:72–84), посвященную новообразованиям с суффиксом *-инка* (таким, как *живинка*, *хитринка*, *лукавинка*). В этой статье делается важный теоретический вывод, что действие аналогии не направлено само по себе на укрепление регулярности в языке. Следует различать тенденцию к унификации способов выражения одного и того же значения и такие уподобления форм слова, которые обуславливаются звуковой или семантической близостью отдельных слов и которые далеко не всегда имеют унифицирующее значение. В частности, “следует разграничивать такие принципиально различные явления в словообразовании, как расширения действия регулярной модели в соответствии с ее структурно-семантической формулой (*бека-сенек*; *щавелинка*) и ее вторжение в иные семантические сферы (*деньжата*; *фальшивинка*).

Среди работ Д.Н.Шмелева, посвященных вопросам функционирования языка, следует в первую очередь отметить монографию “Русский язык в его функциональных разновидностях” (Шмелев, 1977). В ней Д.Н.Шмелев изложил оригинальную концепцию функционально-стилистического расслоения русского языка, в частности предложив разграничивать такие явления, как функциональные разновидности языка и дифференциация стилистических средств языка. Высказанные в этой работе идеи получили дальнейшее развитие в двухтомном труде “Грамматические исследования”, подготовленном под руководством и редакцией Д.Н.Шмелева. Кроме того, под научным руководством Д.Н.Шмелева и при его непосредственном участии был создан ряд коллективных социо-лингвистических исследований по русскому языку. Все это дает основания говорить о Д.Н.Шмелеве как об “одном из основателей Московской школы функционально-стилистических исследований” (Крысин, 2002:10); см. также (Крысин, Земская, 1998).

Работы Д.Н.Шмелева, посвященные синтаксической проблематике, демонстрируют его интерес к трудным случаям, не получившим убедительного описания ни в рамках традиционной синтаксической теории, ни в новейших синтаксических концепциях — см., напр., опубликованную в 1961 г. статью “Несколько замечаний к построению синтаксической теории” (Шмелев, 2002:353–367). Особое внимание он уделял взаимосвязи синтаксической структуры и ее лексического наполнения: (см., напр., статью “Словосочетание и предикативность” (Шмелев,

2002:388–398), а также функционированию особых синтаксических моделей, не связанных с определенными словами как таковыми, но обладающих фиксированной и неизменной схемой построения, включая сюда обязательный порядок слов и наличие строго определенных, сильно ограниченных в варьировании грамматических форм, а иногда и определенных служебных слов. Такие модели Д.Н.Шмелев в статье “О “связанных” синтаксических конструкциях в русском языке, опубликованной в журнале “Вопросы языкознания в 1960 г. (Шмелев, 2002:413–438), предложил называть фразеосхемами. В отличие от проанализированных Н.Ю.Шведовой построений, организующим центром которых “является застывшая форма, оторвавшаяся от парадигмы соответствующего слова и в той или иной степени утратившая свои лексические и категориальные значения” (например, форма *чем* в конструкции *Чем не жених?*), к фразеосхемам относятся такие конструкции, которые организуются не определенным, индивидуальным словом (в той или иной форме), а определенными грамматическими формами, “отрывающимися” именно в грамматическом плане от соответствующей парадигмы и детерминирующими структуру предложения (например, *Всем молодцам молодец; Без тебя и праздник не в праздник*).

В работах Д.Н.Шмелева, посвященных синтаксису, ярко проявляется единство его подхода к языковым явлениям разных уровней. По отношению к синтаксическим конструкциям он формулирует закономерность, аналогичную закономерности, сформулированной им для лексических единиц (см. выше): чем менее закреплена данная конструкция в синтагматическом ряду, тем сильнее ее закреплённость в парадигматическом ряду, и наоборот. Синтаксические взгляды Д.Н.Шмелева нашли обобщение в его книге (Шмелев, 1976).

Важное место среди работ Д.Н.Шмелева занимают его исследования языка художественной литературы. Наряду с работами, посвященными творчеству отдельных писателей (напр., Лермонтова и Фета), а также отдельным явлениям, характерным для поэтического языка (таким, как, напр., “асимметрический параллелизм”), Д.Н.Шмелев уделял внимание общетеоретическим проблемам исследования художественной речи. Здесь в первую очередь следует назвать книгу “Слово и образ” (Шмелев, 1964), в которой были затронуты самые разные проблемы, связанные с изучением языка художественной литературы. В ней, как и в других исследованиях, Д.Н.Шмелев стремился оставаться на почве фактов, избегая необоснованных спекуляций. Кроме того, он отмечал

невозможность излишне прямолинейной трактовки особенностей языка произведения и его идейного или образного содержания. “Нет оснований усматривать в отдельных конструкциях как таковых какое-то непосредственное идейно-тематическое значение”, — писал он (Шмелев, 1964:98). Так, он возражал против трактовки безличных предложений в “Преступлении и наказании” Достоевского, согласно которой обилие безличных предложений в романе представляет собою форму, способную выражать фатальность некоей непостижимой силы, которой нет и не может быть названия. Поскольку в произведениях самых разных писателей мы можем во множестве найти безличные формы, вообще характерные для русского синтаксиса, а их “тематическое” назначение может резко изменяться в зависимости от контекста, в который они помещены, можно заключить, что истолкование, подобное приведенному выше, дается в соответствии с общим пониманием творчества Достоевского, а не на основании анализа конкретных предложений.

Сказанное никак не исчерпывает широту и разнообразие лингвистических интересов Д.Н.Шмелева. За границами рассмотрения остались, напр., две публикации в эстонском журнале *Keel ja Kirjandus* (“Язык и литература”), посвященные эстонским и шире — прибалтийско-финским — заимствованиям в древнерусских памятниках письменности (см., в частности, Šmel'ov, 1961).

Можно отдельно упомянуть работы Д.Н.Шмелева, связанные с его педагогической деятельностью. Им были созданы программы по современному русскому языку, принятые в качестве базовых для филологических факультетов, разработаны методические указания к преподаванию лексикологии русского языка, а также написан учебник (Шмелев, 1977), который, как пишет Л.П.Крысин, “является одним из лучших пособий для студентов филологических специальностей, поскольку высокий научный уровень, глубина освещения проблем современной лексикологии и семантики сочетаются здесь со всесторонне продуманной методикой подачи учебного материала” (Крысин, 1997:5).

С 1994 г. каждые два года ученики и коллеги Д.Н.Шмелева проводят трехдневные Шмелевские чтения. Эти чтения, собирающие видных русистов со всего мира, традиционно приурочиваются к 24 февраля (11 февраля по старому стилю) — дню памяти преподобного Димитрия Прилуцкого, небесного покровителя Д.Н.Шмелева. Их тематика в какой-то степени отражает широту интересов Д.Н.Шмелева.

Литература

- Апресян Ю.Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола. – М.: Наука, 1967. – 251 с.
- Апресян Ю.Д.* Интегральное описание языка // *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. – 1995. – Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.; – Т 2, ч.2. – С. 8–241.
- Булыгина Т.В.* К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. – М., 1982. – С. 7–85.
- Вежбицка А.* Из книги “Семантические примитивы”: Введение // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 225–252.
- Зевгинцев В.А.* Семасиология. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. – 322 с.
- Крысин Л.П.* От редактора // Облик слова: Сб. статей памяти Д.Н.Шмелева. – М., 1997. – С. 5–6.
- Крысин Л.П.* О Дмитрие Николаевиче Шмелеве // Шмелев Д.Н. Избранные труды по русскому языку. – М., 2002. – С. 8–13.
- Соколова Н. Н.* Под кровом Всевышнего. – Новосибирск: Правосл. гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского, 1998. – 464 с.
- Шмелев Д.Н.* Архаические формы в современном русском языке. – М.: Учпедгиз, 1960. – 116 с.
- Шмелев Д.Н.* Слово и образ. – М.: Наука, 1964. – 120 с.
- Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики: (На материале рус. яз.). – М.: Наука, 1973. – 280 с.
- Шмелев Д.Н.* Современный русский язык. Лексика. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности “Рус. яз. и лит.”. – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.
- Шмелев Д.Н.* Избранные труды по русскому языку / Вст. ст. Л.П.Крысина. – М.: Яз. слав. культуры, 2002. – 888 с. – (Классики отеч. филологии).
- Šmel'ov D.* Läänemeresoome laensõnu vana-vene allikais (Прибалтийско-финские, заимствования в древнерусских источниках) // Keel ja kirjandus. – Tallin, – R.H., 1961. № 6.
- Wierzbicka A.* Lexicography and conceptual analysis. – Ann Arbor: Karoma publ. inc., 1985. – 368 p.

Основные работы Д.Н.Шмелева

- Шмелев Д.Н.* Архаические формы в современном русском языке. – М.: Учпедгиз, 1960. – 116 с.
- Шмелев Д.Н.* Слово и образ. – М.: Наука, 1964. – 120 с.
- Шмелев Д.Н.* Очерки по семасиологии русского языка. – М.: Просвещение, 1964. – 244 с.
- Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики! (На материале рус. яз.). – М.: Наука, 1973. – 280 с.
- Шмелев Д.Н.* Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. – М.: Наука, 1976. – 150 с.
- Шмелев Д.Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях: (К постановке проблемы). – М.: Наука, 1977. – 168 с.
- Шмелев Д.Н.* Современный русский язык: Лексика. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности “Рус. яз. и лит.”. – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.
- Шмелев Д.* Стихотворения. – М.: Рус. словари, 1998. – 44 с.
- Шмелев Д.Н.* Избранные труды по русскому языку / Вступ. ст. Крысина Л.П. М.: Яз. слав. культуры, 2002. – 888 с. – (Классики отеч. филологии).

Основные работы о Д.Н.Шмелеве

- Астахина Л.Ю.* Шмелев Дмитрий Николаевич //История картотеки “Словаря русского языка XI–XVII вв.”: Авторский состав и источники. – М., 2001. – С. 247–248.
- Земская Е.А., Крысин Л. П.* Московская школа функциональной лингвистики: Итоги и перспективы исслед. – М.: Рус. словари, 1998. – С. 1–2,5,15.
- Акад. Д.Н.Шмелев: (Некролог) // Рус. яз. в шк. – М., 1994. – №1. – С. 128.
- Крысин Л.П.* Академик Дмитрий Николаевич Шмелев: (1926 – 1993) // Rus. linguistics. – Dordrecht, 1994/ – Vol. 18, №1. – P. III–IV.
- Крысин Л.П.* От редактора //Облик слова: Сб. ст. памяти Д.Н.Шмелева. – М, 1997. С. 5–6.
- Крысин Л.П.* О Дмитрие Николаевиче Шмелеве //Шмелев Д.Н.Избранные труды по русскому языку. – М., 2002. – С. 8–13.
- Скворцов Л.И.* Шмелев Дмитрий Николаевич // Российская педагогическая энциклопедия. – М., 1999. – Т. 2. – С. 591.

В.А.Пищальникова, В.В.Потапов

ЛЕВ ВЛАДИМИРОВИЧ ЩЕРБА

“Лев Владимирович Щерба — целая эпоха в истории отечественного языкознания: в развитии общего языкознания, фонетики и фонологии, одним из основоположников которой он был, диалектологии, грамматики, теории орфографии, лексикографии и лексикологии, методики преподавания родного и иностранного языков, лингвистического толкования художественных текстов и в разработке других проблем” (Аванесов, 1981:3).

Лев Владимирович Щерба, выдающийся лингвист-теоретик, родился 3 марта (20 февраля) 1880 г. в г. Игумене Минской губернии в семье коренных петербуржцев. В 1898 г. он окончил с золотой медалью 2-ую Киевскую гимназию и в течение года обучался на естественном факультете Киевского университета. В связи с возвращением родителей в Санкт-Петербург Л.В.Щерба поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, который окончил в 1903 г. и был оставлен при кафедре сравнительной грамматики и санскрита, которой заведовал И.А.Бодуэн де Куртенэ (1845—1929), на долгие годы определивший научное мировоззрение своего ученика. Одновременно Л.В.Щерба участвовал в работе Комиссии по русской орфографии при Академии наук.

В 1906 г. Л.В.Щерба успешно сдал магистерские экзамены и был командирован в Лейпциг, где работал в семинарах К.Бругмана (1849—1919), А.Лескина (1840—1916), Э.Зиверса (1850—1932); осень 1906 г. он провел в Италии, под Флоренцией, изучая местный диалект. В 1907 г. Л.В.Щерба переехал в Париж, где его изучением экспериментально-фонетических методов руководил один из основателей экспериментальной фонетики Ж.-П. Руссло. И в это время, используя каникулы, неуто-

миный молодой исследователь занимается изучением диалектов, теперь лужицких, в Германии.

В 1909 г. Л.В.Щерба возвращается в Санкт-Петербургский университет, где избирается на должность приват-доцента по кафедре И.А.Бодуэна де Куртенэ и активно занимается оснащением кабинета экспериментальной фонетики, формально существовавшего с 1899 г., но превратившегося в лабораторию, пригодную для серьезных фонетических исследований, только усилиями Л.В.Щербы. В 1912 г. Л.В. Щерба защищает магистерскую диссертацию “Русские гласные в качественном и количественном отношении”, в которую вошли и записи, произведенные в лаборатории Ж.-П. Руссло, а в 1915 г. — докторскую диссертацию “Восточнолужицкое наречие”, включившую материалы, собранные в Германии. В следующем году Л.В.Щерба становится профессором университета, а еще через год сменяет И.А.Бодуэна де Куртенэ на посту заведующего кафедрой. Л.В.Щерба ведет активную научную и преподавательскую работу в университете; в 1924 г. избирается членом-корреспондентом Академии наук СССР; работает в составе Словарной комиссии, а потом становится и товарищем председателя; в течение 1921—1928 гг. сотрудничает с Н.Я.Марром (1864/65—1934), руководит фонетическим кабинетом в Институте сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока им. А.Н.Веселовского при Петербургском университете, а позже становится председателем секции индоевропейского языкознания. При этом в течение всей своей научно-педагогической деятельности Л.В.Щерба выступал с докладами в учительской аудитории, редактировал стабильные школьные учебники по грамматике русского языка для средней школы, вел огромную работу по преподаванию иностранных языков взрослым и детям, организовывал курсы и кружки по изучению русского и иностранных языков. “Лев Владимирович сознательно берет на себя административные обязанности...он ищет верных и широких возможностей влиять на организацию преподавания, на его характер”, — отмечал Д.Л.Щерба в биографии отца (Д.Л.Щерба, 1951:12).

В конце 20-х — начале 30-х годов кафедрой общего языкознания заведовал Н.Я.Марр, и только в 1935 г. открывается кафедра фонетики и методики преподавания иностранных языков, руководить которой поручено Л.В.Щербе. С 20-х годов Л.В.Щерба был бессменным председателем лингвистического общества и объединял вокруг себя лингвистов разнообразных специальностей и разных поколений. Здесь были

Д.Н.Ушаков (1873–1942), В.И.Чернышев (1866/67–1949), С.Г.Бархударов, С.И.Бернштейн (1892–1970), В.В.Виноградов (1894/95–1969), Б.А.Ларин (1893–1964) и многие другие.

Сборник “Русская речь”, вышедший под его редакцией в течение пяти лет, ставил своей основной задачей популяризацию лингвистики. Л.В.Щербе многое удается не только потому, что он имел выдающиеся лингвистические способности, но и потому, что он “по широте своих общественных интересов, по своему общественному темпераменту, по исключительной принципиальности и одновременно терпеливому умению слушать своих научных “противников” и вникать в их построения, по постоянной неудовлетворенности достигнутым и склонности к новым поискам, по смелости, с которой он мог отказаться от ранее высказанных им утверждений, если он находил более верные решения, по своему личному обаянию и благородству, по своей житейской и человеческой мудрости был неповторим и единствен” (Аванесов, 1981:3).

В 1941 г. Л.В.Щерба эвакуируется вместе с семьей в г. Нолинск Кировской области, а в 1943 г. переезжает в Москву, где был избран академиком АН СССР и назначен заведующим кафедрой общего языкознания МГУ. С марта 1944 г. Л.В.Щерба возглавил историко-филологический отдел Института методов обучения в Академии педагогических наук.

Напряженная научная и преподавательская деятельность Л.В.Щербы прервалась 26 декабря 1944 г.

Современная лингвистика, закономерно обратившаяся к изучению языка как специфической деятельности человека, обнаруживает в наследии Л.В.Щербы идеи, чрезвычайно актуальные и необходимые для становления методологии нового этапа языковедения. Внимательное изучение научного творчества классиков отечественной лингвистики важно еще и потому, что многие молодые языковеды в погоне за модными именами часто забывают старую горькую истину: русский лен часто возвращается к нам голландским полотном.

Не однажды интерпретировалась и цитировалась знаменитая работа Л.В.Щербы “О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании”, но, как правило, всегда в связи с какой-то конкретной проблемой русистики, хотя значение этого труда для *теории языкознания* осознается и подчеркивается всеми. Одним из своих основоположников признает Л.В.Щербу теория речевой деятельности — отечественная психолингвистика. Все чаще обращаются к трудам

Л.В.Щербы лингвисты “системоцентрического толка”, исследуя новые для себя объекты — речевую деятельность и речевую способность. И это вполне обоснованно, поскольку именно Л.В.Щерба впервые четко разграничил возможные аспекты изучения языка-феномена (“языковых явлений”): *речевую деятельность, языковую систему, языковой материал*, определив принципы выделения каждого аспекта и в *языке-конструкте*, “...при говорении мы часто употребляем формы, которых никогда не слышали от данных слов, производим слова, не предусмотренные никакими словарями, и, что главное и в чем, я думаю, никто не сомневается, сочетаем слова хотя и по определенным законам их сочетания, но зачастую самым неожиданным образом, и во всяком случае не только употребляем слышанные сочетания, но постоянно делаем новые” (Щерба, 1974:24). Обратим внимание на сноску, которую делает Л.В.Щерба, говоря об “определенных законах сочетания”: “Имею в виду здесь не только правила синтаксиса, но, что гораздо важнее, *правила сложения смыслов, дающие не сумму смыслов, а новые смыслы*, — правила, к сожалению, учеными до сих пор мало обследованные, хотя интуитивно известные всем хорошим стилистам” (там же) (курсив (наш. — В.П., В.П.)). Несмотря на большие достижения отечественной лингвистики, эта идея, созвучная В. фон Гумбольдту (1767—1835), А.А.Потебне (1835—1891), И.А.Бодуэну де Куртенэ, действительно интуитивно хорошо известная всем, до недавнего времени не принималась во внимание ни в серьезных теоретических построениях модели языка, ни в практическом анализе языка-феномена. Гениальная идея, по-разному обозначенная в трудах перечисленных ученых и в работах Л.В.Щербы, о том, что *язык является ненамеренным детерминированным следствием определенных речевых действий*, была подхвачена отечественными психолингвистами и легла в основу теории речевой деятельности А.А.Леонтьева. Л.В.Щерба подчеркивает: “Процессы понимания, интерпретации знаков языка являются *не менее активными и не менее важными* в совокупности того явления, которое мы называем “языком”...они обуславливаются тем же, чем обуславливается возможность процес-сов говорения” (Щерба, 1974:25). Л.В.Щерба прекрасно понимает, насколько нетрадиционно его утверждение, и потому постоянно ссылается на *опыт говорящих* и лингвистов: “Обо всем этом неоднократно говорилось лингвистами, и я хотел бы только подчеркнуть то обстоятельство, что говорящий совершенно не различает форм слов и сочетаний слов, никогда не слышанных им и употребляемых им впервые, от форм слов и сочетаний

слов, им много раз употреблявшихся, поскольку мы имеем право сказать, что вообще все формы слов и сочетания слов нормально создаются нами в процессе речи, в результате весьма сложной игры сложного речевого механизма человека в условиях конкретной обстановки данного момента. Из этого с полной очевидностью следует, что этот механизм, эта речевая организация человека никак не может равняться сумме речевого опыта (подразумеваю под этим и говорение и понимание), а должна быть какой-то своеобразной переработкой этого опыта. Эта речевая организация может быть только физиологической или, лучше сказать, психофизиологической...” (Щерба, 1974:25). В этом положении очевидно обнаруживается влияние В. фон Гумбольдта и А.А.Потебни, а чтобы высказать его в условиях господства тезиса о “неразрывном единстве языка и мышления” и происхождении языков из ограниченного количества стабильных элементов, требовались научная убежденность и человеческое мужество. Современная передовая отечественная лингвистика начинает активно использовать приведенные положения Л.В.Щербы, в психолингвистике давно ставшие базовыми. Итак, первый аспект языковых явлений – аспект речевой деятельности, предполагающий исследование процессов понимания и говорения. Второй – языковая система – грамматика и словарь языка, “исчерпывающее знание данного языка”. Л.В.Щерба отмечает: “...все языковые величины, с которыми мы оперируем в словаре и грамматике, будучи концептами, в непосредственном (выделено Щербой. – В.П.;В.П.) опыте (ни в психологическом, ни в физиологическом) нам вовсе не даны, а могут выводиться нами лишь из процессов говорения и понимания, которые я называю в такой их функции “языковым материалом” (третий аспект языковых явлений) (Щерба, 1974:26). Намеренное разграничение языкового материала и выводимой из него языковой системы позволяет более четко задать параметры языка как научного объекта, а следовательно, с большей степенью адекватности судить о существенных свойствах языка-феномена. Л.В.Щерба подчеркивает единство языкового материала и языковой системы как разных аспектов данной в опыте речевой деятельности: “Языковой материал вне процессов понимания будет мертвым, само же понимание вне как-то организованного языкового материала (т.е. языковой системы) невозможно” (Щерба, 1974:26). Ученый акцентирует важность проблемы понимания, ставшей в современной науке одной из междисциплинарных проблем, объединяющих лингвистику, психологию, логику, философию и другие науки. Попутно Л.В.Щерба поднимает

серьезный вопрос о соотношении системы языковых представлений индивида и языковой системы, которая в современном языковедении исследуется в рамках проблемы языкового сознания. Его не удовлетворяют попытки решения сложнейшей проблемы, предпринятые И.А.Бодуэном де Куртене, Ф. Де Сосюром (1857–1913), С.Л.Франком, Э.Сепиром (1884–1939, а потому Л.В.Щерба ищет “иные пути” разрешения вопроса. “Прежде всего возникает вопрос, в каком отношении находится “психо-физиологическая речевая организация” владеющего данным языком индивида к этой выводимой лингвистами из языкового материала языковой системе” (Щерба, 1974:28). Языковая система – “то, что объективно заложено в данном языковом материале и что проявляется в индивидуальных речевых системах, возникающих под влиянием этого языкового материала”, и она противопоставлена “индивидуальным речевым системам” (Щерба, 1974:28). Постулируя отличия индивидуальных речевых систем, Л.В.Щерба отмечает, что эти различия исчезают в процессе общения, однако этот факт не дает оснований смешивать “несоизмеримые понятия” — индивидуальную речевую систему и систему языка (а такое смешение допускается и в современной лингвистике).

Особый интерес представляет и решение Л.В.Щербой вопроса о том, *каким образом происходят языковые изменения и чем объясняется их единство внутри социальной группы*. Это связано с тем, что в современной лингвистике пересматривается как само понятие “языковое изменение”, так и методы его обнаружения и исследования. В работе Л.В.Щербы обнаруживаются глубокие положения о сущности и действии языкового изменения. Так, Л.В.Щерба отмечает, что “единство языковой системы обеспечивает единство реакций” на содержание жизни социальной группы, а последнее, в свою очередь, обеспечивает единство языка, “...речевая деятельность, являясь в то же время и языковым материалом, несет в себе и изменение языковой системы”; “...поскольку речевая деятельность, протекая не иначе как в социальных условиях, имеет своей целью сообщение и, следовательно, понимание, постольку говорящие вынуждены заботиться о том, чтобы у слушающих не было недора-зумений, происходящих от смешения знаков речи”; “...поскольку возможность смешения объективно заложена в определенных местах самой языковой системы, постольку эти тенденции... будут общи всем членам данной языковой группы и будут реализоваться одинаковым образом”; “...в силу присущей людям тенденции к экономии труда... эти возможности реализуются одинаковым образом у всех членов группы или

по крайней мере могут так реализоваться...”; “...ощущение нормы, как и сама норма, может быть и слабее и сильнее в зависимости от разных условий...”. (Щерба, 1974:29–30) (курсив наш. — В.П.; В.П.).

Не однажды подчеркивалась важность введения Л.В.Щербой в лингвистику эксперимента, способного представить языковой материал живых языков и тем самым верифицировать лингвистические построения. Кроме того, “только с его помощью, — писал ученый, — мы можем действительно надеяться подойти в будущем к созданию вполне адекватных действительности грамматики и словаря” (Щерба, 1974:32). Ассоциативный эксперимент во всех его разновидностях, заимствованный психолингвистикой из психологии и постепенно занимающий все более устойчивое положение в системоцентрических лингвистических исследованиях, позволяет говорить о возможности создания в ближайшее время словарей, фиксирующих периферийные семантические признаки, не отраженные в традиционных словарях, но являющиеся психологической реальностью для носителей языка, и актуализируется в процессах коммуникации.

Современники Л.В.Щербы отмечали, что он постоянно обращался к самым сложным теоретическим вопросам, на которые в лингвистике пока не было ответа. “Одной из основных очередных задач является сравнительное изучение структуры, или строя различных языков. Насколько подобное сравнительное изучение сможет дать нам историческую картину развития структуры человеческого языка вообще в связи с развитием человеческого сознания, — мне, откровенно говоря, неясно. Думается, во всяком случае, что иного пути нет и не может быть” (Щерба, 1974:39). Рассматривая проблему двуязычия, Л.В.Щерба аргументированно решает такие вопросы, которые в современной теории считаются дискуссионными. Так, разграничивая чистое и смешанное двуязычие, Л.В.Щерба, по сути дела, разграничивает два типа усвоения языка. Первый тип имеет место тогда, когда иностранный язык усваивается “беспереводным” путем от его носителей, и, следовательно, национально специфичные когнитивные структуры усваиваются, будучи определенными в единицах языка, без искажения. При смешанном двуязычии “изучаемый язык в той или иной мере воспринимается ... в рамках и категориях, родного”, “вновь усваиваемый язык всегда претерпевает то или другое влияние первого языка, во всяком случае в смысле категоризации явлений действительности” (Щерба, 1974:41) (курсив наш. — В.П.; В.П.). Л.В.Щерба вполне солидарен с Э.Сепиром в том, что “мир,

который нам дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь везде одним и тем же, *постигается различным образом в разных языках, даже в тех, на которых говорят народы, представляющие собой известное единство с точки зрения культуры*” (Щерба, 1974:69) (курсив наш. — В.П.; В.П.) Строй иностранного языка искажается категориями родного языка, потому что нет абсолютно тождественных понятий у носителей разных языков, более того, слова могут обозначать один и тот же предмет, но “представлять его в известной мере различно”, а потому и перевод никогда не бывает точным. Поэтому одним из главных требований к изучению иностранного языка Л.В.Щерба выдвигает “изучение не через переводчиков, а непосредственно из жизни”, стремление “вполне обладать изучаемым языком, ассимилироваться туземцам, постоянно требуя от них исправления твоей речи”, “постоянную борьбу с родным языком: только тогда можно надеяться осознать все своеобразие структуры изучаемого языка (Щерба, 1974:41–42). Такое освоение языка Л.В.Щерба называет *натуральным методом* и полагает, что только оно “приучает к анализу мысли посредством средств выражения”, “становится мощным орудием формирования ума, высвобождая мысль...из оков языка” (Щерба, 1974:68). В результате у билингва, изучавшего иностранный язык *натуральным методом*, образуется единая система ассоциаций, “может быть, даже было бы неточно сказать, что люди, о которых идет речь, знают два языка: они знают только один язык, но этот язык имеет два способа выражения” (Щерба, 1974:68). То, что Л.В.Щерба говорит, по сути дела, *о различных когнитивных структурах, опредмеченных в единицах разных языков*, подтверждается следующим его рассуждением. “Когда мы хотим *передать* свою мысль самым точным образом, мы часто бываем очень довольны, что *можем употребить иностранное слово, которое точно соответствует тому, что мы хотим* сказать...Если вы хотите избежать иностранного языка, вы часто должны вернуться вспять и перестроить всю мысль” (Щерба, 1974:70) (курсив наш. — В.П.; В.П.).

Структурная разница между языками проявляется не только в способах представления значений слов, но и по характеру самих словесных категорий. Поэтому Л.В.Щерба намечает основные проблемы “новой грамматики”, “сборника правил речевого поведения”. Это, во-первых, “учение о происхождении категорий”: “Категория субстанциальности, например, является ли она производной, или она прирождена человеку, или даже существует вне человека?” (Щерба, 1974:74). Во-вторых, следует обратиться к изучению смысла “отдельного выраже-

ния”, обнаруживаемого в синтаксических связях слов. При этом Л.В.Щерба указывает, что “смысл присущ только речи, и отдельное слово меняет в ней свое значение” (Щерба, 1974:76).

Отсюда и проблема содержания грамматики и ее отделов, которая может быть выделена на разных основаниях: на противопоставленности обозначения самостоятельных предметов мысли (лексика) выражению отношений между этими предметами (грамматика); на противопоставленности “индивидуального, существующего в памяти и по форме никогда не творимого в момент речи”(лексика) (Щерба, 1974:51) правилам образования слов, форм слов и т.д.(грамматика). Л.В.Щерба выделяет в качестве отделов грамматики фонетику, словообразование (“т.е. вопрос о том, как можно делать новые слова” (Щерба, 1974:53), формообразование, синтаксис. Исследователь представляет способы словообразования (морфологический, фонетический – морфологизированные чередования, словосложение, семантический), Л.В.Щерба подчеркивает условность термина *форма*: “Когда мы наблюдаем, что все эти слова обозначают одни и те же предметы мысли. Хотя и в разных аспектах и с разными дополнительными значениями, то *образно* мы вполне вправе говорить, что слова этой группы являются различными видоизменениями, различными “формами” одного и того же слова” (Щерба, 1974:53). В синтаксисе особенно очевидно различие активного и пассивного аспектов грамматики. В активном синтаксисе “рассматриваются вопросы о том, как выражается та или иная мысль”, в пассивном исследуется синтаксическое значение форм слов, изучается словосочетание и порядок слов в нем, фразовое ударение и интонация.

Л.В.Щерба считает, что изучение частей речи не может быть отнесено ни к одному из выделенных отделов грамматики. Основания для такой позиции выделяются очень серьезные. Л.В.Щерба считает, что части речи – это не простая классификация слов, как это обычно представляется в лингвистике. Противопоставляя существительные, прилагательные, глаголы, с одной стороны, и союзы, предлоги – с другой, Л.В.Щерба подчеркивает, что первые употребляются для выражения неких “форм” мысли, а вторые являются простыми разрядами слов, объединенными общностью синтаксической функции. Показательно, что ученый употребляет слово “форма” в кавычках, и в скобках подчеркивает, что употребляет это слово “совсем в другом смысле”, нежели оно было употреблено при обосновании особого отдела грамматики – формообразования. Анализ примеров, произведенный Л.В.Щербой, позво-

ляет заключить, что речь идет о способах категоризации действительности, представленных разными типами слов — “частей речи”: в один ряд ученый ставит существительное, глагол, прилагательное, которые содержательно “в известном смысле тождественны”, безличность, род, вид (“поскольку русского глагола вне вида нельзя и мыслить”) — “в других языках — особенно, по-видимому, малокультурных народов, — найдется немало и других общих категорий, *в аспекте которых они привыкли воспринимать действительность*” (Щерба, 1974:59) (курсив наш. — В.П.; В.П.). Л.В.Щерба отмечает, что необходимость такого особого раздела предвидел И.А.Бодуэн де Куртенэ, и предлагает назвать пятый раздел грамматики *лексическими категориями*.

Как заметил В.В.Виноградов, среди работ Л.В.Щербы нет ни одного специального исследования, посвященного синтаксису, хотя ученый замысливал написать очерк системы русского синтаксиса с новых методологических позиций, с позиций исследования речевой деятельности.

Важность изучения синтаксических отношений единиц языка Л.В.Щерба осознавал всегда. Так, уже в докторской диссертации (1915) Л.В.Щерба писал: “В синтаксисе изучаются способы образования групп слов и группы групп. Надо отличать два типа связи между словами и группами слов: апперцептивный и ассоциативный (более или менее geschlossene und offene Verbindungen Вундта). В европейских языках (вероятно, и во многих других) самым могучим средством выражения связи между словами и группами слов является “интонация”, “фразировка” в самом широком смысле слова. Этим, вероятно, и объясняется падение форм в этих языках” (Щерба, 1915:96). В современной лингвистике, когда объектом исследования все чаще и последовательнее становится речевая деятельность, учение Л.В.Щербы о синтагме представляет не только исторический интерес.

С наибольшей полнотой *теория синтагмы* представлена Л.В.Щербой в его книге “Фонетика французского языка” (1963). Л.В.Щерба писал, что термин “синтагма” был заимствован им у И.А.Бодуэна де Куртенэ. Однако И.А.Бодуэн де Куртенэ обозначал этим термином знаменательные слова, вообще слова как составные элементы предложения. У Л.В.Щербы синтагма выступает как единица *не языка, а речевой деятельности*, принципиально отличаясь от слова, хотя в частном случае она может и совпадать со словом. Синтагма определена здесь как “фонетическое единство, выражающее единое смысловое це-

лое в процессе речи-мысли и могущее состоять как из одной ритмической группы, так и из целого ряда их” (Щерба, 1963:81).

Синтагма может состоять из нескольких слов или одного слова. Л.В.Щерба приводит несколько примеров (синтагмы отделены одна от другой вертикальными линиями): *Вокруг нас / все цело, / благоухало / и радовало взор*, или: *Приятно / сидеть в уютной комнате / и слушать хорошую музыку* (Щерба, 1974:326). Но главное отличие слова от синтагмы функциональное: слово обозначает не те понятия, которые возникают в данной конкретной ситуации и существуют только в данном акте мысли, а те, которые были выработаны, закрепились, существуют в соответствующей общности и нашли себе относительно устойчивое выражение.

Средства образования синтагм как группы слов, обозначающей одно понятие и являющейся в сущности потенциальным словом, — порядок слов и интонация, в частности ударение. Само появление в синтаксической системе понятия синтагмы обусловлено тем, что для Л.В.Щербы реально только существование речевой деятельности. Синтагма — это категория речевой деятельности, не совпадающая со словосочетанием, причем именно в синтагме репрезентируются возникающие в речи новые слова и смыслы. Отметим, что, несмотря на подчеркнутое противопоставление понятий *синтагма* и *словосочетание*, Л.В.Щерба в своих работах не представил последовательных оснований их разграничения.

Синтагма — это предельный по объему смысловой элемент сложного синтаксического целого, основная и самая “мелкая” единица, вычленимая во “фразе”. Фраза — “законченное целое, которое может состоять из группы синтагм, но может состоять и из одной синтагмы, и которое нормально характеризуется конечным понижением тона” (Щерба, 1937:80). Объем синтагмы различен, при этом у синтагмы нет прямой корреляции со словосочетанием, их отношение устанавливается в зависимости от смысла выражения и ситуации, а следовательно, одно и то же словосочетание может члениться на неодинаковое количество синтагм. При этом объем синтагм, представленных в одном и том же словосочетании, зависит как от “смысла, придаваемого говорящим”, так и от “трактовки текста читающим”. “В языке нет зафиксированных синтагм. Они являются творчеством, продуктом речевой деятельности человека”, — указывал Л.В.Щерба в докладе на Ученом совете Института дефектологии и Института психологии в 1944 г. Правила построения синтагм сводятся к

правилам распространения существительных, прилагательных, наречий, глаголов другими словами. Переход от одной синтагмы к другой, как правило, происходит путем постепенного изменения повышения тона последнего слова предшествующей синтагмы в понижение по направлению к низкому тону первого слога следующей группы (Щерба, 1937:117). Иные закономерности обнаруживаются в синтагмах или группах синтагм, являющихся членами перечисления: они “характеризуются повышением их первого слога, совершенно независимо от смысловой значительности соответствующего слова” (Щерба, 1937:122). Л.В.Щерба устанавливает отношение между синтагмой и речевым тактом как смысло-синтаксическим и смысло-ритмическим понятиями. Кроме того, ученый указывает, что синтагма как основная единица речи зависит от стилевых характеристик речевого произведения.

Л.В.Щерба выделяет одночленные и двучленные предложения, которые различаются не столько морфологической структурой, сколько наличием/отсутствием своеобразной “интонации сказуемости”: в односоставном нет интонационного расчленения на подлежащее и сказуемое. Таким образом, основание разграничения названных типов предложения — грамматический способ выражения сказуемости.

Сказанное позволяет заключить, что Л.В.Щерба предпринял попытку разработки *понятий активного синтаксиса, учитывающего потребности речевой деятельности человека*. “Прежде всего надо выяснить общий характер предложения, в которое должно отлиться высказываемое, в частности, будет ли это сообщение, вопрос, восклицание, пожелание, просьба и т.п. Для каждого из этих случаев в грамматике должны быть указаны схемы соответственных предложений. К сожалению, все это не очень разработано в грамматической литературе” (Щерба, 1947:88). В активном синтаксисе необходимо рассмотреть средства выражения синтаксических категорий и мыслительного содержания — предикативности, отрицания, качественного определения предмета, логического суждения и т.д.

Наибольшую известность Лев Владимирович Щерба получил как фонолог и фонетист. Известность Л.В.Щербы, по всей видимости, можно объяснить той исключительной ролью, которую сыграло его первое исследование русских гласных (Щерба, (1912) 1983а) в развитии фонологической теории. Для формирования фонологической школы Л.В.Щербы весомое значение имели и последующие его работы по фо-

нетике, и посмертно опубликованный труд по теории русского письма (Щерба, 1983б).

Л.В.Щерба был виднейшим исследователем в области *экспериментальной фонетики*. Как в фонетике, так и в исследовании других уровней языка Л.В.Щерба признавал важность эксперимента, поэтому он решительно возражал против желания некоторых языковедов переименовать экспериментальную фонетику в инструментальную.

Л.В.Щерба создал *свою оригинальную теорию фонемы*. Фонему он понимал как звуковой тип, способный дифференцировать слова и их формы, а оттенок фонемы — как реально произносимый звук, являющийся тем частным, в котором реализуется общее (фонема). Л.В.Щерба всегда подчеркивал, что фонологию нельзя отделять от фоники (“антрофоники”) и что они обе объединяются в фонетике.

Важную роль в выработке позиции Л.В.Щербы сыграло то, что он прошел экспериментально-фонетическую школу у Ж.-П. Руссло и слушал лекции Э.Зиверса.

Именно глубокое проникновение в речевую материю убедило его в том, что звуковая сторона языка упорядочивается не благодаря физическим характеристикам ее элементов, а благодаря языковой системе и в первую очередь ее содержательной стороне.

Л.В.Щерба в “Русских гласных...” начинает анализ с таких звуковых явлений, которые связаны со смысловыми языковыми единицами, а именно с простейших высказываний типа *смеркается, светает, темно*. Л.В.Щерба показывает, что фонетический облик этих слов-высказываний может колебаться в очень широких пределах и становиться весьма несовершенным, и тем не менее они опознаются, так как у людей смысловые представления ассоциированы с некоторым общим звуковым представлением того или другого слова, со звуковым словом-типом (Щерба, (1912) 1983а).

Далее Л.В.Щерба приходит к тому, что некой абстрактной величиной (типом) следует признать и наименьшую звуковую единицу языка. Как инвариант эта единица представлена в речи множеством вариантов, которые могут сильно различаться по своим физическим свойствам. Таким образом, эта единица является не акустической по существу, а собственно языковой, не имеющей непосредственных физических характеристик. Этим и мотивируется отказ от термина “звук” в пользу термина “фонема”.

Что конституирует фонему как особую единицу? Чтобы быть осознанными, они должны быть связаны в данном языке со смысловыми единицами. Гласный *a*, например, является единицей русского языка и осознается его носителями, потому что в слове *вода* и т.п. с ним связано вполне осознаваемое говорящим значение именительного падежа ед. ч. жен. рода, а в слове *ведя* — значение деепричастия.

У Л.В.Щербы важна идея *автономности* фонемы. К этому его привели наблюдения над разным интонационным оформлением одного и того же слова-высказывания (например, *смеркается*), связанным с той или иной эмоцией (например, радости, неудовольствия и т.д.). Отсюда Л.В.Щерба выводит очень важное для его теории фонемы положение о самостоятельности или автономности фонем.

Таким образом, по его мнению, одна и та же интонация обособляется от конкретных случаев ее реализаций и приобретает автономность не потому, что она обладает определенными акустическими характеристиками. Она обособляется потому, что в каждом случае связана с определенным содержанием, вполне осознаваемым говорящими.

Фонетическая концепция Л.В.Щербы в целом, вплоть до понятия отдельного звука, построена на семантической основе.

“Русские гласные...” содержат два определения фонемы: предварительное и окончательное. Первое гласит: фонема — “это кратчайший элемент общих акустических представлений данного языка, способный ассоциироваться в этом языке со смысловыми представлениями” (Щерба, 1974:116) и второе: “...фонемой называется кратчайшее общее фонетическое представление данного языка, способное ассоциироваться со смысловыми представлениями и дифференцировать слова и могущее быть выделяемо в речи без искажения фонетического состава слова” (Щерба, 1974:121).

В первом определении фонема трактуется только как единица, которая “может что-то значить в данном языке”. Речь в данном случае идет только о конститутивной функции. Способность фонемы дифференцировать слова (различительная функция) в этом определении не фигурирует. Различительная функция, упоминаемая во втором определении, стоит в нем на втором месте. Введение семантического критерия в определение фонемы является существенной чертой, отличающей позицию Л.В.Щербы от позиции И.А.Бодуэна де Куртенэ.

Л.В.Щерба стремился показать, что пара звуков независимо от различия их акустических свойств может в одном языке представлять

разные фонемы, а в другом — два оттенка одной фонемы. Придавая этому положению особо важное значение, исследователь иллюстрирует его в “Русских гласных...” целый ряд примеров: два *e* в русском и во французском, *d* и *d'* тех же языках, два *a* в русском и во французском, два *i* в русском и чешском, два *k* во французском и русском, *l* и *l'* в русском и исландском, два *i* в украинском и чешском, *l* в английском и в русском. Аналогичные примеры содержатся и в других работах. Все это недвусмысленно говорит о том, что в понимании Щербы акустическое сходство или несходство звуков не имеет никакого значения для их фонематического статуса.

Наиболее существенным отличием учения Л.В.Щербы о фонеме от учения И.А.Бодуэна де Куртенэ является трактовка понятия “оттенок”. Указав на то, что его оттенки фонем “являются дивергентами Бодуэна”, Л.В.Щерба пишет, что не все дивергенции являются оттенками фонем, так как понятие И.А.Бодуэна де Куртенэ шире: оно включает и те случаи, когда мы под влиянием этимологического знания воспринимаем как нечто одинаковое то, что в других случаях нами различается. Здесь имеются в виду случаи типа *хода* — *ход* /*xoda* — *xot*/, где *d* и *t* будут, по И.А. Бодуэну де Куртенэ, дивергентами одной фонемы, тогда как в *хода* — *рота* /*xoda* — *gota*/ эти согласные будут разными фонемами. Именно это расхождение с И.А.Бодуэном де Куртенэ имеет принципиальное значение для щербовского учения о фонеме. *В этом вопросе и заключено основное отличие трактовки фонемы Л.В.Щербой от трактовки фонемы Московской фонологической школой.*

Новым по сравнению с учением И.А.Бодуэна де Куртенэ было у Льва Владимировича Щербы и понятие типичного, или основного, т.е. наиболее независимого от фонетической позиции, оттенка. “...Фонемами являются те оттенки, — пишет Л.В.Щерба, — которые находятся в наименьшей зависимости от окружающих условий” (Щерба, 1974:119). Наиболее точную характеристику основного оттенка можно найти в посмертно опубликованной работе “Теория русского письма” (Щерба, 1983б). В ней представлено важное указание на то, что все оттенки “имеют одну и ту же функцию”, после чего говорится: “Среди вариантов или оттенков каждой фонемы обыкновенно выделяется один, который является как бы типовым их представителем. Нормально это тот вариант, который мы произносим в изолированном виде. Очень часто, говоря о фонеме, имеют в виду не всю группу вариантов или оттенков, но лишь этого типового их представителя” (Щерба, 1983б:19).

Обращение к основному оттенку диктовалось как речевым поведением говорящих, так и чисто практическими соображениями. Во-первых, методическими. Л.В.Щерба считал, что усвоение правильного иноязычного произношения возможно только тогда, когда достигнуто владение основными оттенками. Во-вторых, основной оттенок может служить хорошим подспорьем при фонемной идентификации соответствующего сегмента в речевой цепи.

Несмотря на четкое противопоставление понятий фонемы и оттенка, Л.В.Щерба говорил, тем не менее, и о зыбкости границ между ними. Так, он писал, что абсолютной границы между оттенками и фонемами нет, и проводил аналогию с природой, в которой нет никаких резких разделений. Эти границы обычно принимаются нами во внимание только лишь для удобства научного анализа. В действительности же существуют фонемы более самостоятельные и менее самостоятельные (Щерба, 1983а). В качестве иллюстраций он приводит аффрикату [з], встречающуюся в петербургском произношении, и гласные *ы* и *и*. Последний случай он подробно разбирает в “Теории русского письма”. На основании изучения одной группы фактов Л.В.Щерба полагал, что *ы* и *и* “как будто приходится признать вариантами единой фонемы” (Щерба, 1983б:52–54); другие факты заставляли его думать, что “нет оснований сейчас совершенно отказывать *ы* в самостоятельности” (Щерба, 1983б: 52–54).

Сложные отношения, наблюдаемые в некоторых случаях звуковых различий, по мысли Л.В.Щербы, находятся в связи с динамикой фонетических систем. Они отражают процессы зарождения или, наоборот, исчезновения соответствующего фонологического противопоставления, процессы, в которых взаимодействуют фонетические и семантические факторы.

Попутно с рассуждениями об *ы* и *и* в “Русских гласных ...” Л.В.Щерба затронул вопрос о *факторах, обуславливающих принадлежность оттенков одной фонемы*, т.е. парадигматическую идентификацию фонем.

Дополнительную дистрибуцию вариантов как необходимое условие парадигматической идентификации фонемы признают все фонологи, но в качестве второго условия у них, в отличие от Л.В.Щербы, выступает отвергнутый им критерий артикуляторно-акустической близости вариантов одной фонемы, признание которого по существу совпадает с точкой зрения Э.Зиверса.

Трактовка Л.В.Щербой явлений альтернации отличается от взгляда на данное явление И.А.Бодуэна де Куртенэ. В “Восточно-лужицком наречии” (1915) Л.В.Щерба рассматривает в пятой главе “модификации фонем” и в шестой “ассоциации фонем”. Сначала он анализирует фонетические условия образования оттенков фонем, что частично совпадает с дивергенцией И.А.Бодуэна де Куртенэ. Вторая глава посвящена не только историческим чередованиям, которые и И.А.Бодуэн де Куртенэ признавал чередованием разных фонем, но и живым, фонетически обусловленным чередованиям, которые И.А.Бодуэн де Куртенэ считал чередованиями дивергентов одной фонемы. Последнее было неприемлемо для Л.В.Щербы, так как противоречило тезису об автономности фонемы, являющемуся существенным положением щербовской теории фонемы. В силу автономности фонема /р/, например, в слове *лоб* / lɔp/, несмотря на обязательное позиционное чередование с /в/ в слове *лба*, остается противопоставленной фонеме /в/. Таким образом, /в||р/ является живым чередованием фонем, а не чередованием оттенков одной фонемы.

В чередованиях Л.В.Щерба видел один из факторов, определяющих складывание фонем в систему. Главу “Ассоциация фонем” он и начинает с анализа в этом аспекте системы согласных восточнолужицкого наречия.

На Западе учение о фонеме получило распространение лишь в конце 30-х годов. Этому содействовали в значительной степени Н.С.Трубецкой (1890–1938) и Р.О.Якобсон (1896–1982), являвшиеся в то время членами Пражского лингвистического кружка. В последующие годы фонология оказалась базой для развития нового направления в языковедении, так называемой структурной лингвистики. Таким образом, объективно Л.В.Щерба был одним из основателей этого направления.

Наряду с фонологическим, значительное место в творчестве Льва Владимировича Щербы занимает *артикуляторно-акустический аспект фонетики*. Как фонетист Л.В.Щерба отличался тонким фонетическим слухом и способностью прекрасно имитировать звуки других языков, благодаря чему его характеристики звуков отличались исключительной точностью. В этом плане Л.В.Щерба выступает и как общий фонетист, и как фонетист отдельных языков, прежде всего русского и французского.

Вместе с В.А.Богородицким (1857–1941) он может быть назван основоположником *экспериментальной фонетики* в России. Необходимость объективных методов исследования он мотивировал тем, что,

пользуясь только субъективным методом, исследователь невольно находится под воздействием ассоциаций с родным языком или ранее изученными языками. “Даже изошренное ухо, — писал Л.В.Щерба, — слышит не то, что есть, а то, что оно привыкло слышать, применительно к ассоциациям собственного мышления” (Щерба, 1974:138). Исследователь может “услышать” то, чего нет в изучаемом языке, и, наоборот, не заметить тонких акустических различий, которые существенны для данного языка и ясно ощущаются его носителями.

Объективные физиологические и акустические характеристики звуков, вскрываемые с помощью экспериментально-фонетических методов, представляют большой интерес для лингвистов еще и потому, что позволяют исследовать такие явления, внутренний механизм которых мало доступен для прямого наблюдения, например ударение (Щерба, 1974:139).

Отдавая должное объективным методам, Л.В.Щерба считал собственными лингвистическими субъективные методы, что соответствует его тезису о ведущем значении в фонетике лингвистического (фонологического) аспекта. Говоря о субъективном методе, Л.В.Щерба имел в виду прежде всего анализ восприятия того или иного явления носителем данного языка. С фонологической точки зрения такой подход полностью оправдан, так как физические различия звуков, устанавливаемые объективными методами, сами по себе ничего не говорят об их функциональной лингвистической значимости. Ведь одно и то же звуковое различие может в одном языке быть фонологически значимым, а в другом — нет. “...Мы всегда, — писал Л.В.Щерба, — должны обращаться к сознанию говорящего на данном языке индивида, раз мы желаем узнать, какие фонетические различия он употребляет для целей языкового общения” (Щерба, 1974:137).

До 50-х годов нашего века “Русские гласные...” были единственной книгой, в которой акустический анализ звуков речи связывался с отношениями фонем и оттенков, и только в 50-х годах Р.О.Якобсон, Г.Фант и М.Халле создали классификацию различительных признаков фонем на основе акустического анализа. По мысли Л.В.Щербы, фонемный анализ должен обязательно присутствовать при экспериментально-фонетическом исследовании. Он считал, что, пока мы не определим фонемных противопоставлений, мы не знаем объекта, подлежащего объективному исследованию.

Л.В.Щербой была создана оригинальная *универсальная система классификации*, представленная в виде таблиц гласных и согласных. Таблица согласных и сокращенная таблица гласных были опубликованы в “Фонетике французского языка”, а полная таблица гласных увидела свет уже после смерти Л.В.Щербы в статье М.И.Матусевич (Матусевич, 1951).

Л.В.Щерба был сторонником классификации по активным произносительным органам, т.е. по тем органам, от движения и положения которых зависит артикуляция звуков, а следовательно, и определяемый ею акустический эффект. В соответствии с этим и построены его таблицы. Новыми в данной классификации согласных были следующие моменты:

- Различение переднеязычных какуминальных, при образовании которых край передней части языка поднят к нёбу, и ретрофлексных, при образовании которых этот край загнут назад.

- Различение увулярных согласных, при которых активной является нёбная занавеска с маленьким язычком, и глубоких заднеязычных, образуемых поднятием задней части языка.

- Различение гортанных и фарингальных, или глоточных. (Вопреки традиции, звуки типа английского и немецкого *h* были определены Л.В. Щербой как фарингальные, а не гортанные).

- Различение палатализованных и среднеязычных (в таблице это не нашло отражения, так как в ней представлены только основные артикуляции).

- Отнесение аффрикат к смычным в качестве их подвида.

- Различение свистящих и шипящих, как однофокусных и двухфокусных.

- Различение круглощелевых и плоско-щелевых (именно таково, по Щербе, различие английских /s/ и /z/, с одной стороны, и /O/ / / – с другой).

Классификация Л.В. Щербы использовалась многими российскими авторами учебных пособий по фонетике западноевропейских языков, а также и при описании звукового строя многих старописьменных и младописьменных языков.

В теории ударения Л.В. Щерба различал следующие типы ударения: словесное, фразовое (на конце синтагмы), логическое и эмфатическое ударение. Последнее, благодаря своей подчеркнутости, связано с полным типом произнесения.

Л.В. Щерба ввел понятие качественного ударения. Ударность имеет абсолютный, а не относительный характер, и признаки ее заключены в самом качестве элемента, воспринимаемого как ударный (Щерба, 1974: 176—177). Л.В. Щерба различал три фонологические (или семасиологические, как он говорил) функции словесного ударения: 1) функцию членения текста на фонетические слова, к которым относятся и “группы слов с одним знаменательным словом в центре” (Щерба, 1974:213); 2) функцию, которую можно назвать конститутивной, формирующей звуковой облик слова: “Словесное ударение в русском языке, — пишет он, — характеризует слова как таковые, т.е. с точки зрения их значения”; частным случаем этой функции является различие “зрительных омонимов” (ср.: *потѳм* и *пѳтом*, *полкѳ*, и *пѳлки* и т.п.); 3) функцию грамматическую, свойственную языкам со свободным и притом подвижным ударением, примеры: *гѳрода/ городѳ*, *водѳ/вѳду*, *ношѳ/нѳсит*, *нѳс*, *нѳса/носѳк*, *отдѳть/выдѳть* и т.п. (Щерба, 1974:213).

Во многих своих трудах Л.В. Щерба затрагивал некоторые аспекты теории интонации, которые впоследствии стали исходными в последующих исследованиях.

Л.В. Щерба видел в интонации важнейшее выразительное средство. Интонация, по его мнению, является синтаксическим средством, без которого нельзя выразить и понять смысл высказывания и его тонкие оттенки. Наиболее подробная информация об интонации представлена в “Фонетике французского языка” (Щерба, 1963) и особенно в “Теории русского письма” (Щерба, 1983б). Функция интонации в системе языка выступает особенно наглядно, когда интонация является единственным средством выражения синтаксических отношений.

В “Теории русского письма” отмечено еще одно интересное использование интонации: “Только по интонации, — отмечал Л.В. Щерба, — можно различить слова в роли модальных определителей при психологическом сказуемом от тех же слов в роли модальных определителей при всем высказывании, когда они легко образуют отдельную синтагму” (Щерба, 1983б:130).

Интонация имеет решающее значение для выражения семантики высказывания и при наличии какого-либо другого формального средства, так как разные средства, по словам Л.В. Щербы, “на практике нередко противоречат друг другу”. Интонация оказывается более сильным синтаксическим средством, чем другие. Л.В. Щерба делает весьма важный для диахронической лингвистики вывод: он допускает, что утрата

флексии в разных языках может объясняться тем, что “самым могучим средством выражения связи между словами и группами слов является “интонация”, “фразировка” в самом широком смысле слова” (Щерба, 1958:36; Щерба, 1973:35).

Помимо вышесказанного важной функцией интонации является передача эмоций (например, обращение (звательный падеж) может выражать в зависимости от интонации и тембра голоса и ласку, и порицание, и угрозу, и просьбу, и многое другое).

Для понимания Л.В. Щербой функций интонации особое значение имеет ее роль в смысловом членении речи, при котором в качестве минимальной единицы выступает синтагма, уже рассмотренная выше.

Л.В. Щерба противопоставил свое понимание членения потока речи господствовавшему в фонетике представлению, согласно которому это членение определялось не лингвистически, а физиологией дыхания. Таким образом, синтагма — единица синтаксическая по функции и фонетическая по форме. Интонационная целостность синтагмы, обеспечиваемая отсутствием паузы внутри нее и усиленным ударением, делает ее центральным понятием в учении об интонации.

Синтагма Л.В. Щербы получила самое широкое признание в современных интонационных исследованиях и в общей теории интонации. Синтагма как минимальная интонационно-смысловая единица признается тем отрезком речи, в котором реализуются “интонационные конструкции”, “интонационные контуры”, “инто-немы” и т.п. Еще в “Русских гласных...” Л.В. Щерба говорил об известной самостоятельности “интонаций”, выражающих удовольствие, радость и т.п. В “Теории русского письма” он акцентирует единицы, каждая из которых характеризуется особым рисунком интонации и, естественно, связана со смыслом; он называет их “фонемами своего рода” и “интонационными фонемами” (Щерба, 1983б).

Л.В.Щерба разбивает общую теорию письма на две части: во-первых, употребление знаков, обозначающих звуковые элементы языка (значение и употребление букв) и, во-вторых, употребление знаков, обозначающих смысловые элементы языка. “В общем это будет отвечать традиционному делению на “правописание” и “пунктуацию”; только слитное, дефисное и раздельное написание, а также употребление прописных букв при нашем делении переносится из традиционного правописания в пунктуацию (Щерба, 1974:194).

В части, занимающейся значением и употреблением букв, Л.В.Щерба различает графику — правила “изображения фонем” независимо от написания конкретных слов (Щерба, 1963), и орфографию — правила написания конкретных слов. Правила орфографии могут “находиться в отдельных случаях в полном противоречии с правилами первой категории” (Щерба, 1974:195).

В “Теории русского письма” (Щерба, 1983б) Л.В.Щерба рассматривает принципы орфографии: фонетический, морфологический (или этимологический), исторический и иероглифический, иллюстрируя их примерами из русского, французского, немецкого и английского языков.

Л.В.Щерба не успел завершить начатый в последние годы жизни обобщающий труд “Теория русского письма”, но тем не менее он предстает перед нами как большой теоретик русского правописания, исследовавший важные теоретические вопросы: семантизации звуковых различий, разных стилей произношения, отношение орфоэпии к орфографии. Применительно к письму им рассмотрены также слоговое строение, словесное ударение, длительность отдельных звуков. “Теория русского письма”, опубликованная посмертно, заканчивается анализом звукового состава русского литературного языка в его соотношении с графическими средствами. Несмотря на то, что написанное Львом Владимировичем Щербой составляет лишь небольшую часть задуманного, опубликованные материалы значительно обогащают теорию русского правописания (Иванова, 1976).

Литература

- Аванесов Р.А.* О встречах с Львом Владимировичем Щербой // Теория языка: Методы его исслед. и преподавания. — Л., 1981. — С. 3—14.
- Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные труды по общему языкознанию — М 1963 — Т. 1—2; Т.1. — 384 с.; Т.2. — 390с.
- Виноградов В.В.* Синтаксические взгляды и наблюдения академика Л.В.Щербы // Избранные труды: Исслед. по рус. грамматике. — М., 1975. — С. 488 — 516.
- Зиндер Л.Р., Маслов Ю.С.* Л.В.Щерба — лингвист-теоретик и педагог. — Л.; 1982. — 104 с.
- Иванова В.Ф.* Современный русский язык: Графика и орфография. — М., 1976. — 288 с.

- Матусевич М.И.* Л.В.Щерба как фонетик // Памяти академика Льва Владимировича Щербы. – Л., 1951. – С. 70–81.
- Щерба Л.В.* Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Л., 1958. – Т. 1. – 182 с.
- Щерба Л.В.* Фонетика французского языка: Очерк фр. произношения в сравнении с рус.: 7-е изд. – М., 1963. – 309 с.
- Щерба Л.В.* Восточнолужицкое наречие. – Пг., 1915. – Т. I. – I, XXII, 194 с.
- Щерба Л.В.* Преподавание иностранных языков в средней школе. – М.; Л., 1974. – 428 с.
- Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – 428 с.
- Щерба Л.В.* Русские гласные в качественном и количественном отношении. – Л.; 1983а. – 159с.
- Щерба Л.В.* Теория русского письма. – Л.; 1983б. – 132 с.

Основные работы Л.В.Щербы

- Щерба Л.В.* Русские гласные в качественном и количественном отношении. – СПб., 1912. – III-XI+1–155 с. (Л.: 1983а.).
- Щерба Л.В.* Восточнолужицкое наречие. – Пг., 1915. – Т. 1. – I-XXII. – 194 с.
- Щерба Л.В.* Фонетика французского языка: Очерк фр. произношения в сравнении с рус. – Л.; М., 1937. – 256 с. (7-е изд.: М.; 1963).
- Щерба Л.В.* Преподавание иностранных языков в средней школе. – М.; Л., 1947. – 1947. – 96 с.
- Щерба Л.В.* Избранные работы по русскому языку. – М., 1957. – 188 с.
- Щерба Л.В.* Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Л., 1958. – Т. 1. – 182 с.
- Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – 428 с.
- Щерба Л.В.* Теория русского письма. – Л., 1983б. – 132 с.
- Библиографию работ Л.В. Щербы см.: Зиндер Л.Р., Маслов Ю.С.* Л.В.Щерба – лингвист-теоретик и педагог. – Л., 1982. – С. 99–100.

Основные работы о Л.В. Щербе

- Аванесов Р.И.* Лев Владимирович Щерба // Рус. яз. за рубежом. – М., 1980. – № 2. – С. 68–71.
- Бендукидзе С.М.* Л.В.Щерба и его зарубежные коллеги: (К 25-летию со дня смерти) // Рус. яз. в шк. – М., 1969. – № 6. – С. 94–98.

- Бернштейн С.И., Виноградов В.В., Ларин Б.А., Лоя Я.В.* Л.В. Щерба: (По случаю исполнившегося шестидесятилетия со дня его рожд.) // Рус. яз. в шк. — М., 1940. — № 6. — С. 85–86.
- Бондарко Л.В.* Лев Владимирович Щерба // Рус. речь. — М., 1980. — № 2. — С. 103–105.
- Бондарко Л.В., Лилич Г.А., Николаева Т.М.* Чехословацкие языковеды о Л.В.Щербе // Вопр. языкознания. — М., 1978. — № 3. — С. 116–125.
- Будагов Р.А.* Академик Лев Владимирович Щерба: (1880–1944) // Рус. яз. за рубежом. — М., 1972. — № 2. — С. 57–61; Перепечатано в КН.: Будагов Р.А. Человек и его язык. — М.: 1974. — С. 195–202.
- Булахов М.Г.* Щерба Лев Владимирович // Восточнославянские языковеды: Библиографический словарь. — Минск, 1978. — Т. 3. — С. 285–302.
- Виноградов В.В.* Синтаксические взгляды и наблюдения академика Л.В.Щербы // Избранные труды: Исслед. по рус. грамматике. — М., 1975. — С. 488–516.
- Зиндер Л.Р., Бондарко Л.В.* Академик Л.В.Щерба // Вестн. АН СССР. — М., 1980. — № 6. — С. 107–115.
- Зиндер Л.Р., Матусевич М.И.* Лев Владимирович Щерба: (1880–1944) // Рус. речь. — М., 1968. — № 5. — С. 42–45.
- Зиндер Л.Р., Матусевич М.И.* Л.В.Щерба: Основные вехи его жизни и научного творчества // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. — Л., 1974. — С. 5–23.
- Истрина Е.С.* Л.В.Щерба как лексикограф и лексиколог // Памяти академика Льва Владимировича Щербы. — Л., 1951. — С. 82–87.
- Кодухов В.И.* Лев Владимирович Щерба // Рус. яз. в шк. — М., 1980. — № 2. — С. 99–106.
- Колесов В.В.* Л.В.Щерба. (Языковед). — М.; 1987. — 160 с.
- Люлько Н.П., Матусевич М.И.* Л.В.Щерба // Русское языкознание в Петербургском-Ленинградском университете— Л., 1971. — С. 102–119.
- Матусевич М.И.* Л.В.Щерба как фонетик // Памяти академика Льва Владимировича Щербы. — Л., 1951. — С. 73–81.
- Обнорский С.П.* Памяти академика Льва Владимировича Щербы // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. — М., 1945. — Т.4, вып. ³/₄. — С. 167–169; Перепечатано в кн.: Обнорский С.П. Избранные работы по русскому языку. — М., 1960. — С. 330–335.
- Текучев А.В.* Академик Л.В.Щерба в методике и о методике как науке (К 85-летию со дня рождения и 20-летию со дня смерти) // Рус. яз. в шк. — М., 1965. — № 4. — С. 84–88.
- Теория языка: Методы его исследования и преподавания:* К 100-летию со дня рожд. Л.В.Щербы. — Л., 1981. — 291 с.
- Щерба Д.Л.* Лев Владимирович Щерба: 1880–1944) // Памяти академика Льва Владимировича Щербы. — Л 1951. — С. 7–22.

В.М.Алпатов
НИКОЛАЙ ФЕОФАНОВИЧ ЯКОВЛЕВ

Выдающийся отечественный лингвист Николай Феофанович Яковлев (9.(21).5.1892–30.12.1974) совмещал в себе крупного теоретика языка, прежде всего в области фонологии, выдающегося исследователя кавказских языков и ведущего теоретика и практика языкового строительства в СССР, создателя большого количества алфавитов.

Николай Феофанович родился на хуторе Булгурин Области Войска Донского (по нынешнему административному делению – Еланский район Волгоградской области) в дворянской семье, однако с детства и до конца жизни жил в Москве. В 1911 г. он окончил Первую московскую гимназию и поступил на историко-филологический факультет Московского университета, который окончил в 1916 г. Со студенческих лет он был знаком с учившимся раньше Николаем Сергеевичем Трубецким (1890–1938) и учившимися на младших курсах Романом Осиповичем Якобсоном (1896–1982), Петром Григорьевичем Богатыревым (1893–1971) и Григорием Осиповичем Винокуром (1896–1947), вместе с тремя последними он организовал Московский лингвистический кружок, существовавший до 1924 г. В университете Николай Феофанович был воспитан в традициях Московской лингвистической школы, среди его учителей – Виктор Карлович Поржезинский (1870–1929), Дмитрий Николаевич Ушаков (1873–1942), Николай Николаевич Дурново (1876–1937). В студенческие годы его интересы колебались между языкознанием и этнографией, его первой публикацией стала статья о женской одежде донских казаков.

После окончания университета обстоятельства жизни на несколько лет оторвали Николая Феофановича от науки. В том же 1916 г. он был призван в армию. Он участвовал в Октябрьской революции в Москве, в 1918 г. был начальником Информационного бюро политотдела Штаба Московского военного округа, был принят в партию большевиков, в 1918–1919 гг. заведовал секцией гуманитарных наук Отдела реформы школы Наркомпроса. С 1919 г. он, однако, вернулся к научно-педагогической деятельности, в связи с чем ему пришлось выйти из партии. В 1919–1920 гг. Яковлев преподавал в Саратовском университете, в 1920 г. вернулся в Москву.

С 1920 г. начались экспедиции ученого на Северный Кавказ, продолжавшиеся с перерывами около 30 лет. Во время экспедиций он и его сотрудники (Л.И.Жирков, М.К.Шиллинг и др.) обследовали Адыгею, Черкессию, Кабарду, Ингушетию, Чечню, Дагестан, Абхазию. В 1924 г. Николай Феофанович основал Комитет по изучению языков и этниче-

ских и национальных культур Северного Кавказа, затем преобразованный в Институт этнических и национальных культур народов Востока, где Яковлев был заместителем директора.

Его деятельность на Кавказе в 20–30-е годы была разнообразной. Он занимался не только языком: изучал быт, материальную и духовную культуру кавказских народов, собирал фольклор, консультировал учителей и начинающих писателей, составлял буквари и учебники, разрабатывал орфографию, одним из первых стал заниматься использованием кино для этнографических исследований. Из его работ этнографического характера отметим книгу об ингушах (Яковлев, 1925) и брошюры о дагестанских кустарных промыслах.

Уже с начала 20-х годов ведущее место в публикациях Яковлева занимает лингвистика. Первая его крупная работа – «Таблицы фонетики кабардинского языка» (Яковлев, 1923), где впервые изложена его фонологическая концепция.

В 1925 г. в Баку был создан Всесоюзный центральный комитет нового алфавита (ВЦКНА), в 1930 г. переведенный в Москву и просуществовавший до 1937 г. Николай Феофанович возглавил его Технографическую комиссию, став по существу научным руководителем деятельности комитета. Как писал М.В.Панов, «многообразным было его участие в общей работе. В создании одних алфавитов он был главный работник, других – помогал совершенствовать, консультировал на разных этапах их готовности. Принимал участие в «доводке» третьих. Четвертые алфавиты строились с учетом конкретного опыта Н.Ф.Яковлева, его достижений. Наконец, создатели пятой группы алфавитов не следовали конкретному опыту Н.Ф.Яковлева, но принимали во внимание его теорию» (Панов, 1974: 322). В итоге было создано к 1936 г. более 70 новых алфавитов на латинской основе (Яковлев, 1936: 29). Особенно велика роль Яковлева в создании алфавитов для языков Северного Кавказа.

Одним из эпизодов алфавитной деятельности ученого стала разработка латинского алфавита для русского языка. Яковлев писал: «Территория русского алфавита представляет собою в настоящее время род клина, забитого между странами, где принят латинский алфавит Октябрьской революции, и странами Западной Европы, где мы имеем национально-буржуазные алфавиты на той же основе... Сейчас должен быть создан новый алфавит – алфавит социализма» (Яковлев, 1930: 35–36). В 1929–1930 гг. комиссия под его руководством подготовила три варианта латинского алфавита для русского языка. Эти проекты были

хорошо научно обоснованы, но не учитывали традиций и привычек носителей русского языка, уже несколько веков использующих кириллицу; они остались неосуществленными (см. Ашнин, Алпатов, 2001; Alpatov, 2001).

Во второй половине 20-х годов исследования Николая Феофановича по фонологии и кавказоведению получили международную известность, его труды рецензировали А.Мейе, Н.Трубецкой. В 1926 и 1928 гг. Яковлев был за границей, где выступал с докладами. Его главный теоретический труд тех лет «Теория фонем» (1928–1929), однако, не был издан и, по-видимому, не сохранился. В кратком виде фонологическая концепция ученого была изложена в известной статье «Математическая формула построения алфавита», изданной в публикациях ВЦКНА (Яковлев (1928) – 1970).

В 30-е годы Николай Феофанович помимо работы в ВЦКНА заведовал кавказским сектором Института языков и письменностей национальностей СССР, преподавал в Московском институте востоковедения и в других вузах. После установления в советском языкознании господства марризма он подвергался постоянной травле. В то же время, сохраняя независимость от марризма в вопросах фонологии и конструирования письменностей, он в трактовке ряда проблем, особенно связанных с историей языков, испытал влияние марризма, что проявилось в исторических частях его кавказских грамматик и в брошюре о происхождении языка, написанной в соавторстве с историком первобытного мира В.К.Никольским (Яковлев, Никольский, 1945).

В 30–40-е годы Яковлев написал пять фундаментальных грамматик кавказских языков: адыгейского, кабардинского, чеченского, ингушского и абхазского. Однако до войны удалось издать лишь адыгейскую грамматику совместно с адыгейским ученым Д.А.Ашхамафом и первую часть чеченской грамматики. Уже после войны была издана и кабардинская грамматика; «Грамматика кабардинского языка» стала также темой его докторской диссертации, защищенной в 1946 г. Издание ингушской грамматики и второй части чеченской грамматики задержалось из-за трагической судьбы соответствующих народов, абхазской грамматики — из-за противодействия последователей Н.Я.Марра. Вторая часть чеченской грамматики вышла лишь в 1960 г. без участия автора, отошедшего к тому времени от науки; ингушская и абхазская грамматики не изданы до сих пор.

В первые послевоенные годы Николай Феофанович был профессором (звание получил в 1947 г.) Московского института востоковедения и Военного института иностранных языков; институт, в котором он заведовал сектором, вошел в состав Института языка и мышления АН СССР, реорганизованного в 1950 г. в академический Институт языкознания. В 1950 г. после критики марризма И.В.Сталиным ученый попал в число прорабатываемых, хотя разделял идеи Н.Я.Марра далеко не полностью. В отличие от других жертв проработок он пытался проявить самостоятельность, продолжая спорить с В.В.Виноградовым, А.С.Чикобава и др. В результате его судьба оказалась особенно печальной. Сначала Яковлев был отстранен от заведования сектором, а в августе 1951 г. он как «неразоружившийся маррист» был уволен из Института языкознания, отстранен он был и от преподавания.

Попытки Николая Феофановича восстановиться на работе через суд успеха не имели. В результате он психически заболел и так и не смог вернуться к научной деятельности. Последние 23 года он жил в Москве, находясь вне науки.

Основные теоретические интересы Яковлева лежали в области фонологии, в то время наиболее развитой области языкознания. Приняв сформированное И.А.Бодуэном де Куртенэ и Л.В.Щербой разграничение звука и фонемы, он не принял свойственное Бодуэну де Куртенэ, Е.Д.Поливанову и первоначально Щербе психологическое понимание фонемы. Он писал в 1928 г.: «Я вполне присоединяюсь к выводам проф. Л.В.Щербы, что в каждом языке существует строго ограниченное количество звуков — «фонем», однако в отличие от последнего я даю этому факту чисто лингвистическое толкование. Именно — фонемы выделяются, по моему мнению, не потому, что они сознаются каждым отдельным говорящим, но они потому и сознаются говорящими, что в языке, как социально выработанной грамматической системе, эти звуки выполняют особую грамматическую функцию. Грубо говоря, можно сказать вслед за Усларом, что фонемы — это те звуки, с помощью которых происходит различение слов в языке. Точнее говоря, мы должны признать фонемами те звуковые отличия, которые выделяются в речи как ее кратчайшие звуковые моменты в отношении к различению значимых элементов языка» (Яковлев, 1928б: 46).

В качестве предшественника в данной области Яковлев рассматривал выдающегося русского исследователя кавказских языков П.К.Услара (1816–1875), работавшего в 60–70-е годы XIX в.; именно

им идеи Услара были введены в научный оборот. Но систематическая фонологическая теория, основанная на функции смысловоразличения и отвлекающаяся от психологических и других экстралингвистических характеристик, была создана именно Николаем Феофановичем. Впервые она была сформулирована в (Яковлев, 1923), тогда как Н.Трубецкой и Р.Якобсон начали публиковать работы, содержавшие аналогичные идеи, лишь в конце 20-х годов. Однако яковлевская концепция была отражена в опубликованных трудах далеко не полностью и не получила большой известности за рубежом, тогда как более разработанные теории Н.Трубецкого у Р.Якобсона стали значительно более популярными.

Фонологические исследования для ученого были тесно связаны с его практической деятельностью по языковому строительству. С одной стороны, фонология стала теоретической базой для конструирования алфавитов, чего не могла обеспечить традиционная фонетика; с другой стороны, разнообразные по строю языки народов СССР давали обширный материал для разработки теории; на этот материал, введенный в научный оборот Яковлевым и его сотрудниками, во многом опирался и Н.Трубецкой в «Основах фонологии».

Как отмечает исследователь научного творчества Яковлева (Журавлев, 1988: 16–17), в развитии фонологической теории значительную роль сыграли не столько фонетисты, сколько лингвисты, занимавшиеся проблемами письменности. Сам Яковлев отмечал, что и создатели алфавитов уже были «стихийными фонологами». На письме должны отражаться не все доступные наблюдению звуковые различия, а лишь релевантные для функционирования языка, т.е. фонологические. Возможно взаимно однозначное соответствие между фонемами и буквами, однако, как отмечал Николай Феофанович, такое соответствие не всегда удобно для практики, поскольку количество букв может оказаться слишком большим. Именно в связи с этим была разработана «математическая формула построения алфавита», дающая возможность обходиться минимально необходимым числом букв. Здесь сознательно для конструирования алфавитов был использован прием, стихийно сложившийся в кириллическом алфавите для русского языка: большое количество пар согласных фонем, противопоставленных по твердости/мягкости, передается одними и теми же буквами, но для передачи мягкости соседнего согласного используются дополнительные буквы *я, ю, ё*; дополнительно также оказывается необходимой буква для передачи мягкости не перед гласной: *ь*. «Математическая формула» Яковлева использовалась для

конструирования ряда алфавитов на латинской, а затем и на кириллической основе.

Фонологические идеи Николая Феофановича повлияли на формирование идей сложившейся в 30-е годы Московской фонологической школы, один из основателей которой Алексей Михайлович Сухотин (1888—1942) был учеником Яковлева. Впоследствии представители школы указывали на сходство своих идей с яковлевскими (Реформатский, 1970: 16—21); см. особенно такие слова: «И, несмотря на то, что Николай Феофанович организационно не был членом Московской фонологической школы, он был ее представителем» (Реформатский, 1970: 21).

У Яковлева почти нет специальных работ, посвященных теории грамматики, однако в его грамматиках кавказских языков постоянно рассматриваются проблемы теоретического характера, многое здесь имело пионерский характер и сохраняет свое значение и сегодня. Можно отметить, например, идеи в его адыгейской грамматике о построении для агглютинативных языков грамматики порядков, в которой определяется ранг того или иного аффикса, связанный с той или иной грамматической категорией, и выявляется сочетаемость аффиксов разных рангов, в результате оказывается возможным построить исчисление системы многочисленных форм слова в этих языках. Эти идеи были затем развиты в (Ревзин, Юлдашева, 1969) и других работах. Отметим также строгое разграничение синтаксической, коммуникативной и семантической структур предложения, что для 30—40-х годов было не столь частым.

Большое место в кавказских грамматиках Яковлева занимают разыскания исторического характера, прежде всего попытка реконструкции развития кавказских языков в дописьменный период. При этом активно использовался метод внутренней реконструкции. Наряду с выдвижением ряда интересных гипотез в этой части наследия ученого можно видеть отрицательное влияние «нового учения о языке» Н.Я.Марра: сложные и многообразные процессы Николай Феофанович должен был втискивать в предусмотренные этим «учением» рамки однонаправленного развития «от простого к сложному», несомненная омонимия трактовалась как пережитки «первобытного диффузного состояния».

Во многих статьях 20—30-х годов Николай Феофанович подробно высказывался по вопросам социолингвистики, прежде всего языковой политики. Им было разработано и изложено в печати немало рекомендаций по разнообразным проблемам: для каких народов и в каких ситуациях необходимо создавать собственные письменности, а какие рацио-

нально обучать грамоте на языке более крупного родственного народа, как нужно выбирать опорный диалект для создания литературной нормы, на каком языке следует вести лишь начальное образование, на каком также и среднее, а на каком — организовать все виды образования, включая высшее; особенно здесь выделяется статья (Яковлев, 1928а). Много он писал и по вопросам выбора письменности, выступая сторонником всеобщей латинизации, см. (Яковлев, 1925).

Творческий путь Николая Феофановича не был ровным, и не все из созданного им равноценно. Однако лучшие из его работ позволяют говорить о нем как об одном из самых значительных отечественных лингвистов первой половины XX в. К сожалению, не все из созданного им дошло до нас, а ряд его трудов до сих пор не опубликованы.

Литература

- Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М.* Putin za realjnije çeli // Независимая газ. — М., 2001. — 31 марта.
- Журавлев Н.К.* Н.Ф. Яковлев и фонология // Н.Ф.Яковлев и советское языкознание. — М., 1988. — С. 16–31.
- Панов М.В.* Теория фонем Н.Ф.Яковлева и создание новых письменностей в СССР // Народы Азии и Африки. — М., 1974. — № 4. — С. 310–323.
- Реформатский А.А.* Из истории отечественной фонологии. — М., 1970. — 528 с.
- Ревзин И.И., Юлдашева Г.Д.* Грамматика порядков и ее использование // Вопр. языкознания. — М., 1969. — № 11. — С. 42–56.
- Яковлев Н.Ф.* Таблицы фонетики кабардинского языка. — М., 1923. — 129 с.
- Яковлев Н.Ф.* Ингуши. — М., 1925. — 134 с.
- Яковлев Н.Ф.* Проблемы письменностей восточных народов // Новый Восток. — М., 1925. — Кн. 10/11. — С. 236–242.
- Яковлев Н.Ф.* Развитие национальной письменности у восточных народов Советского Союза и зарождение их национальных алфавитов // Рев. Восток. — М., 1928а. — № 3. — С. 206–234.
- Яковлев Н.Ф.* Математическая формула построения алфавита // Культура и письменность Востока. — Баку, 1928б. — Кн. 1. — С. 41–64. Переиздано в: *Реформатский А. А.* Из истории отечественной фонологии. — М., 1970. — С. 123–148.
- Яковлев Н.Ф.* За латинизацию русского алфавита // Культура и письменность Востока. — Баку, 1930. — Кн. 6. — С. 27–43.
- Яковлев Н.Ф.* О развитии и очередных проблемах латинизации алфавитов // Революция и письменность. — М., 1936. — Вып. 2. — С. 26–38.

- Яковлев Н.Ф., Никольский В.К.* Как люди научились говорить. — М., 1945. — 39 с.
- Алатов V.M.* Un projet peu connu de latinization de l'alphabet russe // *Slavica occitania*. — Toulouse, 2001. — № 12: Alphabets slaves et interculturalités. — P. 13–28.

Основные работы Н.Ф.Яковлева

- Яковлев Н.Ф.* Таблицы фонетики кабардинского языка. — М., 1923. — 129 с.
- Яковлев Н.Ф.* Математическая формула построения алфавита // *Культура и письменность Востока*. — Баку, 1928. — Кн.1. — С.41–64.
- Яковлев Н.Ф.* Краткий обзор черкесских (адыгских) наречий и языков. — Ростов н/Д., 1928.
- Яковлев Н.Ф.* Краткая грамматика кабардинско-черкесского языка — Ворошиловск, 1938. — Вып.1: Синтаксис и морфология.
- Яковлев Н.Ф.* Синтаксис чеченского литературного языка. — М., 1940. — 320 с.
- Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д.* Грамматика адыгейского литературного языка. — М., 1941. — 464 с.
- Яковлев Н.Ф.* Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. — М., Л., 1948. — 372 с.
- Яковлев Н.Ф.* Морфология чеченского языка. — Грозный, 1960. — 239 с.

Основные работы о Н.Ф.Яковлеве

- Ашнин Ф.Д., Журавлев В.К.* Принципы фонемологии: (К 90-летию Н.Ф.Яковлева) // *Вопр. языкознания*. — М., 1983. — № 6. — С. 127–134.
- Ашнин Ф.Д., Алатов В.М.* Жизнь и труды Николая Феофановича Яковлева // *Изв. РАН. Сер. лит. и яз.* — М., 1994. — Т. 54, № 4. — С. № 5. — С. 77–85.
- Климов Г.А., Панов М.В., Реформатский А.А.* Из истории отечественного языкознания 20–40-х годов: Н.Ф.Яковлев (1892–1974) // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* — М., 1975. — Т. 34, №4. — С. 362–367.
- Панов М.В.* Теория фонем Н.Ф.Яковлева и создание новых письменностей // *Народы Азии и Африки*. — М., 1974. — № 4. — С. 310–323.
- Реформатский А.А.* Из истории отечественной фонологии. — М., 1970. — С. 16–21.
- Н.Ф.Яковлев и советское языкознание*. — М., 1938. — 53 с.
- Aşnin F.D., Alatov V.M.* N.F.Jakovlev (1892–1974) // *Une famille étrange: La Linguistique russe et soviétique*. — P., 1995. — P. 147–161.

- Cuipers E.H.* Caucasian studies // Soviet and East European Linguistics. – The Hague, 1963. – P. 318–320.
- M(eillet) A. N.* Jakovlev: Materials for the Kabarden dictionary // Bull. de la soc. de linguistique de Paris. – P., 1929. – Vol. 29.

А.А.Леонтьев
ЛЕВ ПЕТРОВИЧ ЯКУБИНСКИЙ

Лев Петрович Якубинский – один из самых ярких советских языковедов 20–40-х годов XX в., видный специалист по русскому языку и его истории, общему языкознанию, теории поэтической речи, ученик И.А. Бодуэна де Куртенэ. Профессор.

Л.П.Якубинский родился в г. Киеве в 1892 г. (точная дата не выяснена), умер в Ленинграде 23 августа 1945 г. Учился в гимназии, затем в кадетском корпусе. По завершении среднего образования в 1909 г. поступил на историко-филологический факультет Киевского университета и в том же году перевелся на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Еще в 1908–1909 гг. в издании «Литературно-научный сборник» печатались его стихотворения, а также статьи и заметки о русских писателях.

В Петербургском университете Якубинский стал учеником Ивана Александровича (Яна Игнаци Нецислава) Бодуэна де Куртенэ (1845–1929), члена-корреспондента Российской академии наук, гениального лингвиста, во многом определившего развитие мирового языкознания в XX в. В 1911 г. он пишет свою первую научную работу – «Психофонетические нули в русском языковом мышлении», удостоенную серебряной медали по отзыву И.А.Бодуэна де Куртенэ. Обращает на себя внимание, что само название этой – как мы бы теперь сказали – курсовой работы соответствует концепции Бодуэна. Якубинский слушал у Бодуэна введение в языковедение, сравнительную грамматику славянских и индоевропейских («ариевропейских») языков, занимался у него чтением Ригведы, резьянскими говорами словенского языка, литовским языком. Его учителями были также М.Р.Фасмер (древнегреческие диалекты, албан-

ский язык), Л.В.Щерба (экспериментальная фонетика), А.А.Шахматов (русский и сербохорватский языки).

Окончив университет в 1913 г., Якубинский был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию (эквивалент нынешней аспирантуры). Одновременно он преподает в средней школе (с 1913 по 1922 г.), а также (в 1915–1916 г.) на высших курсах П.Ф.Лесгафта и на высших курсах Лохвицкой-Скалон, читая курс общего языковедения. В эти годы Якубинский вошел в круг людей, позже выступивших под флагом ОПОЯЗа – Общества по изучению поэтического языка. Среди них был Виктор Борисович Шкловский, автор брошюры «Воскрешение слова» (1913) – теоретического манифеста этой группы; Осип Максимович Брик; Владимир Владимирович Маяковский; известный лингвист (тоже любимый ученик Бодуэна) Евгений Дмитриевич Поливанов и др. Якубинский принял активное участие в подготовке «Сборников по теории поэтического языка»: первый из них вышел в 1916 г., второй в 1917, а третий в 1919; этот последний сборник носил название «Поэтика» и частично включал в себя материалы первых двух. Якубинский опубликовал в каждом сборнике по статье (а в «Поэтике» их оказалось целых три).

Отношение Бодуэна к своему ученику ясно видно из его письма В.А.Богородицкому от 1915 г.: обсуждая, кто бы мог занять вакантную кафедру в Казанском университете, Бодуэн называет Якубинского в числе трех наиболее подходящих кандидатур (две другие – К.К.Буга и В.Б.Томашевский, осетиновед, в дальнейшем ректор Бакинского, а затем Ленинградского университета). И неудивительно – в отзыве Бодуэна о медальном сочинении Льва Петровича уже в 1911 г., когда Якубинскому было всего 19 лет, было сказано: «Теоретические соображения автора изобличают человека, очень тонко мыслящего и глубоко проникающего в суть предмета» (цит. по: Якубинская-Лемберг 1949: 5).

Сразу после революции Якубинский выступает как один из создателей Института живого слова в Петрограде. Инициатором создания этого института был известный театровед и музыковед В.Н.Всеволодский-Гернгросс. Он был открыт при поддержке и при участии наркома просвещения А.В.Луначарского 15 ноября 1918 г. Якубинский выступал на торжественном акте открытия. 20 ноября начались лекции; в числе лекторов были Луначарский, А.Ф.Кони, Л.В.Щерба, В.И.Чернышев, Ф.Ф.Зелинский, С.М.Бонди, Н.С.Гумилев, С.И.Поварнин, К.А.Эрберг, Н.А.Энгельгардт и другие выдающиеся спе-

циалисты. Л.П.Якубинский читал два курса — «Эволюция речи» и «Семантика речи». В числе намеченных на 1918/19 академический год докладов значится «Слово и знак», докладчиком не мог быть никто, кроме Якубинского (неизвестно, впрочем, состоялся ли доклад вообще).

Кроме Института живого слова в 1918—1919 гг. Якубинский преподавал также в 3-м Педагогическом институте (позднее ЛГПИ им.А.И.Герцена) — интересно, что в должности профессора, хотя ему было всего 26 лет! В то же время он вел административную работу в системе Наркомпроса и продолжал преподавать в школе русский язык.

В 1917 г. сдал три магистерских экзамена. Четвертый (сравнительное языкознание) был сдан им в 1923 г.; тогда же он прочел в университете две пробные лекции («Об арго одного из детских домов» и «Отражение в чакавских говорах») и был назначен доцентом университета с поручением ему курса общего языковедения.

В 1923 г. Якубинский увлекся учением акад. Н.Я.Марра, приняв его принципиальные положения. Со свойственной ему искренностью Л.П. отказывается от некогда принятых им лингвистических позиций. Совместная работа с академиком Н.Я.Марром укрепляет и расширяет понимание Львом Петровичем основ марксистско-ленинского языковедения. Николай Яковлевич высоко ценил Льва Петровича как лингвиста, о чем он неоднократно высказывался устно и письменно.

Когда в 1932 г. Н.Я.Марр получил предложение Учпедгиза взять на себя редактирование «Курса общего языкознания» и организовать составление этой книги, Николай Яковлевич обратился с письмом к Л.П., в котором, между прочим, писал: «Я бы охотно проредактировал работу, если бы Вы взяли на себя ее составление, так как считаю Вас одним из наиболее подготовленных это сделать» (Якубинская-Лемберг, 1949: 5—6). Эти слова жены и соратницы Льва Петровича Эрики Антоновны Якубинской-Лемберг (1895—1961) были написаны в 1949 г., когда «новое учение о языке» Марра вновь, и успешно, боролось за монополизм в советском языкознании и когда высокая оценка из уст Марра была своего рода пропуском в печать для некролога Якубинского. Хуже того — совсем недавно один из «вождей» возрождающегося марризма, Ф.П.Филин, заклеил уже покойного Якубинского в ряду других «индоевропейцев» — Виноградова, Реформатского, Булаховского, Бубриха и тоже уже покойного Селищева (Филин, 1948). Даже из этого видно, что на самом деле отношения Марра и его сторонников и Якубинского не

были такими простыми и безоблачными, как это получается у Э.А.Якубинской-Лемберг.

Обращает на себя внимание год, когда Л.П. начал увлекаться учением Марра. Именно в этом году Марр от «яфетической теории» перешел к «новому учению о языке», окончательно выйдя за пределы науки. Что привлекло в этом научном «мифе» (если пользоваться удачным словом В.М.Алпатов) блестящего лингвиста-«индоевропеиста», ученика Бодуэна и Щербы? Мы сейчас вернемся к этому, а пока хотели бы кое-что уточнить. В.М.Алпатов (1991: 62) говорит, что «А.А.Леонтьев возводит увлечение Якубинского Марром к 1923 г... Но сам Якубинский связывал его с привлечением к работе по числительным в 1925 г...». Однако дату 1923 называет Э.А.Якубинская-Лемберг, на которую мы и опирались в своей датировке. Н.Я.Марр писал, что Якубинский уже до начала их совместной работы над числительными (см. ниже) приступил «к изучению основного по разработанности яфетического языка — грузинского» (Марр, 1927: V).

Итак, что могло привлечь Якубинского в «новом учении о языке»? Во-первых, резкая критика традиционной индоевропеистики. В одной из рукописных заметок 30-х годов Якубинский сам объяснил, что его в ней не устраивало: «Гипотеза праязыка... была абсолютизирована, гипертрофирована, превратилась во всеобщее механически применяемое средство объяснения сходств между языками, забывая об их различиях. Сравнительный метод превратился в своеобразную отмычку, открывающую все двери, в воровской ключ “соловей”, открывающий все замки. Открывающий ли? В том-то дело, что нет!» (цит. по: Леонтьев 1986: 8).

Во-вторых, сказалось повышенное внимание Якубинского к семантическим процессам в языке, к тенденциям и изменениям, общим для целых семантических групп и подчиняющим себе более частные явления, обычно анализируемые независимо. Это особенно ясно видно в статье «Несколько замечаний о словарном заимствовании» (1926) и в его курсе семантики, читавшемся в Институте живого слова. И не случайно во многих более поздних работах Лев Петрович брал у Марра прежде всего методику стадийно-семантического исследования.

Наконец, в-третьих, для Якубинского уже в «домарровский» период был характерен острый интерес к вопросам психологии и социологии, сочетавшийся с уникальной эрудицией в области философии, психологии, этнографии. И его не могли не привлечь схожие устремления Марра.

Самой ортодоксально марристской работой Л.П. была его статья «К палеонтологии названий для «половины»» (1927). Она была связана с начавшейся в конце 1925 — первой половине 1926 г. деятельностью «Группы Числительных», проходившей под руководством самого Н.Я.Марра; в нее входили сотрудники Яфетического Института Академии наук и сотрудники Института по изучению языков и литератур Запада и Востока при Ленинградском университете (ИЛЯЗВ), в числе которых и был Якубинский. Помимо этой статьи Якубинский сделал доклад «О словах, означающих неопределенное множество» (Марр, 1927: V).

В статье Л.П. употребляет всю марровскую терминологию — он пишет о палеонтологической морфологии, «салских», «берских» и «ионских» словах (от «сал-бер-йон-рош») и т.д. Однако при чтении чувствуется рука профессионального компаративиста. Это видел и Марр — в его предисловии к сборнику Якубинский фигурирует как «индоевропеист» или «индоевропеист по своей школе». Учитывая, что, по Марру, «ставить... яфетическую теорию рядом с индоевропеистикой это значит пятиться неизвестно во имя чего назад» (Марр, 1927: XII), это едва ли можно назвать комплиментом. Правда, в 1931 г., в известной брошюрке Аптекаря и Быковского, Якубинский не значится ни в списке «представителей буржуазного идеалистического языкознания» (куда вошли Богородицкий, Бубрих, Булаховский, Дурново, Карский, Петерсон, Пешковский, Поливанов, Ушаков, Щерба), ни среди тех, кто «объективно выступает... как организаторы сопротивления делу разгрома индоевропеизма» (Волошинов, Лоя, Данилов, Ломтев), ни даже среди «лиц, тормозивших и тормозящих в настоящее время развитие яфетической теории» (сюда в числе других были включены коллеги Л.П. по сборнику о числительных — Долобко, Брим, Розенберг, а также Генко, Дондуа, Орбели, Петров, Струве, Шишмарев и опять же Щерба). Более того, в сборнике «Против буржуазной контрабанды в языкознании» есть и статья Якубинского, критикующая социолингвистические построения Г.Данилова. Другой вопрос, что эта статья написана совершенно не в стилистике Якубинского, — мы бы не удивились, если бы когда-нибудь выяснилось, что он ее только отредактировал или даже только подписал...

После смерти Марра в 1934 г. интерес Л.П. к его концепциям заметно падает. Впрочем, в эти годы Якубинский вообще писал и особенно печатал очень мало.

Но вернемся к 1923 г. Начиная с этого времени он всю дальнейшую жизнь оставался вузовским педагогом: был доцентом, а затем про-

фессором Ленинградского университета, профессором пединститута им. А.И.Герцена и пединститута им.М.М.Покровского (с 1934 до 1943 г.; он был профессором, заведующим кафедрой, деканом литературного факультета), Института агитации им. В.В.Володарского, Фонетического института. С 1921 и до 1937 г. Лев Петрович работает в ИЛЯЗВе – Институте сравнительного изучения языков и литератур Запада и Востока, который позже стал Государственным институтом речевой культуры (ГИРК), а потом – Ленинградским НИИ языкознания (Якубинский был его сотрудником, затем ученым секретарем, а с 1933 по 1936 г. – директором). С 1924 г. он сотрудничал в Яфетическом институте, позже переименованном в Институт языка и мышления им. Н.Я.Марра. Работал также в Государственном институте истории искусств, был старшим редактором ленинградского отделения Учпедгиза (1923–1933), а одно время даже «командовал» всей ленинградской наукой – возглавлял Отдел научных учреждений Ленинградского отделения Главнауки (1924–1927) и был его инструктором. Схожий «послужной список» был у многих других выдающихся ученых того времени. Характерно, что именно ученики Бодуэна де Куртенэ оказались в середине 20-х годов у руля советской лингвистической науки, – В.Б.Томашевский возглавлял Ленинградский университет, а Е.Д.Поливанов заведовал лингвистической секцией РАНИОН.

«Понимая, какую большую роль играет советское учительство в поднятии общей культуры и в частности культуры речи широких масс, Л.П. вел большую общественно-научную работу среди преподавателей средних школ, выступал с докладами по вопросам языковой культуры на учительских конференциях, участвовал в дискуссиях, борясь с формализмом в преподавании родного языка, читал лекции по истории русского языка в Институте усовершенствования учителей и в специальном семинаре, организованном Горono при Ленинградском институте языкознания. Л.П. также принимал участие в составлении и рецензировании учебников и программ по русскому языку для средней школы» (Якубинская-Лемберг, 1949: 4).

Уже с начала 20-х годов Лев Петрович заинтересовался анализом языка Ленина. Он опубликовал две статьи на эту тему – в журнале ЛЕФ («О снижении высокого стиля у Ленина», 1924) и в журнале «Печать и революция» («Ленин о “революционной фразе” и смежных явлениях»,

1926)¹. Особенно интересна вторая из них, мысли которой, касающиеся понятия «фразы», были развиты также в работе «Проблемы синтаксиса в свете нового учения о языке» и в неизданной рукописи «О буржуазной фразе и борьбе с ней». В «Проблемах синтаксиса...» это понятие определяется следующим образом: «Условимся называть, вслед за В.И.Лениным, предложение и развернутую речь, дающие лишь видимость преодоления абстрактности слова... – фразой». Эта серия работ Якубинского является, в сущности, первым опытом теоретико-лингвистического подхода к процессам массовой коммуникации и поэтому заслуживает самого серьезного внимания со стороны специалистов в этой области. В 1928 г. Якубинский руководил в ИЛЯЗВе «коллективной темой по учету высказываний о языке В.И.Ленина» (Ленинградский институт... 1928: 149).

Начиная с 1930 г. Л.П. вплотную занимается проблемами социолингвистики. Уже в 1928 г. он руководит в ИЛЯЗВе коллективной темой по составлению словаря неправильностей русской речи по материалу стенгазет, записей ораторов, писем рабкоров, сочинений учащихся трудшкол, рабфаковцев, студентов, канцелярскому делопроизводству. В 1930–1931 гг. он публикует статьи «Язык крестьянства», «Язык пролетариата», «Русский язык в эпоху диктатуры пролетариата», «О научно-популярном языке» и три статьи о языке, адресованные начинающим писателям; к ним примыкает и известная работа «Ф. де Соссюр о невозможности языковой политики» (1931). В 1932 г. эти статьи (кроме последней) вошли в книгу «Очерки по языку», написанную совместно с А.М.Ивановым (Иванов и Якубинский, 1932). Хотя эта книга несет на себе очевидную печать того времени, когда она была написана и издана (см. ниже), интересно, что в списке работ, составленном Якубинским незадолго до смерти, указана в числе других следующая: «Очерки по языку. Сборник статей. Второе издание, значительно дополненное и исправленное (сдано в печать)» (цит. по: Леонтьев, 1986: 7). В свет это новое издание, однако, так и не вышло, и местонахождение рукописи остается неизвестным.

¹ Когда в 1969 г. нами готовился к печати том избранных произведений Якубинского, вышедший только в 1986 г. (Якубинский, 1986), мы включили туда обе эти статьи. Однако их не пропустил в печать Институт Маркса – Энгельса – Ленина, так как Якубинский ссылался в них на те тексты Ленина, которые не вошли в каноническое – пятое – издание Полного собрания сочинений.

«1936/1937 учебный год Л.П. провел по командировке Наркомпроса в Турции в г. Анкаре, где преподавал русский язык в Институте языка, истории и географии. Живя в Турции, Л.П., естественно, с большим интересом занимался турецким языком. В рукописях Л.П. сохранился ряд очень любопытных замечаний о некоторых грамматических категориях турецкого языка» (Якубинская-Лемберг, 1949: 5).

Во второй половине 30-х годов Якубинский довольно резко меняет свои позиции, возвращаясь к компаративистике. Его взгляды этого времени четко выражены в одном рукописном фрагменте этого времени: «Областью буржуазной науки, которая представляет для нас особенный интерес, является сравнительное языкознание и, в первую очередь, сравнительная грамматика индоевропейских языков как его наиболее разработанный участок... В нем... накоплено огромное количество твердо установленных фактов... Без усвоения и переработки, без использования этого подлинно ценного наследства буржуазной эпохи невозможно развитие советской лингвистики. Между тем сравнительное языкознание находится у нас в полном пренебрежении, в заgone» (цит. по: Леонтьев, 1986: 8).

Отход Якубинского от марризма отражал общее разочарование в нем даже тех лингвистов, которые в предшествующие годы были активными марристами. Даже Ф.П.Филин к концу 30-х годов позволял себе откровенно издеваться над четырехэлементным анализом (Алпатов 1991: 119). «Из элементов марровского учения наиболее популярными оставались концепция происхождения языка, выявление в исторически известных языках остатков первобытного состояния — диффузных звуков, полисемантизма и т.д. (палеонтология без элементного анализа), а также имевшая особое значение идея стадиальности в языковом строе» (Алпатов, 1991: 121). Именно и только это сохранилось от «нового учения о языке» и у Якубинского.

В 30-х годах Якубинский не только вновь обращается к научной проблематике истории языка и сравнительного языкознания, но и очень резко выступает за внедрение этой, а также традиционной общелингвистической проблематики в курс родного языка в средней школе. Его мысли по этому поводу не потеряли ценности и донныне, чем обусловлена публикация (в сокращении) его доклада 1936 г. «Элементы языкознания и истории языка в средней школе» в сборнике избранных работ (Якубинский, 1986).

В последние предвоенные годы Якубинский углубился в историю русского языка. Он несколько лет работал над книгой «Лекции по истории русского языка» (другое название — «Учебное пособие по истории русского языка для пединститутов»), которая получила — как теперь говорят — гриф ВКВШ (Всесоюзного комитета по высшей школе) и была сдана в печать весной 1941 г. Война, а затем смерть Л.П. задержали ее публикацию, а затем, с установлением в советском языкознании «аракчеевского режима» в конце 40-х годов, эта книга пришлось, как говорится, не ко двору. Она была издана только в 1953 г. под редакцией и с предисловием В.В.Виноградова, причем не полностью — объем ее составляет примерно две трети исходной рукописи. Книга, как она вышла из печати, включает три раздела: «Введение», «Фонетика и грамматика» и «Древнерусский литературный язык». Введение, в свою очередь, распадается на части: «Русский язык как один из славянских языков», «Происхождение письменности у славян» и «Церковнославянский язык в Киевской Руси X—XI вв.».

В первой части Якубинский излагает оригинальную концепцию родства индоевропейских и славянских языков. Она была впервые сформулирована им в докладе о происхождении славянских языков в 1940 г., затем оформленном как часть книги; он был опубликован отдельно в 1947 г., а при окончательной подготовке «Истории русского языка» был редакцией весьма заметно сокращен. Суть этой концепции в том, что теория индоевропейского «единого праязыка» неверна: его следует понимать не как единый язык, а как своего рода ареальное образование, континуум диалектов, лишь частично пересекающихся, как «языковой союз». Единство славянских языков — другого рода, для них можно постулировать «праславянский племенной диалект». Эта позиция Якубинского соответствует в полной мере взглядам современной компаративистики: как пишет Э.А.Макаев, «членение индоевропейской языковой общности ничего общего не имеет с картиной постепенного распада индоевропейского праязыка... Проблема членения индоевропейской языковой общности — это описание многоступенчатых и неоднократно имевших место процессов интеграции и реинтеграции языковых континуумов как в терминах генетического родства, так и в терминах типологического сродства» (Макаев, 1977: 23—24).

Во второй части первого раздела Л.П. отстаивает положение о «борьбе» кириллицы и глаголицы как отражении борющихся влияний Восточной и Западной империй на славянской территории.

В третьей, наиболее важной части, а также во всем третьем разделе рисуется картина возникновения и функционирования древнерусского литературного языка. Таковым, по Якубинскому, первоначально являлся язык старославянский (церковнославянский), и лишь в XI в. этот последний вытесняется в общественно-политической сфере собственно русским, т.е. восточнославянским деловым языком; в остальных же функциях до XII в. продолжает выступать церковнославянский. В сущности, это не противоречит современной точке зрения, согласно которой в качестве языка письменности могли выступать либо древнерусское койне, либо церковнославянский язык, причем письменный вариант койне отражает смешение восточнославянских и южнославянских элементов (см.: Улуханов, 1972).

В разделе, посвященном фонетике и грамматике, привлекает внимание гипотеза о слогофоне как основной звуковой единице общеславянского (праславянского) языка, связанная, по-видимому, с аналогичными идеями Г.А.Ильинского. Грамматическая часть интересна обращением к грамматической семантике. Очень своеобразна развиваемая Якубинским теория местоимений, а также глава «Из истории предлогов и союзов», где, по-видимому, отразились материалы не опубликованной в свое время статьи «Выражение понятия причины и отношения причинности в русском языке» (1936); не исключено, что это — сохранившаяся рукопись того же года под названием «Лингвистические материалы к вопросу о возникновении понятия причины»). О связи грамматических идей Якубинского с общей концепцией лингвистов Петербургской школы (Л.В.Щербы, Е.Д.Поливанова и др.) см.: (Леонтьев, 1961).

Вторая большая работа, которой Л.П. занимался в предвоенные годы, — это вводный раздел в планировавшуюся Академическую грамматику русского языка (она, как известно, вышла в 1952 г., но без этого раздела). Он назывался «Краткий очерк образования современного литературного языка». Якубинский так и не успел его закончить: более или менее завершённой осталась лишь часть очерка, доведенная до конца XVII в. (причем буквально за несколько месяцев до смерти Лев Петрович продолжал собирать материалы для него). Был написан также небольшой фрагмент о литературном языке петровской эпохи, опубликованный только в издании избранных работ Якубинского 1986 г. (Якубинский, 1986).

Всю ленинградскую блокаду Якубинский провел в осажденном городе. «Живя в Педагогическом институте им. Покровского, Л.П. своей

верой в победу поддерживал в самые тяжелые дни настроение студентов всего своего факультета. При свете коптилки он писал задуманный им учебник «Введение в языкознание»...¹ Когда в блокированном Ленинграде начинает работать единственное гуманитарное высшее учебное заведение — Педагогический институт им. Герцена, Л.П. с энтузиазмом принимается за любимое дело воспитания молодых советских педагогических кадров в качестве профессора, заведующего кафедрой и декана литературного факультета. Но работа в тяжелых условиях была не под силу уже подорванному здоровью, и зимой 1944 г. болезнь приковала его к постели. Оправившись за лето, Л.П. осенью 1944 г. опять принимается за любимую работу. Будучи не в силах передвигаться по городу, он ведет специальный семинар со студентами ЛГУ и консультирует аспирантов на дому.

С открытием Института русского языка Академии наук СССР осенью 1944 г. Л.П. привлекается к работе Института в качестве старшего научного сотрудника...» (Якубинская-Лемберг, 1949: 7).

23 августа 1945 г. Лев Петрович Якубинский скончался. Многие его рукописи были опубликованы посмертно (см.: Якубинский, 1986: 15). В этом огромная заслуга его вдовы Эрики Антоновны, известного слависта и финноугроведа (Эрика Антоновна родилась в 1895 г. в Эстонии и скончалась 16 мая 1961 г. в Ленинграде).

В дальнейшей части нашего очерка мы осветим взгляды Л.П.Якубинского по двум основным вопросам: 1. Теория поэтической речи и концепция функционального многообразия речевых проявлений; 2. Языковая политика.

1. Уже в первой работе Якубинского по теории поэтической речи, статье «О звуках стихотворного языка», четко изложена общая для ОПОЯЗа на раннем этапе его развития идея функциональной противоположности практического и поэтического языков. Ее можно найти и во многих других публикациях того времени, например у Р.О.Якобсона; позже она сменилась более общей идеей функционально-речевых вариантов общего языка, выступающей в наиболее законченной форме в работах членов Пражского лингвистического кружка. По мысли Якубинского, при «стихотворном языковом мышлении», в отличие от практиче-

¹ Он был предназначен для студентов первого курса ЛГПИ им. А.И.Герцена. Сохранилось два раздела — о происхождении языка и о родстве языков (первый из них опубликован в сборнике избранных работ Якубинского. — *А.Л.*)

ского, звуковая сторона речи «всплывает в светлое поле сознания» и вызывает специфическое эмоциональное отношение к себе. Этот тезис несколько упрощает реальное положение вещей, – трудно предположить, что в процессе поэтического творчества поэтом осознается звуковая сторона речи (см.: Эткинд, 1998). Однако привлекает внимание подчеркнутая Якубинским мысль об эмоциональном единстве стихотворения, что в значительной мере противоречит априорной идее «самоценности» слова и сближает Якубинского с более поздними, в том числе современными, исследованиями в области поэтики, исходящими из представления о единстве содержательной и звуковой сторон произведения.

В более поздних статьях Л.П. привлекает к анализу и «непоэтический» материал – имена собственные, песенные припевы, детскую речь, «речения» сектантов, патологию речи у душевнобольных). Начинает возникать мысль о том, что «самоценность» звука характерна не только для стихотворной речи. Наконец, в рецензии на книгу В.М.Жирмунского «Композиция лирических стихотворений» Якубинский приходит к следующим основным выводам: а) нет «языка вообще», есть разные «языки»; б) «практический язык» – это целый ряд функционально различных образований, в том числе, например, разговорная и научная речь; в) в стихотворных произведениях мы имеем не только поэтическую речь, но сложный конгломерат различных функциональных разновидностей речи. Таким образом, здесь уже полностью преодолено одностороннее противопоставление «практического языка» и «поэтического языка» – и не случайно Якубинский говорит не о различных «языках», а о различных видах *речи*.

Эта позиция глубоко разработана и развита в знаменитой статье «О диалогической речи». Здесь следует обратить внимание прежде всего на употребляемый Якубинским термин «речевая деятельность человека», по-видимому, как термин, появляющийся в отечественной научной литературе впервые. (Обычно его связывают с именем Л.В.Щербы, в частности, с его известной статьей 1931 г. «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании».) Правда, понимание соотношения психологического (приравниваемого к биологическому) и социального начала в человеческом поведении (деятельности; даже в самой психологии эти понятия до конца 20-х годов не разграничивались) в этой работе традиционное и ныне абсолютно устаревшее; однако принципиально важна постановка вопроса о различных неязыковых факторах, «функци-

ей которых является человеческая речь», и возникающем благодаря им функциональном многообразии речи.

В этой статье Якубинский вводит разграничение условий общения, формы общения и целей общения, не потерявшее научной значимости и донныне. Он также одним из первых дал четкое и последовательное описание устного и письменного языка, монологической и диалогической речи с позиций общей теории речевого поведения (в современной науке обычно говорят о «теории речевой деятельности» или «теории речевой коммуникации»), (см.: Леонтьев, 1974).

Идеи Якубинского в работе «О диалогической речи» во многом перекликаются с позициями М.М.Бахтина и его школы (см. их изложение в: Леонтьев, 2001). Их дальнейшее развитие связывается В.Гирке и Г.Яхновым с работами А.А.Холодовича и автора настоящего очерка (Girke u. Jachnow, 1974: 149).

Якубинский едва ли не первым поставил в данной статье вопрос о роли мимики и жеста в речевом общении, о поведенческих («бытовых») и речевых стереотипах. Особенно интересно, в том числе с точки зрения современной психологии, положение Якубинского о «вторично-автоматических деятельности, возникающих из сознательных путем повторения, упражнения и привычки» (ср. понятие интериоризации в школе Л.С.Выготского).

2. Еще в 1916 г. Якубинский связывал многообразие языковых явлений с целями речи, а в 1919 г. он упоминал о связи функциональных многообразий речи с целями речи в программе курса «Эволюция речи», читанного в Институте живого слова (Якубинский, 1919). Ориентация на цели общения ясно выступает в начале 20-х годов и у других лингвистов, в особенности Г.О.Винокура: «Поскольку говорить о стиле, необходимо становиться на телеологическую точку зрения...; не доказано еще, что лингвистика чужда телеологии. Наоборот, можно доказать обратное» (Винокур, 1923: 240).

В связи с этой общей теоретической идеей стоит общая у Якубинского с другими авторами начала 20-х годов концепция технологии речи. С.М.Третьяков писал в журнале «ЛЕФ»: футуристы хотят, чтобы *«массы стали полными хозяевами своего языка и могли бы сообразно задачам пользования им находить те формы, которые являются для каждого данного случая наиболее целесообразными»* (Третьяков, 1923: 161). Якубинский еще более определенно говорил о необходимости создания специальной дисциплины, занимающейся активной организацией целесооб-

разной речи. «Технология речи — вот то, что должно родить из себя современное научное языкознание, что заставляет его родить действительность» (Якубинский, 1924: 71—72). Сходную мысль находим в «Очерках по языку»: «...История русского языка *продолжается*, она и сейчас осуществляется на наших глазах... Современный русский язык не свод различных *установившихся, застывших* правил., а непрерывный *процесс*, непрерывное *движение*. Мы должны научиться понимать законы этого движения для того, чтобы им руководить и быть сознательными строителями *той истории, которая предстоит русскому языку в будущем*» (Иванов и Якубинский, 1932: 41).

Отсюда само понятие языковой политики. Она определяется Якубинским как «сознательное вмешательство класса в развивающийся языковой процесс, сознательное руководство этим процессом» (Иванов и Якубинский, 1932: 37). Критика Якубинским Соссюра покоится как раз на положении, что Соссюр «мыслит возможность познания языка лишь путем рефлексии, созерцания со стороны, забывая о субъекте языка, коллективе» (Якубинский, 1986: 81); Соссюр рассматривает говорящих как инертную и консервативную массу, в то время как тот или иной класс в той или иной общественно-исторической ситуации может выступать либо как активная, либо как инертная сила. «Так, в Чехии в начале XIX в. национальная буржуазия была настолько не инертна, что инициатива «специалистов» по преобразованию чешской лексики могла вполне проявиться и дала весьма осязательные результаты» (Якубинский, 1986: 80). Естественно, в условиях СССР речь идет о «языковой политике пролетариата», но она «есть лишь часть общей его политики, осуществляемой в генеральной линии партии» (Иванов и Якубинский, 1932: 172)...

Эта позиция Якубинского, разумеется, связана с переоценкой возможностей сознательного вмешательства в язык, вообще характерной для советского языкознания 20—30-х годов. Точно так же переоценивалась тогда и возможность воспитания «нового человека», чем грешил даже такой замечательный психолог, как Л.С.Выготский.

Лев Петрович Якубинский был в полном смысле человеком своей эпохи. Он всегда шел в авангарде научной мысли своего времени. Вместе со всей советской лингвистической наукой он пережил ее взлеты и временные заблуждения. Он был убежденным марксистом и настоящим ученым, высоким профессионалом в науке и в то же время — прирожденным педагогом и видным организатором. Наконец, он был филологом пре-

красной школы, в то же время хорошо владевшим почти всем кругом наук о человеке и обществе.

Без работ Якубинского трудно представить себе историю не только советского, но и мирового языкознания.

Литература

- Алпатов В.М.* История одного мифа. Марр и марризм. – М., 1991. – 240 с.
- Анткарь В.Б., Быковский С.Н.* Современное положение на лингвистическом фронте и очередные задачи марксистов-языковедов // Изв. Гос. акад. материал. культуры. – Л., 1931. – Т. 10, вып. 8/9. – 47 с.
- Винокур Г.О.* Футуристы – строители языка // ЛЕФ. – 1923. – № 1. – С. 204–213.
- Иванов А., Якубинский Л.* Очерки по языку для работников литературы и для самообразования. – Л.; М., 1932. – 182 с.
- Ленинградский институт истории литератур и языков Запада и Востока РАНИОН. Хроника // Литература и марксизм: Журн. теории и истории лит. Б.м., 1928. Кн. 2. – С. 147–150.
- Леонтьев А.А.* Деятельный ум: (Деятельность, знак, личность). – М., 2001. – 380 с.
- Леонтьев А.А.* Жизнь и творчество Л.П.Якубинского // Л.П.Якубинский. Избранные работы: Язык и его функционирование. – М., 1986. – С. 4–12.
- Леонтьев А.А.* И.А.Бодуэн де Куртенэ и Петербургская школа русской лингвистики // Вопр. языкознания. – М., 1961. – № 4. – С. 116–124.
- Леонтьев А.А.* Функции и формы речи // Основы теории речевой деятельности. – М., 1974. – С. 241–254.
- Макаев Э.А.* Общая теория сравнительного языкознания. – М., 1977. – 205 с.
- Марр Н.Я.* Предисловие // Языковедные проблемы по числительным: Сб. ст. – Л., 1927. – Ч. 1. – С. V–XIII.
- Третьяков С.* Трибуна ЛЕФа // ЛЕФ – 1923. – № 3. – С. 154–164.
- Улуханов И.С.* О языке древней Руси. – М., 1972. – 135 с.
- Филин Ф.П.* О двух направлениях в языкознании // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – М., 1948. – № 6. – С. 486–496.
- Эткинд Е.Г.* Материя стиха. – СПб., 1998. – 506 с.
- Якубинская-Лемберг Э.А.* Проф. Л.П.Якубинский: (Некролог) // Учен. зап. Ленингр. Унта. Сер. филол. наук. – Л., 1949. – Вып. 14, № 97. – С. 3–7.
- Якубинский Л.П.* Избранные работы: Язык и его функционирование. – М., 1986. – 208 с.

- Якубинский Л.П.* О снижении высокого стиля у Ленина // ЛЕФ. – 1924. – № 1(5). – С. 71–80.
- Якубинский Л.П.* Программа курса лекций: Эволюция речи // Зап. Ин. живого слова. – Пг., 1919. – С. 85–86.
- Girke W., Jachnow H.* Sowjetische Soziolinguistik: Probleme u. Genese. – Kronberg, 1974. – 218 S.

Основные работы Л.П.Якубинского

- Иванов А., Якубинский Л.* Очерки по языку для работников литературы и для самообразования. – М.; Л., 1932. – 182 с.
- Якубинский Л.П.* История древнерусского языка. – М., 1953. – 368 с.
- Якубинский Л.П.* Избранные работы: Язык и его функционирование. – М., 1986. – 208 с.
(Там же – С. 13–15 – список научных работ Л.П.Якубинского, с. 16 – важнейшие рукописи и важнейшие работы о Якубинском).

Основные работы о Л.П.Якубинском

- Ахунзянов Э.М.* Лев Петрович Якубинский // Рус. речь. – М., 1975. – № 2. – С. 102–108.
- Булахов М.Г.* Якубинский Лев Петрович // Булахов М.Г. Восточнославянские языковеды. – Минск, 1978. – Т. 3. – С. 312–317.
- Виноградов В.В.* Проф. Л.П.Якубинский как лингвист и его «История древнерусского языка» // Якубинский Л.П. История древнерусского языка. – М., 1953. – С. 3–40.
- Дмитриев С.И.* Лингвистика и поэтика // Родной яз. в шк. – М., 1924. – Кн. 5. – С.24–25.
- Леонтьев А.А.* Жизнь и творчество Л.П.Якубинского // Якубинский Л. П. Избранные работы: Язык и его функционирование. – М., 1986. – С. 116–124.
- Леонтьев А.А.* И.А.Бодуэн де Куртенэ и Петербургская школа русской лингвистики // Вопр. языкознания. – М., 1961. – № 4. – С. 116–124.
- Леонтьев А.А.* Функции и формы речи // Основы теории речевой деятельности. – М., 1974. – С. 241–254.
- Якубинская-Лемберг Э.А.* Проф. Л.П.Якубинский: (Некролог) // Учен. зап. Ленингр. ун-та. – Сер. филол. наук. – Л., 1949. – Вып.14, № 97. – С. 3–7.

Булаховский Л.А. Рец. на кн.: Якубинский Л.П. История древнерусского языка. — М., 1953. — 368 с. // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. — М., 1953. — Т. 12, Вып. 6. — С. 555–561.

То же: *Василенко И.А.* // Рус. яз. в shk. — М., 1954. — № 1. — С. 76–80.

То же: *Ломтев Т.П.* // Вопр. языкознания. — М., 1953. — № 6. — С. 120–128.

То же: *Немировський М.Я.* // Укр. мова в shk. — Київ, 1953. — №. — С. 75–78.

А.М. Кузнецов
ВИКТОРИЯ НИКОЛАЕВНА ЯРЦЕВА

В.Н. Ярцева [2110 (3.11) 1906 – 27.09.1999] – выдающийся российский ученый-филолог, родилась в Санкт-Петербурге в семье инженера путей сообщения. За более чем 60-летнюю творческую деятельность ею были опубликованы более 350 работ (из них шесть монографий), относящихся к области германской филологии, кельтологии, общего, сравнительно-исторического и типологического языкознания, В них разрабатывались проблемы исторической грамматики английского языка, истории становления английского национального литературного языка, вопросы контрастивной грамматики, типологии, лингвистических универсалий, исторической диалектологии, методологии языковедения.

«Научная судьба В.Н.Ярцевой, масштабность ее многогранной творческой деятельности, огромный вклад в развитие гуманитарных наук, прежде всего лингвистики, высокий авторитет в отечественном и зарубежном языкознании представляют собой уникальное явление в современном научном мире. В.Н.Ярцева как личность исключительно деятельная и творческая, обладавшая оригинальным исследовательским даром и научной интуицией, огромным организаторским талантом, неутомимой энергией и неиссякаемой творческой инициативой, мудрой рассудительностью и богатейшим жизненным опытом, несомненно, относилась к лидерам гуманитарных наук, С ее именем связано развитие ряда направлений в современной лингвистике, продвижение многих новаторских идей, осуществление ряда крупных научных проектов, включая масштабные научно-организационные мероприятия, В непосредственном общении с нею складывалась научная судьба многих языковедов разных поколений и разных специальностей» (Предисловие, 2000:7).

В.Н. Ярцева пришла в филологию, по современным представлениям довольно поздно, в возрасте 23 лет поступив на факультет иностранных языков Ленинградского государственного педагогического института имени А.И.Герцена. За время учебы в институте (1929—1933) она изучала английский язык и литературу и защитила дипломную работу на тему «Язык пьес Бернарда Шоу». На факультете иностранных языков «в начале 1930-х годов еще сохранялись традиции и дух нефилологического факультета, задуманного и созданного в свое время основателями этого института. На отделении преподавали выдающиеся ученые (В.М.Жирмунский, В.А.Брим, Б.А.Кржевский) и тонкие знатоки древних и новых языков Европы, обеспечивавшие высокий уровень филологической подготовки студентов. Непосредственными учителями В.Н.Ярцевой были известные ученые-англисты — Б.А.Ильиш и Е.И.Клименко, ставшие затем ее товарищами по работе и друзьями» (Десницкая, 1981: 551).

По окончании института В.Н.Ярцева оказалась перед выбором — оставаться в ЛГПИ им. А.И.Герцена на преподавательской работе или поступать в аспирантуру Ленинградского научно-исследовательского института языкознания. И хотя выбор пал на аспирантуру, Виктория Николаевна всегда успешно сочетала сугубо научное творчество с педагогической деятельностью, о чем будет сказано ниже.

В годы учебы в аспирантуре (1933—1936) ее учителями были замечательные филологи — акад. В.Ф.Шишмарев, акад. В.М.Жирмунский, член-корр. АН СССР Н.Д.Дмитриев. Непосредственным руководителем В.Н.Ярцевой, как и других германистов, был В.М.Жирмунский, развивавший и поощрявший в своих учениках дух творческой инициативы, научных дерзаний, и в то же время погружавший их в море конкретных фактов истории германских языков и литератур. Благодаря В.М.Жирмунскому В.Н.Ярцева получила широкую и разностороннюю подготовку в области германской филологии, древнегерманских языков (готский, древнеисландский, древнесаксонский, древневерхненемецкий; древнеанглийский), сравнительно-исторической грамматики германских языков, Под руководством акад. В.Ф.Шишмарева В.Н.Ярцева сдала кандидатский минимум по романистике, занималась с ним старофранцузским языком.

Особенно большую роль в научном росте В.Н.Ярцевой, как и ряда других советских языковедов ее поколения, сыграли Ленинградский институт речевой культуры, возглавлявшийся Л.П.Якубинским, и Инсти-

тут языка и мышления АН СССР, руководителем которого был И.И.Мещанинов. Значение этих институтов (частично сменивших друг друга на протяжении 1930-х годов) для сложения традиций советского языкознания — это одна из актуальных тем по истории советской науки, ожидающая еще своей разработки.

По словам А.В.Десницкой, одной из наиболее близких и давних коллег В.Н.Ярцевой, «все, кто имел возможность приобщиться к творческой атмосфере этих научных коллективов, не забудут тот дух оригинальных и свободных научных исканий, товарищеского общения выдающихся лингвистов с научной молодежью, живых дискуссий по актуальным проблемам языковедческой теории» (Десницкая, 1981: 551).

В развитии общелингвистического кругозора молодых ученых большую роль играл безвременно ушедший А.П.Рифтин. Активными участниками научной жизни названных институтов был ряд ученых: Л.В.Щерба, Б.А.Ларин, Д.В.Бубрих, Н.В.Юшманов, С.П.Обнорский и другие выдающиеся языковеды. Велика была роль талантливых руководителей — Л.П.Якубинского и И.Н.Мещанинова — генераторов научных идей и создателей творческой обстановки научных исканий. Велика была также роль молодых ученых, получавших научную подготовку в этих институтах, — из их круга вышли некоторые из старейшин советского языкознания. Характерно, что одним из обязательных элементов лингвистической подготовки было изучение, помимо языков основной специальности, какого-либо языка иной структуры, что в высшей степени содействовало выработке у молодых ученых широты подхода к языковым фактам. В этой связи уместно напомнить, что В.Н.Ярцева получила в свое время очень серьезную подготовку в области тюркологии — сперва под руководством Н.К.Дмитриева (в Институте речевой культуры), а затем под руководством С.Е.Малова (в Институте языка и мышления).

В 1936 г. В.Н.Ярцева защитила кандидатскую диссертацию на тему «Развитие сложноподчиненного предложения в английском языке». Диссертация была написана под непосредственным научным руководством В.М.Жирмунского, и вполне естественно, что в постановке и решении поставленных проблем не могли не отразиться взгляды и пристрастия ее научного руководителя. Но не только они. В отечественной лингвистике тех лет ясно просматривалось стремление к поиску новых решений языковедческих проблем на основе исторического подхода к фактам языка, который всеми признавался как один из отправных мо-

ментов. В частности, в Институте речевой культуры заметно преобладал интерес к вопросам исторического синтаксиса, которые ставились в связи с проблемой развития национальных языков, а также к самой проблеме образования национальных языков и, соответственно, к вопросам характера и исторической специфики территориальных и социальных диалектов. В этом отношении сильное влияние оказывало направление научных интересов Л.П.Якубинского, В.М.Жирмунского и Б.А.Ларина. В Институте языка и мышления на первое место заметно выдвинулись вопросы исторической типологии структуры предложения, что определялось научными интересами И.И.Мещанинова, Д.В.Бубриха и целого ряда молодых ученых. Вопросы эти решались на материале различных языков, частично с использованием метода сравнительно-исторического языкознания. В 40-е годы отчетливо выявился интерес также к общим проблемам синтаксиса. Все эти направления лингвистического исследования оказались определяющими для сложения научных интересов В.Н.Ярцевой и получили отражение в опубликованных ею трудах.

Формирование научного мировоззрения В.Н.Ярцевой продолжалось и в годы обучения в докторантуре (1937–1940). Под руководством акад. И.И.Толстого В.Н.Ярцева изучала древнегреческий язык. Чл.-кор. АН СССР С.Я.Малов преподавал историю тюркских языков, на его занятиях Виктория Николаевна изучала узбекский, казахский, татарский языки, а также тюркские языки народов Сибири, язык древних рун (орхонские тексты). В семинарах, которые вел акад. Л.В.Щерба, В.Н.Ярцева изучала общую и экспериментальную фонетику, сравнительную грамматику славянских языков. Своими познаниями в области кельтологии В.Н.Ярцева обязана проф. ЛГУ А.А.Смирнову; под руководством акад. И.И.Мещанинова Виктория Николаевна изучала языки инкорпорирующего строя, в частности языки американских индейцев (Северной Америки). Наконец, занятия сравнительно-исторической грамматикой индоевропейских языков с проф. Р.О.Шор в 1937–1938 гг., обусловили научный интерес В.Н.Ярцевой к истории лингвистических учений.

Разносторонняя филологическая, и в частности лингвистическая, подготовка позволила В.Н.Ярцевой проводить лингвистические исследования на широкой типологической основе. В докторской диссертации «Развитие английского глагола», которую Виктория Николаевна защитила в 1940 г., сопоставляются германские и тюркские языки. (Публикации диссертации помешала начавшаяся Великая Отечественная война.)

Параллельно с занятиями в аспирантуре, а затем в докторантуре В.И.Ярцева постоянно вела обширную педагогическую деятельность, читала курсы лекций в ЛГПИ им. А.И.Герцена и ЛГУ по сравнительно-исторической грамматике германских языков, английской филологии, истории лингвистических учений, не оставляя при этом научно-исследовательской работы в Институте языка и мышления им. Н.Я.Марра АН СССР.

Находясь в эвакуации в 1941—1943 гг. в Свердловске, В.Н.Ярцева возглавляла кафедру иностранных языков Уральского государственного университета им. А.М.Горького. После возвращения из эвакуации В.П.Ярцева продолжала педагогическую и научно-исследовательскую работу; читала курсы лекций в Московском государственном педагогическом институте иностранных языков и одновременно работала в должности декана факультета английского языка, а кроме того, вела научную работу в секторе романо-германской филологии Института языка и мышления. В 50-е годы В.Н.Ярцева являлась заведующей кафедрой германской филологии в МГУ им. М.В.Ломоносова. Являясь профессором ЛГУ (1944—1952), она с 1948 г. заведовала там кафедрой английской филологии.

Следует особо сказать о том, что на протяжении 14 лет (1950—1964) В.Н.Ярцева работала в качестве профессора и заведующей кафедрой иностранных языков Управления подготовки научных кадров АН СССР. Дело в том, что это учреждение не «кафедра» в университетском значении этого слова, а особое учебное заведение, созданное в рамках АН СССР, где проходят языковую подготовку аспиранты и стажеры всех научных учреждений АН СССР всех специальностей — от философов до математиков. О тех годах, когда это учреждение возглавляла В.Н.Ярцева, педагоги старшего поколения до сих пор вспоминают с особой теплотой и благодарностью.

Педагогическая и научно-организационная деятельность велась В.Н.Ярцевой вплоть до 1952 г. одновременно в двух городах — Москве и Ленинграде. В течение многолетней преподавательской работы Виктория Николаевна продолжала и развивала традиции своих учителей. Ее теоретические курсы по истории и грамматике германских языков, истории лингвистических учений отличались глубиной филологического подхода. Под руководством В.Н.Ярцевой выросло не одно поколение советских лингвистов, специалистов по германистике, кельтологии, типоло-

гии, сравнительно-историческому и сопоставительному языкознанию и др.

В 1954–1988 гг. В.Н.Ярцева возглавляла сектор германских языков Института языкознания АН СССР. С 1964 г. В.Н.Ярцева – заместитель директора, а в 1968 г. она становится директором Института языкознания АН СССР и с успехом исполняет эти ответственные обязанности в течение десяти лет (до 1977 г.). В связи с этим следует упомянуть весьма интересную подробность ее директорства: В.Н.Ярцева никогда не была членом КПСС – случай редкостный (если не уникальный) в истории советской «номенклатурной» науки. Убежден, что в этом факте, как в капле воды, нашли отражение не только высочайший научный авторитет В.Н.Ярцевой, но и ее качества как неформального лидера творческого коллектива. С 1988 г. и до своей кончины Виктория Николаевна исполняла обязанности советника при дирекции Института языкознания.

Научно-организационная деятельность В.Н.Ярцевой весьма многогранна. В течение ряда лет она была членом бюро Отделения литературы и языка АН СССР, научным руководителем группы «Языки мира», главным редактором журнала «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», членом редакционных коллегий журналов «Вопросы языкознания», «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», реферативных журналов «Общественные науки в СССР» и «Общественные науки за рубежом» по серии «Языкознание».

Особенно значимы заслуги В.Н.Ярцевой в координации деятельности ученых-лингвистов по исследованию теоретических вопросов языкознания. Она руководила Научным советом «Языки мира» РАН. В 1968 г. она была избрана членом-корреспондентом АН СССР.

В.И.Ярцева в течение многих лет возглавляла делегации советских ученых на международных лингвистических конгрессах, конференциях и симпозиумах, неоднократно выступала с лекциями и докладами за рубежом. Виктория Николаевна была избрана членом Саксонской академии наук в Дрездене. За большие заслуги в научной, педагогической и общественной деятельности награждена орденами Трудовой Красного Знамени, «Знак Почета» и многими медалями. Таковы в самых общих чертах основные вехи жизни и творчества В.Н.Ярцевой.

При попытке охарактеризовать научные поиски и находки В.Н.Ярцевой в различных областях лингвистики невольно возникает ощущение необозримости и многообразия всею, что было сделано этим крупным ученым за ее долгую и чрезвычайно продуктивную жизнь в нау-

ке. Учитывая ограниченность объема настоящей статьи, остановимся только на основных и наиболее значимых направлениях научной деятельности В.Н.Ярцевой.

Как мы уже отмечали, первые работы В.Н.Ярцевой были посвящены историческому развитию сложноподчиненного предложения в английском языке. В 40-е годы круг занимавших ее вопросов истории грамматического строя английского языка заметно расширился. При этом особенно ярко выявилась оригинальность и новизна не только в выборе тем, но и в подходе к их разработке, существенно отличавшихся от подходов, характерных для традиционной англистики – прежде всего в соединении принципов системности и историзма. Нетрадиционный взгляд В.Н.Ярцевой на факты английской грамматики особенно ярко обнаружился в ее блестящей статье «Категория активности и пассивности в английском языке» (1946), в которой целый ряд внешне как бы различных явлений был объяснен как результат действия единой общей закономерности. Оригинальность и новизна подхода были характерны также для статей, посвященных характеру словосочетания в английском языке (1947), свободному и связанному дополнению (1948) и др.

Серия исследований, посвященных историческим процессам сложения грамматической структуры современного английского языка, увенчалась в 1960–1961 гг. опубликованием монографий. «Историческая морфология английского языка» (1960) и «Исторический синтаксис английского языка» (1961), представляющих собой значительный вклад не только в изучение данного языка, но и в общую теорию диахронии.

В «Исторической морфологии английского языка», в частности, было показано, что типичной чертой древнеанглийского языка являются обширные, группирующиеся вокруг одной и той же корневой морфемы, объединения слов. Новой чертой в среднеанглийский период явился распад больших этимологических рядов, при котором слова, группировавшиеся раньше вокруг одной корневой морфемы, либо частично вымерли как лексемы, либо настолько разошлись вследствие фонетических и семантических изменений, что уже не объединялись вместе естественным путем.

Изменения, совершавшиеся в морфемах, могли быть связаны с звуковыми закономерностями языка. Типичным для древнеанглийского является большое разнообразие звуковых чередований в корневых морфемах, а также относительно большая частотность некоторых из этих чередований. Это связано с функциональной нагрузкой и дифференци-

рующей ролью чередований при передаче различных лексико-грамматических и грамматических значений. Хотя сам прием чередования звуков сохраняется в среднеанглийском языке, однако существенно меняются отношения между морфемами, некогда связанными между собой рядами чередований. Таким образом, «новым в среднеанглийский период является иное распределение корневых морфем с чередованием гласных, в частности, распределение морфем с чередованием по лексико-грамматическим разрядам. Тенденция к уравниванию звукового состава корневых морфем приводит в отношении грамматической структуры слова к новым связям на основе равенства звукового типа и функционального отличия слов, определяемого не строением основы, а строением парадигмы. Это оказалось возможным в результате большого количества омонимичных форм, нараставших как внутри каждой парадигмы, так и при сопоставлении различных парадигм, характеризующих части речи» (Ярцева, 1960: 173–174).

В монографии обращено внимание на то, что для строя древнеанглийского языка характерным являлось формообразование, основанное на синтетических приемах выражения грамматических значений. Новым в формообразовании среднеанглийского периода явилось исчезновение вариантности основ в пределах парадигмы, большая омонимичность как внутрипарадигматическая, так и между парадигмами, сжатость парадигмы в отдельных лексико-грамматических разрядах (резкое уменьшение противопоставляемых форм в парадигме существительного) и развитие аналитических средств передачи грамматических значений.

В.Н.Ярцева особо подчеркивает необходимость при исследовании грамматических категорий различать категории «собственные» и «несобственные». К первым принадлежат в древнеанглийском языке категории числа и падежа существительного; с другой стороны, эти же категории для прилагательного выступают как «несобственные», поскольку возникают лишь как результат согласования прилагательного с существительным в атрибутивных словосочетаниях. Как показывает дальнейшая история английского языка, категории «несобственные» легко разрушаются, и прилагательное очень быстро утрачивает формообразование в позднем среднеанглийском, становясь по существу неизменяемым. Кроме того, здесь тонко подмечено различие сходных на первый взгляд явлений так называемой «сопряженности» грамматических категорий, с одной стороны, и явлений «синтезирования» — другой.

«Синтезирование» состоит в том, что хотя один и тот же формант передает ряд грамматических значений, что, например, мы находим в случае передачи категории лица и числа в глаголе, но эти грамматические значения независимы одно от другого и внутренне между собой никак не связаны. При «сопряженности» грамматических значений, как, например, значения вида и времени или времени и наклонения у глагола, обнаруживается взаимозависимость и взаимопроникновение грамматических значений. Например, категория вида в английском языке передается посредством временных форм и развивается вместе с этими последними. «При историческом исследовании языка учет “сопряженности” грамматических категорий существен потому, что на базе одних грамматических значений и форм их выражения могут развиваться другие» (Ярцева, 1960: 175).

Подводя итог, В.Н. Ярцева приходит к заключению, что обновление морфологической системы английского языка, начиная со среднеанглийского периода, в основном было связано с интенсивным развитием аналитических форм глагола. Генетически «все аналитические формы глагола представляют собой результат грамматизации составного глагольного сказуемого, и лишь с того момента, когда аналитические формы составляют парадигматический ряд, они выпадают из поля зрения синтаксиса и включаются в морфологию» (Ярцева, 1960: 176).

В «Историческом синтаксисе английского языка» показано, что «развитие синтаксического строя тесно связано с изменениями в сфере морфологии английского языка, в первую очередь в области строения парадигмы изменяемых частей речи. Соответственно происходит перераспределение роли, места и функций различных приемов выражения синтаксических отношений» (Ярцева, 1961: 284).

В древнеанглийском прием согласования был широко распространен в словосочетаниях различного типа. В современном английском языке согласование осталось исключительно в области отношений подлежащего и сказуемого и дает различие в пределах категории числа. Специфика согласования, как прием выражения синтаксических отношений, состоит в том, что оно находит себе морфологическое отражение в обоих членах словосочетания. Иными словами, форму единственного или множественного числа имеют оба члена, синтаксически связанные между собой. Прием управления значительно сузил границы своего применения в современном английском языке по сравнению с древнеанглийским. В отличие от приема согласования управление характеризуется тем, что

морфологически отражено только в одном из членов словосочетания, иногда называемом грамматистами «управляемым членом». Иными словами, в словосочетания «определение + определяемое», когда это определение выражено формой притяжательного падежа, морфологически оформлено именно это последнее, в то время как главный член словосочетания — определяемое — подобного отражения не имеет.

Говоря о том, что управление сузило границы своего применения, автор имеет в виду прежде всего то, что при упрощении падежной системы разнообразие косвенных (зависимых) падежей сократилось. По существу управление осталось в современном английском языке в сфере определительно-притяжательного комплекса, так что вряд ли можно говорить о приеме управления, что делают некоторые грамматисты в отношении связи глагола и его дополнения.

Чрезвычайно возрастает роль примыкания, как средства передачи синтаксической связи. Следует различать примыкание как средство синтаксической связи, и вопросы взаиморасположения членов словосочетания. Во все периоды истории развития строя английского языка наблюдалось контактное или дистантное положение членов словосочетания, однако и при контактном расположении членов словосочетания примыкание, как синтаксический прием, могло не иметь места, так как отношения внутри словосочетания могли быть переданы другими средствами. «Только в тех случаях, когда контактное расположение членов словосочетания оказывалось единственной формой выражения смысловой связи между ними, можно говорить о примыкании как особом приеме. В этом отношении именно в современном английском языке примыкание получает господствующее положение среди других средств передачи синтаксических отношений» (Ярцева, 1961: 285).

В целом в истории английского языка чрезвычайно существенными оказываются процессы грамматизации одного из членов словосочетания, так как это приводит к созданию аналитических форм, меняющих и сам тип парадигматического строения частей речи в английском языке. Таким образом выявляется тесное межуровневое взаимодействие явлений морфологии и синтаксиса.

Принцип системности является одним из центральных в научном мировоззрении В.Н.Ярцевой. Этот принцип особенно ярко проявился в ее морфологических исследованиях; его последовательное применение позволило по-новому осветить многие факты английской морфологии и показать как системные характеристики, присущие каждому отдельному

историческому периоду, так и разрушительные тенденции внутри системы, приводящие к ее смене.

Уже в своих ранних работах В.Н.Ярцева подчеркивала значимость исследования грамматической синонимии, которая в то время почти не привлекала внимания исследователей. В трактовке В.И.Ярцевой синонимия выступает не только как проявление способности языка использовать разнообразие форм для выражения одного и того же значения, но и как способность языков создавать новые средства для выражения тончайших семантических различий.

Пристальное внимание не только к формальной, но и семантической стороне языкового знака проявляется также в подходе Викторией Николаевны к служебным словам. Уже в работах 40-х годов она показала, что особенности семантики связочных глаголов в английском языке нельзя сводить к чисто грамматическим функциям.

Наряду с исследованием морфологического и синтаксического строя английского языка в разные исторические периоды В.Н.Ярцева много и успешно работала над проблемами формирования и развития английского литературного языка. Данным проблемам посвящены две ее монографии: «Развитие национального литературного английского языка» (1969) и «История английского литературного языка IX–XV веков» (1985), которые удачно дополняют друг друга и содержат многообразный материал из области внешней и внутренней истории английского языка. Развивая идеи отечественной германистики о литературном языке как одной из форм существования национального языка, В.Н.Ярцева раскрыла глубоко индивидуальные особенности истории английского литературного языка, становление которого происходило в процессе длительного и сложного взаимодействия с территориальными и социальными диалектами, а также существенных функциональных и жанрово-стилистических преобразований.

Благодаря тонким методикам анализа разнообразного языкового и культурологического материала ей удалось избежать жестких схем при описании отдельных исторических этапов и представить развитие литературной формы английского языка в виде действия разнонаправленных тенденций общего процесса. В частности, плодотворной оказалась идея сосуществования исторической преемственности и вместе с тем постоянного обновления языковой формы. Перспективность такого подхода убедительно продемонстрирована образцами тонкого анализа текстов,

относящихся к разным периодам истории формирования английского литературного языка.

Среди многочисленных проблем, к которым В.Н.Ярцева постоянно возвращалась на протяжении многих лет, особое место занимает контрастно-сопоставительное описание языков с выходом в область синхронной и диахронической типологии. Этим проблемам посвящены многочисленные статьи, доклады и выступления.

Монография «Контрастивная грамматика» (1981) явилась в некоторых отношениях итоговым сочинением по данной проблематике, соединившим прикладные задачи контрастивного описания языков с рядом проблем общетеоретического плана, «поскольку именно контрастивная лингвистика является той зоной, где пересекаются пути теории и практики» (Ярцева, 1981: 4). В книге разрабатываются основополагающие принципы лингвистического сопоставления и подчеркивается, что контрастивное исследование должно содержать систематическое сравнение форм и значений единиц структуры сопоставляемых языков, исходя из предположения о существовании некоего базового сходства между языками при наличии дифференцирующих данные языки различий. Ввиду вышеуказанного обстоятельства одной из центральных задач контрастивного анализа должно быть избрание исходной меры сопоставления, того, что могло бы быть названо точкой отсчета различий между языками или базой их контрастивного сравнения.

Относительный успех контрастивных исследований в области фонетического уровня языков объяснялся естественностью выбора отправной базы анализа — артикуляционной основы анатомо-физиологической классификации звуков речи. Вместе с тем вышеуказанная отправная «точка отсчета», не включающая функциональных характеристик звуковых единиц языков, выявила и все недостатки одностороннего подхода к языку.

Двуязычные словари всегда содержат в зародышевом виде контрастивное сравнение лексических единиц избранных языков. Поэтому частные исследования по лексике долгое время походили на расширенные словарные статьи Развитие семиологии, как раздела лингвистической науки и, в частности, теория поля и методика компонентного анализа создают принципиально новую основу для лексико-семантического анализа контрастивного плана. Сложность контрастивных работ по грамматическому уровню языка и необходимость его детального изучения объясняются, во-первых, большой обнаженностью формальных характери-

стик этого уровня, затемняющих временами их семантическую сущность, во-вторых, давним (иногда излишним) влиянием логистических теорий, в-третьих, типологическим разнообразием языков мира.

Связи контрастивной лингвистики с другими областями лингвистической науки могут быть охарактеризованы как непосредственные и опосредованные. Непосредственную связь контрастивная лингвистика (и, в частности, контрастивная грамматика) имеет с типологией языков и во вторую очередь (через типологию) некоторый выход к теории лингвистических универсалий.

Понятие «языкового типа» столь же актуально для контрастивной грамматики, как и для типологии, однако кардинальное различие между общей типологией и контрастивной грамматикой состоит в том, что в то время как общая типология должна по идее оперировать с максимальным количеством разнообразных языков для извлечения общих и отдельных типологических характеристик, контрастивная грамматика имеет всегда дело с двумя языками (или, возможно, со многими языками, сравниваемыми попарно), с установкой на поиск на фоне сходства их различий. Опосредованные связи контрастивные исследования должны устанавливать с историко-генетическим изучением родственных языков, с психолингвистикой, могущей помочь в понимании коммуникативно значимых различий между языками, с различными аспектами социолингвистики, помогающей определить зоны расхождений между языками.

Фундаментальная теоретическая база, созданная В.Н.Ярцевой в контрастивистике и типологии, позволили ей приступить в 1978 г. к осуществлению грандиозного по масштабности задач и охвату материала издания «Языки мира». Этот труд был задуман Викторией Николаевной и ее ближайшими сотрудниками как энциклопедия, совмещающая в себе описание языков и диалектов мира с наиболее современными на тот период достижениями лингвистики, прежде всего бурно развивавшейся в 70-е годы типологии.

Появлению самих томов энциклопедии, посвященных уральским, монгольским, тунгусо-маньчжурским, палеоазиатским, иранским и другим языкам, предшествовала большая подготовительная и организационная работа — несколько всесоюзных совещаний и конференций, позволивших сформировать авторский коллектив для разработки типовой схемы статей энциклопедии. «Этот подготовительный этап сам по себе оказался важен для развития типологических исследований в России — по его результатам были изданы коллективные монографии, обобщающие ог-

ромную типологическую работу. В Институте языкознания было создано специальное структурное подразделение — группа «Языки мира», призванная осуществлять издание энциклопедии. Ее работой и руководила В.Н.Ярцева, в научной биографии которой энциклопедия «Языки мира» занимала очень важное место. «Сам проект «Языки мира», создаваемый на рубеже двух тысячелетий, стал уникальным в мировой лингвистической литературе, и он уже вошел в научные анналы как ярцевские «Языки мира» (Предисловие: 11).

Большую научную ценность представляет и другой крупный проект, во главе которого стояла В.Н.Ярцева как председатель редакционной коллегии — «Языки Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия» (в трех томах; первый том вышел в 1997 г.).

С именем В.Н.Ярцевой неразрывно связано и другое фундаментальное издание в отечественном языкознании — «Лингвистический энциклопедический словарь» (1990). Как главный редактор Виктория Николаевна руководила работой огромного авторского коллектива, создававшего систематизированный свод знаний о человеческом языке, языках мира и языкознании как науке. Словарь стал первым энциклопедическим изданием, освещающим достижения отечественной и зарубежной лингвистики с позиций современной концепции языка. Это издание было отмечено Государственной премией.

Многие годы Виктория Николаевна была единственным кельтологом-лингвистом в нашей стране. Она опубликовала ряд статей по кельтологии, среди которых особое место принадлежит работе «Древнеириландский и другие кельтские языки в системе индоевропейских языков» (1940). В ней были показаны те особенности, которые выделяют кельтские языки среди других индоевропейских языков, а также высказана принципиально важная мысль о том, что такие инновации, как начальная позиция глагола в предложении, появление суффиговых местоимений, возникли в результате внутреннего развития, а не под влиянием какого-либо субстрата, как полагали другие ученые. Усилиями В.Н.Ярцевой кельтология обрела в нашей стране прочную научную базу и образовала самостоятельную нишу в индоевропейском языкознании.

Высокий научный авторитет Виктории Николаевны позволял ей даже в самые трудные для научного обмена годы поддерживать контакты и развивать сотрудничество с лингвистами США по линии Айрекса (IREX — International Research Exchange board: Совет по международ-

ному научному обмену при Совете познавательных обществ). В 80-е годы ею были организованы предварительные международные конференции по типологии, сравнительно-историческому языкознанию и семиотике, на которых гостями Академии были ведущие лингвисты мира — У.Леман, Р.Аустерлиц, Дж.Гринберг, Э.Поломе, В.Винтер, Т.Себеок, Я.Макиель и др.

В последние годы В.Н.Ярцева стала заместителем председателя Комиссии по истории филологических наук при ОЛЯ, которая осуществляет издание трудов крупнейших русских филологов. Именно за годы, когда Виктория Николаевна стала активно руководить комиссией, под ее редакцией в этой серии были изданы труды таких лингвистов, как П.М.Бицилли и Н.В.Крушевский.

«В.Н.Ярцева обладала счастливым свойством не только формулировать масштабные научные цели, но и добиваться их неуклонного осуществления, невзирая на обстоятельства. Как любила говорить она сама, любое научное мероприятие должно быть не только процессом, но и воплощаться в результат — научный текст, издание» (Предисловие: 13).

Приводимый ниже далеко не полный список трудов выдающегося российского лингвиста — яркое тому подтверждение.

Литература

- Десницкая А.В. Виктория Николаевна Ярцева: (К 75-летию со дня рожд.) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. — М., 1981. — Т. 40, № 6. — С. 550–553.
- Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. Ярцева В.Н. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — 686 с.
- Льюис Г., Педерсен Х. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков: Пер. с англ. / Редкол.: Ярцева В.Н. и др. — М.: Изд-во иностр. лит., 1954. — 534 с.
- Предисловие // Язык: Теория, история, типология / Под ред. Н.С.Бабенко. — М: Эдиториал УРСС, 2000. — С. 7–13.
- Языки Российской Федерации и соседних государств: Энциклопедия / РАН. Ин-т языкознания. — М.: Наука, 2001. — Т. 1–3; Т. 1: А–И / Редкол.: Ярцева В.Н. (пред.) и др. — 432 с.
- Ярцева В.Н. Историческая морфология английского языка. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. — 194 с.
- Ярцева В.Н. Исторический синтаксис английского языка. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. — 308 с. — Библиогр.: с. 289–302.

- Ярцева В.Н. История английского литературного языка IX–XV вв. – М.: Наука, 1985. – 247 с. – Библиогр.: с. 240–245.
- Ярцева В.Н. Категория активности и пассивности в английском языке // Юбилейная научная сессия ЛГУ: Тез. докл. на секции филол. наук. – Л., 1946. – с. 33–44.
- Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. – М.: Наука, 1981. – 111 с. – Библиогр.: с. 108–110.
- Ярцева В.Н. Основной характер словосочетания в английском языке // Изв. АН СССР. ОЛЯ. – М., 1947. – Т. 6, Вып. 6. – С. 501–508.
- Ярцева В.Н. Развитие национального литературного английского языка. – М.; Наука, 1969. – 286 с. – Библиогр.: с. 277–285.
- Ярцева В.Н. Свободное и связанное дополнение в английском языке // Язык и мышление. – М., 1948. – Т. 11. – С. 406–409.

Основные работы В.Н.Ярцевой

- Ярцева В.Н.* Развитие сложноподчиненного предложения в английском языке. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1940. – 116 с.
- Ярцева В.Н.* Древнеирландский и другие кельтские языки в системе индоевропейских языков // Учен. зап. Ленингр. ун-та. Сер. филол. наук. – Л., 1940. – N 60, вып. 6. – С. 57–72.
- Ярцева В.Н.* Категория активности и пассивности в английском языке // Юбилейная научная сессия ЛГУ: Тез. докл. по секции филол. наук. – Л., 1946. С. 30–44.
- Ярцева В.Н.* Основной характер словосочетания в английском языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – М., 1947. – Т. 6, вып. 6. – С. 501–508.
- Ярцева В.Н.* Составное сказуемое и генезис связочных глаголов в английском языке // Тр. Воен. ин-та иностр. яз. – М., 1947. – N 3. – С. 29–47.
- Ярцева В.Н.* Свободное и связанное дополнение в английском языке // Язык и мышление. – М.; Л., 1948. – Т. 11. – С. 406–419.
- Ярцева В.Н.* Смешение лексики с грамматикой в «теории» Н.Я.Марра // Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании. – М., 1952. – Ч. 2. – С. 351–365.
- Ярцева В.Н.* Предисловие // Льюис Г., Педерсен Х. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков: Пер. с англ. / Редкол.: Ярцева В.Н. и др. – М.: Изд-во иностр. лит., 1954. – 534 с.
- Ярцева В.Н.* Предложение и словосочетание // Вопросы грамматического строя. – М., 1955. – С. 436–451.
- Ярцева В.Н.* Проблема реконструкции синтаксиса группы близкородственных языков // Научная сессия по вопросам германского языкознания, 27–30 нояб. 1956 г.: Тез. докл. – М., 1956. – С. 11–13.

- Ярцева В.Н.* О соотношении качественных и количественных изменений в языке // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. – М., 1958. – N 2. – С. 3–14.
- Ярцева В.Н.* Историческая морфология английского языка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 194 с.
- Ярцева В.Н.* О сопоставительном методе изучения языков // Науч. Докл. высш. шк. Филол. науки. – М., 1960. – № 1. – С. 3–14.
- Ярцева В.Н.* Исторический синтаксис английского языка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – 308 с. – Библиогр.: С. 289–302.
- Ярцева В.Н.* Сопоставительный анализ структуры слова в современных германских языках // Проблемы морфологического строя германских языков. – М., 1963. – С. 5–14.
- Ярцева В.Н.* О задачах сопоставительно-типологического изучения родственных языков // Вопросы общего языкознания. – М., 1964. – С. 54–60.
- Ярцева В.Н.* Роль лексики при синтаксическом анализе // Историко-филологические исследования. – М., 1967. – С. 214–222.
- Ярцева В.Н.* Развитие национального литературного английского языка. – М.; Наука, 1969. – 286 с. – Библиогр.: с. 277–285.
- Ярцева В.Н.* Языки мира – проблемы описания и классификации // Вестн. АН СССР. – 1971. – N 10. – С. 44–51.
- Ярцева В.Н.* Одна из главных задач языкознания // Будущее науки; Междунар. Ежегодник. – М., 1973. – Вып. 6. – С. 365–381.
- Ярцева В.Н.* Типология языков и проблема универсалий // Вопр. Языкознания – М., 1976. – N 2. – С. 6–16.
- Ярцева В.Н.* Именные формы глагола // Историко-типологическая морфология германских языков.: В 3-х т. – М., 1977–1978; – Т. 3: Именные формы глагола. Категория наречия. Монофлексия. – 1978. – С. 92–143.
- Ярцева В.Н.* Современная типология и ее связи с контрастивной лингвистикой // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. – М., – 1978. – № 5. – С. 6–15.
- Ярцева В.Н.* [Об издании энциклопедического труда «Языки мира: Докл. на заседании Президиума АН СССР] // Вестн. АН СССР. – М., 1979. – № 2. – С. 26–35.
- Ярцева В.Н.* «Языковой тип» среди сопредельных понятий // Теоретические основы классификации языков мира. – М., 1980. – С. 24–61.
- Ярцева В.Н.* Контрастивная грамматика. – М.: Наука, 1981. – 111 с. – Библиогр.: с. 108–110.
- Ярцева В.Н.* История английского литературного языка IX–XV вв. – М.: Наука, 1985. – 247 с. – Библиогр.: с. 240–245.
- Ярцева В.Н.* Теория и практика сопоставительного исследования языков. // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – М., 1986. Т. 45, N 6. – С. 493–499.

- Ярцева В.Н.* Проблемы языкового варьирования: Истор. аспект / Языки мира. — М., 1990. — С. 5—35.
- Jartseva V.N. A syntactic typology of Indo-European languages: (With ref. to Celtic, Baltic a. Germanic lang.) // Reconstructing languages and structures / Ed. Polome E.C., Winter W. — Berlin; NY., 1992. — P. 185—216. — (Trends in linguistics: Studies a. monogr.; 58).

Основные работы о В.Н.Ярцевой

- Виктория Николаевна Ярцева: [Биогр. справка] // Наука и человечество: Междунар. ежегодник, 1975. — М., 1974. — С. 86.
- Гухман М., Миронов С. Виктория Николаевна Ярцева: (К 70-летию со дня рожд.) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. — М., 1976. — Т. 35, № 6. — С. 564—566.
- Виктория Николаевна Ярцева: [К 70-летию со дня рожд.] // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. — М., 1976. — № 6. — С. 119—121.
- Кузнецов А.М. Ярцева Виктория Николаевна // Большая советская энциклопедия. — 3-е изд. — М., 1978. — Т. 30. — С. 560—561.
- Ярцева Виктория Николаевна // Советский энциклопедический словарь. — М., 1980. — Т. 2. — С. 1593.
- Виктория Николаевна Ярцева: [К 75-летию со дня рожд.] // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. — М., 1981. — № 6. — С. 92.
- Десницкая А.В. Виктория Николаевна Ярцева: (К 75-летию со дня рожд.) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. — М., 1981. — Т. 40, N 6. — С. 550—553.
- Виктория Николаевна Ярцева: [К 80-летию со дня рожд.] // Научн. докл. высш. шк. Филол. науки. — М., 1986. — № 5. — С. 3.
- Ярцева Виктория Николаевна // Большой энциклопедический словарь. — М., 1991. — Т. 2. — С. 728.
- Предисловие // Язык: Теория, история, типология / Под ред. Бабенко Н.С. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — С. 7—13.